Ф. Ф. ЮСУПОВ

КОНЕЦ РАСПУТИНА

Исторический
Архив

Кн. Ф. Ф. Юсуповъ

КОНЕЦЪ РАСПУТИНА

Воспоминанія

Парижъ
1927

Ф. Ф. Юсупов

КОНЕЦ
РАСПУТИНА

Воспоминания

МОСКВА

ИПО ПРОФИЗДАТ
СП «СОВАМИНКО»
АГЕНТСТВО «КОМПЬЮТЕРПРЕСС»

1990

ББК 63.3 (2) 524
Ю91

Составитель А. С. Евсеев
Зав. редакцией Л. М. Кузьмина
Художник О. Ю. Бурьян
Вступительная статья и примечания к.и.н. А. Н. Боханова

ISBN 5-255-00460-X

У КОРМИЛА ВЛАСТИ

Есть в истории понятия, служащие общепризнанными титулами определенных явлений и событий. На протяжении многих десятилетий имя Григория Распутина используется для уничижительной характеристики последних Романовых. Крушение Российской монархии в марте 1917 года завершило длительную историю существования мощной самодержавной системы, находившейся последние годы в состоянии своеобразного коллапса. И казалось, что сама история послала царям этого человека, чтобы ускорить их бесславное падение под восторженные крики современников, желавших увидеть на обломках самовластия "царство свободы и благоденствия".

До сих пор многие стороны роковой драмы заката Российской империи не ясны, а вся распутиниада до настоящего времени не была объектом серьезного научного анализа. Хотя библиография по этой теме обширна, большую ее часть составляют различные скороспелые и тенденциозные сочинения, построенные в большей степени на слухах и сплетнях, чем на заслуживающих доверия документах. Интересующиеся историей читатели стремятся получить не интерпретации истории, исходящие из-под пера "профессиональных знатоков"; они хотят сами без идеологически ангажированных поводырей увидеть, услышать и понять минувшее, без знания чего невозможна никакая настоящая культура. И в этом смысле предлагаемая вниманию читателей книга чрезвычайно интересна, так как относится к числу "свидетельских показаний".

Долгое время записки князя Ф. Ф. Юсупова были доступны лишь узкому кругу специалистов. Теперь о качестве этого сочинения, как и о характере содержащихся в нем сведений, смогут судить многие. Данная книга примечательна в нескольких отношениях. Во-первых, она вышла из-под пера русского аристократа, носителя одной из самых родовитых фамилий, и число подобных сочинений ограничено. Во-вторых, она посвящена одной из самых мрачных тайн монархии, и автор — организатор и непосредственный

участник ликвидации “последнего временщика последнего царя“. Именно это громкое убийство и превратило Феликса Юсупова в заметную историческую фигуру и высветило некоторые примечательные реалии того, давно ушедшего, но до конца не разгаданного времени.

Любые воспоминания всегда субъективны. В этом специфика и типичная особенность такого исторического источника как мемуары. Данная книга не является исключением из общего правила. Более того, она преследует вполне определенные цели: оправдать действия Ф. Ф. Юсупова, показать его истинным и смелым борцом за сохранение могущества и величия империи. Эти цели диктовала та среда и то время, в которых создавались воспоминания.

Испытав все тяготы и потрясения революции и гражданской войны, потерпев полное жизненное крушение и оказавшись за границей, многие беженцы, ранее принадлежавшие к привилегированным слоям общества, стали воспринимать ушедшую в небытие дореволюционную действительность в идиллическом свете. Все, что когда-то возмущало и угнетало, по сравнению с кровавыми ужасами революционного насилия стало выглядеть “вполне благопристойно“. В силу апокалипсической судьбы, императорская семья, о которой раньше так любили сплетничать в аристократических салонах, стала в правых кругах эмиграции объектом священно-благоговейного почитания и умиления. Шельмованию и остракизму подвергались все, кто когда-то так или иначе выступал против политики самодержавных правителей.

Во влиятельной монархической среде по адресу Ф. Ф. Юсупова раздавались выпады и даже оскорбления; ему не могли простить ни заговорщической деятельности, ни самого убийства, которое, как представлялось некоторым, было “первым выстрелом революции“. Стремясь снять с себя “пятно революционера“, молодой аристократ взялся за перо и решил поведать “городу и миру“ об истинной подоплеке события. Знание указанной предыстории особенно важно для объективной оценки приводимых сведений и авторских умозаключений, которые, в силу отмеченных причин, не всегда адекватно отражают действительность.

Общий смысл воспоминаний довольно прост. В час великих испытаний для России к подножию трона пробрался грязный, аморальный человек, который дьявольской своей силой похитил разум императрицы и через нее стал влиять

на царя в угоду своим и своих хозяев интересам. Обеспокоенный за судьбу родины молодой герой вступил в борьбу с "исчадием ада" и уничтожил его во имя спасения монархии и страны. Такова в общих чертах событийная канва. Заданность изложения обусловила и авторские смысловые акценты: все, что касается Распутина, ужасно, все, что объясняет и оправдывает поступок молодого аристократа, — благородно и возвышенно. Насколько подобная концепция близка к истине? Здесь необходимо затронуть некоторые вопросы более общего порядка.

Феномен Распутина нельзя понять без учета времени и места его возникновения. Последнее царствование проходило на фоне разраставшегося кризиса монархии и империи. Смуты и войны терзали страну. Император и его ближайшее окружение искали утешение от повседневных потрясений в закрытом мире царских покоев, в кругу семьи и особенно у алтарей и икон. Николай II и его жена, Александра Федоровна, были исключительно набожными людьми. Постепенно "погруженность" их сознания в религиозное миросозерцание усиливалась и приобрела, особенно у царицы, крайние формы, когда уже трудно было отличить, где кончается действительная жизнь и начинается область иррационального. Многочисленные неудачи во внешней и внутренней политике убедили венценосную чету, что управлять огромной империей можно лишь с помощью "божественного провидения" и что истинно только то, что "исходит от Бога", волю которого доносят до людей "божьи люди".

Этим объясняется их огромный интерес к святоотеческим преданиям и вера различным предсказателям и ясновидящим. Может показаться странным, что уже во время существования телефона, телеграфа, электричества, кинематографа, автомобиля и других атрибутов цивилизации XX века правители не только полностью находились в плену религиозных представлений минувших эпох, но и стремились руководствоваться ими в своей политической деятельности. Однако глубинный смысл всей монархической драмы в России коренился не в мифологизированном сознании царя и царицы. Все было значительно сложней.

Самодержавие, как система власти, пережила себя и не поддавалась сколько-нибудь существенному реформированию. В сознании коронованных особ данная форма правления считалась исконной, "Богом данной", и отказ от нее рассматривался ими как измена и преступление. Опыт пер-

вой российской революции 1905 — 1907 годов, когда под напором народных выступлений самодержавие пошло на некоторые существенные политические уступки, убедил их, что любой отход от традиционных форм власти ведет страну “к анархии и хаосу“. Историческая обреченность российской монархии заключалась в том, что архаический институт самодержавия не соответствовал духу времени и был не в состоянии решать сложные проблемы страны. Склонности натуры царя могли усугублять кризисную ситуацию, но не инициировали ее. Безысходность положения и беспомощность правителей делали их фаталистами, часто поступавшими вопреки логике и рассудку. Даже накануне крушения монархии, выслушав в очередной раз сетования родственников на плохое положение дел, Николай II с удивительным самообладанием заметил: “На все воля Божья. Я родился 6 мая в день поминовения многострадального Иова. Я готов принять мою судьбу“[1].

Понять до конца причины и мотивы возникновения Г. Е. Распутина невозможно, лишь вооружившись знанием событийных коллизий и материалистической методологии. Однако совершенно определенно можно говорить о том, что появление этой одиозной личности было симптомом болезни, но никак не ее причиной. Видный лидер российского либерализма П. Н. Милюков в конце 1916 года справедливо заметил, что “Распутин — не самый важный государственный вопрос“[2].

Однако подобных взглядов придерживались далеко не все. Царедворцы, сановники, аристократы негодовали. Их возмущал не столько сам факт появления в “царских чертогах“ очередного “божьего человека“, сколько та необычная роль, которую он стал играть. Обладая сильной волей, даром гипнотического воздействия и удивительной интуицией, крестьянин Тобольской губернии Григорий Распутин довольно быстро завоевал расположение царицы, а потом и царя. Вера в судьбоносное предназначение этого человека укрепилась у императрицы после нескольких случаев помощи горячо любимому сыну. Цесаревич с детства страдал гемофилией (несворачиваемостью крови), и эта болезнь подвергала его жизнь опасности при любом ушибе или царапине. Распутину несколько раз удавалось облегчить его страдания и предсказать благоприятный исход тогда, когда медицина казалась бессильной. Для Александры Федоровны, которая всю жизнь верила в чудеса, этого было достаточно,

чтобы раз и навсегда заключить, что "дорогой Григорий" — защита и опора семьи и наследника, а следовательно, настоящего и будущего России (понятия "Романовы" и "Россия" в ее сознании существовали нераздельно).

Измученная переживаниями и заботами душа императрицы находила утешение в беседах с этим, как она его называла, "нашим другом" на религиозные темы. Распутин знал Священное Писание и много на своем веку путешествовал по святым местам, был во многих центрах русского православия, совершал паломничество в Иерусалим. Николай II однажды признался дворцовому коменданту генералу В. А. Дедюлину, что он "хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно"[3]. Однако постепенно "старец-утешитель" стал давать советы в областях, которые выходили за нравственно-религиозные темы и касались вопросов общегосударственных.

В среде "образованного общества" сначала глухо, а потом все отчетливей зазвучали голоса о том, что царь и царица подпали под роковые чары "этого проходимца". Правда в таких рассказах перемежалась с вымыслом, факты — с домыслами, но общая картина, чем дальше, тем больше становилась безрадостней. Слухи плодились в кулуарах Государственной думы, в либеральных салонах, в кругах фрондирующей свободомыслием интеллигенции. Следует подчеркнуть, что перед "папой и мамой земли русской" (так он называл Николая и Александру) Распутин представал с молитвой на устах и никогда не добивался у них для себя никаких материальных или иных выгод. Он выступал почти всегда просителем "за униженных и оскорбленных", и царица, например, была уверена, что из его уст она слышит "голос народа", интересы и чаяния которого, по ее глубокому убеждению, были чужды окружающим придворно-сановным сферам.

Русская аристократия, история и судьба которой были неотделимы от судьбы и истории монархии особенно остро реагировала на события. Она не могла примириться с мыслью, что на вершине власти обосновался человек "без роду и племени", человек, чье слово означает больше, чем речи самих именитых и титулованных придворных. Никто толком ничего не знал, но все были уверены, что влияние Распутина огромно.

В аристократической среде не без основания считали, что циркулировавшие по этому поводу слухи дискредитируют императорскую семью и ведут к подрыву престижа власти. Им казалось, что необходимо "открыть глаза государю" на истинное положение вещей и добиться удаления от трона человека, биография и образ жизни которого ничего, кроме отвращения, вызвать не могли. Мать Николая II еще в 1912 году заметила премьеру В. Н. Коковцову: "Несчастная моя невестка не понимает, что она губит и династию и себя. Она искренно верит в святость какого-то проходимца, и мы бессильны отвратить несчастье"[4]. Причины бед и невзгод страны, число которых особенно увеличилось в годы мировой войны, требовали объяснений. Многие неудачи на фронте и развал в тылу стали объяснять влиянием "темных сил" с Распутиным во главе.

В высшем свете возобладало убеждение, что ликвидация распутинского влияния приведет к успокоению общества, обеспечит близкую победу в войне и позволит стране смело шагнуть в будущее. Подобные настроения показывают, как далеко была аристократия от реального видения мира. В этой атмосфере иллюзорных надежд рождались немыслимые планы "спасения государя и России", которые умирали так же быстро, как и возникали. Однако одному из них все-таки было суждено осуществиться, и об этом говорится в данной книге.

Автор ее, князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон родился в 1887 году. По своему происхождению и по своему положению в обществе принадлежал к наиболее аристократической ее части. Его отцом был граф Ф. Ф. Сумароков-Эльстон, женившийся в 1882 году на последней представительнице княжеского рода Юсуповых, Зинаиде Николаевне, и получивший право пользоваться титулом жены. Юсуповы относились к числу богатейших людей в России, которым принадлежали сотни тысяч десятин земли в различных районах империи, благоустроенные усадьбы (например, "Архангельское" под Москвой) и недвижимость в городах.

Мать Феликса, З. Н. Юсупова, умная, обаятельная и великодушная женщина, состояла в тесной дружбе с сестрой царицы, великой княгиней Елизаветой Федоровной ("Эллой"). Обе они были непримиримыми противницами Распутина и неоднократно пытались побудить царицу отказаться от общения с этим "проходимцем-проповедником". В от-

вет на эти попытки императрица прекратила общение с З. Н. Юсуповой, а со своей сестрой отказалась обсуждать эту тему, которую она считала внутренним делом царской семьи.

В последние годы монархии императрица Александра Федоровна во многих письмах "любимому мужу Ники" неоднократно упоминала о "происках клики Эллы" и Зинаиды Юсуповой. Антираспутинские настроения прочно господствовали в семье Юсуповых и соответствующим образом формировали мировоззрение Феликса. Отношение к нему самому царя и царицы долгое время было довольно нежным, и они дали согласие на его брак с племянницей Николая II — Ириной Александровной Романовой (ее мать — старшая сестра царя). Женитьба, состоявшаяся в начале 1914 года, приблизила Феликса Феликсовича к самым вершинам власти.

История вызревания плана убийства и осуществления этой "акции" подробно изложены в книге. Из четырех активных участников заговора еще двое, В. М. Пуришкевич и В. А. Маклаков, оставили свои воспоминания. (Не писал ничего лишь великий князь Дмитрий Павлович). Однако они интересны лишь в качестве дополнительных свидетельств, так как инициатива заговора и основная "организационная работа" были выполнены князем. Кроме того, важно иметь в виду, что большую часть роковой ночи с 16 на 17 декабря 1916 года Г. Е. Распутин и Ф. Ф. Юсупов общались без свидетелей, что придает рассказу автора особую значимость. Однако, вопреки заверениям самого князя, есть серьезные сомнения в том, что он достаточно искренен в своем рассказе.

Многие утверждения и якобы факты носят просто баснословный характер, и безоговорочно принимать все на веру не следует. Скажем, автор несколько раз упоминает о том, что Распутин был центром шпионской сети, за которой стояла воюющая с Россией Германия. Подобные слухи имели широкое хождение в те годы. Однако, когда писалась книга "Конец Распутина"[5], многое уже было прояснено и никаких фактов "шпионства" обнаружено не было. (Отсутствуют какие-либо данные на этот счет до сих пор). Несмотря на это, пытаясь представить себя в глазах читателя спасителем России, Ф. Ф. Юсупов утверждает, что Распутиным управляли какие-то "зелененькие" из-за границы, и красочно живописует, как на квартире "старца", на Горохо-

вой, 64, он видел “сборище шпионов“. Со всей определенностью можно констатировать, что ничего подобного не было и не могло быть, а весь этот эпизод — плод воображения князя.

Распутин не являлся ни шпионом, ни главой некой шайки, которая, благодаря его усилиям, якобы захватила бразды правления в стране. Подобные фальшивки во множестве сочинялись и в либеральной, и в радикальной среде. Щедрая дань отдана им и в настоящем сочинении. В сознании современников той эпохи предположение “так могло быть“ часто приобретало характер утверждения “так было“, что потом и фиксировалось в различных свидетельствах. Подобная “аберрация социального зрения“ типична для периодов глубочайших общественных кризисов. Этому положению способствовала полная скрытность внутренней жизни царской семьи, что объяснялось в большинстве случаев не свойствами характера императорской четы; здесь виделась какая-то “роковая тайна“, которую не терпелось узнать.

Опровергнуть различного рода слухи и сплетни, затрагивающие их непосредственно, царь и царица не смогли, в силу своего общественного статуса и исторических самооценок, сводившихся к тому, что “царь выше общественного мнения“. В том же, что “утешитель“ семьи Николая II окружен темными личностями и многочисленными просителями, не было ничего исключительного, хотя это обстоятельство постоянно фигурировало для подтверждения версии о преступных антигосударственных связях. Между тем давно известно, что при авторитарных режимах роль закулисных деятелей с “нужными связями“ необычайно велика. На протяжении всей истории монархической России, всесильные временщики и царедворцы всегда были окружены плотной толпой искателей удачи и просто аферистами. Получить чин, добиться звания или пенсии, ускорить судебное решение или провернуть выгодное коммерческое дельце можно было через неофициальные каналы в петербургских и царскосельских коридорах власти.

Одним из узловых моментов всего распутинского феномена является вопрос о степени его политического влияния. Согласно широко распространенному взгляду, которого придерживается и Ф. Ф. Юсупов, этот человек, особенно в годы первой мировой войны, стал всесильным и мог по своему усмотрению менять любых должностных лиц. Правдоподобность подобных заявлений как будто подтверждалась так

называемой "министерской чехардой", наблюдавшейся в последний период монархии. С начала мировой войны и до падения самодержавия, то есть за 31 месяц, сменилось шесть министров внутренних дел, три министра иностранных дел, четыре военных министра и т. д.

Все это так. Не вызывает сомнений и то, что Распутин действительно ходатайствовал о ряде лиц, которые вскоре получали высокие должности. Однако до сих пор не ясно: что (или кто) двигало "дорогим Григорием" в таких ситуациях. Известно также, что в это же время происходили назначения на ключевые посты вопреки желаниям императрицы и ее ментора. В этом важнейшем пункте значительно больше догадок и бездоказательных утверждений, чем документированных фактов. В настоящее время является уже очевидным, что никакой "своей политики" у "Гришки-проходимца" не было.

Молодой князь Ф. Ф. Юсупов близко стоял к трону, но о роли Распутина в царской семье не мог судить по собственным наблюдениям и, как все остальные, "пережевывал" по этому поводу многочисленные слухи. Сам он его в царской резиденции, Александровском дворце Царского Села, никогда не встречал и не мог встретить. Николай II и Александра Федоровна строго следили за тем, чтобы их отношения со "старцем" не предавались гласности, и даже со своими приближенными избегали разговоров на эту тему. Непосредственно во дворце "дорогой Григорий" был лишь несколько раз, а местом встречи и "душевного общения" императрицы с ним был выбран дом ее фрейлины — подруги А. А. Вырубовой. Этот "Анин домик" последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов назвал "папертью власти". Феликс обо всем этом был наслышан и относился к компаньонке Александры Федоровны откровенно неприязненно, обвиняя ее в том, что она "изолировала императрицу". Подобное утверждение довольно странно, так как "изолированный" образ жизни царская семья вела всегда, в том числе и тогда, когда никакой Вырубовой и в помине не было.

Нельзя целиком полагаться и на оценки князя, относящиеся к императрице Александре Федоровне. Являясь убежденным монархистом и пытаясь защитить "монархическую идею", Ф. Ф. Юсупов невероятно преувеличивает силу воздействия царицы на своего мужа. В интерпретации князя именно этому роковому воздействию Россия была

обязана появлением у кормила власти Распутина и последовавшим затем несчастьям и катастрофам. Конечно, влияние было, но в общем-то оно не носило того демонического характера, который ему придавали. Николай II и Александра Федоровна, ставшие мужем и женой в 1894 году, всю свою жизнь провели во взаимной любви и согласии, и их брак походил на медовый месяц, длившийся более двадцати лет. Мировоззрение, привычки, симпатии и антипатии каждого из них были созвучны друг другу, и здесь было несомненное взаимопонимание на почве "родства душ". Подмена реальной жизни иллюзиями для любого человека чревата горькими разочарованиями; для правителя же (особенно самодержавного) подобная позиция чревата национальной трагедией, которая в конечном итоге и произошла.

В книге неоднократно встречается зашифрованный инициалами "М. Г." женский персонаж, познакомивший князя с его будущей жертвой, в доме которого они неоднократно встречались. Речь идет об известной последовательнице Распутина, выполнявшей функции его секретаря, Марии Евгеньевне Головиной ("Муни Головиной"), питавшей к Феликсу "романтическое чувство". Однако в силу мистическо-экзальтированного характера своей натуры молодая девушка стала рьяной поклонницей "старца" и целиком ушла в мир религиозного аскетизма.

Дом Головиных (к чилу страстных поклонниц Распутина относилась и мать "Муни") был одним из немногих в Петербурге, где новоявленного "духовного отца" принимали с благоговейным трепетом довольно часто. Головины находились довольно высоко в аристократической иерархии: тетка Муни, родная сестра ее матери, О. В. Головина (княгиня Палей) была женой члена царской фамилии — великого князя Павла Александровича (дядя Николая II).

В рассказе Феликса можно различить известные смысловые и сюжетные недоговоренности, объясняемые все той же исходной заданностью сочинения. Например, князь говорит, что в поисках поддержки своего плана ликвидации "ненавистного мужика" он обратился к члену Государственной думы, влиятельному кадету В. А. Маклакову, изложил ему свое намерение, но встретил холодный прием и "убедился, что иметь с ним дело не стоит". Однако его собеседник излагает это событие совершенно иначе. Уже после появления книги Ф. Ф. Юсупова В. А. Маклаков написал "дополнение к его воспоминаниям", где довольно подробно изложил де-

тали их отношений. В частности, он сообщил, что Феликс приезжал искать не просто содействия; он просил помочь найти человека, готового за деньги убить Распутина. Крупный юрист и один из лидеров либерализма был оскорблен таким поворотом разговора и счел, что продолжать его не имеет смысла. Князь же об этом умолчал, считая, что рассказ о поиске наемного убийцы мог умалить создаваемый им собственный образ — "рыцаря без страха и упрека". Существуют и другие детали и эпизоды, которые при ближайшем знакомстве приобретают несколько иную окраску. Наверное, за подобными неточностями не всегда стоит умышленное намерение; многое просто было вычеркнуто из памяти временем.

Финал распутинской истории полон тайн и до сих пор. Скажем, почему "пророк-предсказатель" поехал в гости в юсуповское палаццо, провел там несколько часов, но так до конца и не понял грозящей опасности. Хотя этот человек обладал действительно удивительной интуицией, она в этой ситуации ему почему-то отказала. К тому же министр внутренних дел А. Д. Протопопов около полуночи посетил своего "патрона" и посоветовал ему быть осторожным, так как "возможны покушения". Уместно добавить, что визит министра, о котором говорит и князь, был вызван сообщением о покушении на самоубийство жениха дочери Распутина, известие о котором тяжело потрясло отца. Может быть, это потрясение парализовало интуитивные способности "Гришки-окаянного", и он не разглядел опасности? Примечательно, что поклонницы Распутина были убеждены, что их "духовного наставника" обмануть нельзя и что он "видит всех насквозь". Когда же выяснилось, что его обвел вокруг пальца и заманил в ловушку "светский мальчик", их постигло горькое разочарование. После смерти "старца" выяснилось, что оплакивали его всего несколько человек, в числе которых были царица и А. А. Вырубова.

В силу отрешенности от "мирских забот" Николай II реагировал на убийство со свойственным ему хладнокровием. Для понимания душевного облика последнего самодержца приведем его дневниковую запись, сделанную 21 декабря 1916 года в Царском Селе: "В 9 час. поехали всею семьей мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е дек. извергами в доме Ф. Юсупова, стоял уже спущенным в могилу. Отец Ал. Ва-

сильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой. Погода была серая при 13 градусах мороза. Погуляли до докладов. Принял Шаховского и Игнатьева. Днем сделал прогулку с детьми. В 4 1/2 принял нашего Велепольского, а в 6 часов Григоровича. Читал"[6]. Трудно считать, что это написал человек, действительно потрясенный потерей близкого.

Заметим, что после падения монархии Временным правительством была учреждена специальная комиссия, которая должна была выявить и расследовать преступления свергнутого режима. Распутин и "окружение" находились в центре разбирательства. Оказалось, что число его действительных почитательниц, о которых так много было разговоров, составляло всего несколько человек. Для основной части распутинской свиты сам "проповедник" был всего лишь модным столичным увлечением, своего рода "пикантным событием" в их повседневной и наскучившей жизни.

Десятки других дам петербургского света и полусвета, общаясь со "старцем", пытались использовать его влияние для достижения вполне мирских целей. Приведем только один характерный пример. За упоминавшейся выше женой великого князя Павла, княгиней Палей, прочно утвердилась репутация "распутинки". Однако, как убедительно явствует из ее дневника, эта дама (мачеха великого князя Дмитрия Павловича) была настроена по отношению к "проповеднику" довольно скептически, и слова "ужас" и "кошмар" неоднократно встречаются на страницах ее заветных тетрадей после встречи в доме своей сестры с Распутиным. Общалась она с ним исключительно для того, чтобы добиться расположения императрицы.

Значительную часть своего сочинения Феликс Юсупов посвятил общественным перипетиям после совершенного убийства. Он описывает радостное настроение, охватившее страну после известия о гибели "ненавистного временщика". Справедливости ради следует сказать, что восторг действительно охватил в первую очередь аристократическую часть общества. Однако основная масса населения никак не реагировала на событие. В этой связи представляется совершенно невероятным рассказ о том, что "рабочие больших заводов" на своих собраниях "постановили спасти нас и устроить нам негласную охрану".

Поведение Феликса и великого князя Дмитрия после убийства показало, насколько они были наивны в своих по-

пытках "замести следы". Царица уже 17 декабря сообщала в письме своему мужу, что в доме Юсуповых "нашему другу" была устроена западня[7]. В этот день князь написал письмо Александре Федоровне, текста его не приводит, но замечает, что "оно было очень сжато и носило характер докладной записки". Однако на самом деле все было не совсем так. Это — письмо-оправдание, автор которого отрицал факт встречи с Распутиным и в конце восклицал: "Я не нахожу слов, чтобы сказать Вам, как я потрясен всем случившимся и до какой степени мне кажутся дикими те обвинения, которые на меня возводят"[8]. Подобную отчаянную ложь можно объяснить лишь всепоглощающим страхом, охватившим главных участников "акции 17 декабря".

О некоторых весьма показательных фактах, характеризующих настроения высших кругов общества в этот период, князь говорит вскользь или вообще не упоминает. Удивительно то достаточно символическое наказание, которого удостоились друзья-сообщники Феликс и Дмитрий. Первый был выслан в свое имение "Ракитное", а второй — отправлен служить в Персию (что позднее и спасло ему жизнь). Остальные действующие лица вообще не привлекались к ответственности. Несмотря на очевидную мягкость кары, она вызвала ропот недовольства в кругу тех, кто по праву рождения был вхож в царский дворец.

В защиту великого князя Дмитрия Павловича, которого Николай II искренне любил и опекуном которого много лет состоял, выступили члены императорской фамилии во главе с матерью Николая II — императрицей Марией Федоровной. Они обратились к самодержцу с письмом, в котором взывали к его милосердию и состраданию. При этом как-то вообще было "выпущено из виду" то обстоятельство, что их протеже соучастник убийства. На их обращение последовала "высочайшая резолюция": "никому не дано право заниматься убийством"[9]. Возразить на это замечание царя практически было нечего.

С позиции добропорядочного христианина, к числу которых относили себя все "подписанты", Феликс и Дмитрий совершили тяжкий грех и не раскаялись в нем. Известный историк, великий князь Николай Михайлович (брат тестя Феликса Юсупова), с горечью записал в своем дневнике, что жена Феликса и его мать "обе в диком восторге, что Феликс — убийца Гришки!!!"[10]. Нельзя сказать, что автор данной книги не осознавал всю тяжесть моральной вины за

содеянное. В его мемуарах достаточно много места уделено размышлениям и сомнениям по этому поводу. Однако и через годы Феликс Юсупов не испытывал душевных мук и продолжал считать, что тот, совершенный в декабре 1916 года, поступок достоин только похвалы. Оправдание любого, "большого или малого", убийства возвышенными интересами народа и страны — подобная философия не делает чести князю, воспитанному на гуманистических ценностях христианской культуры.

Какую же действительную роль сыграл в судьбе монархии Распутин? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Да, он стал проклятием последних царей. Однако система самодержавной власти была обречена историей, и крушение наступило бы неизбежно в любом случае: появился бы этот "проповедник-утешитель" или нет. Образ "Гришки-окаянного" лишь озарил мрачным светом весь финал романовской династии.

Эта книга рассказывает не только о последнем акте монархической драмы в России, но в большей степени о том, как агония режима воспринималась теми, кто был наверху. В этом смысле она является удивительным документом эпохи. Здесь есть и событие и время. Для понимания и осознания грандиозного катаклизма, постигнувшего нашу страну в 1917 году, необходимо знать события и факты в их взаимосвязи. Долгое время тема о крушении монархии оставалась на периферии интересов историков, считавших, что здесь "все ясно". Теперь становится все более очевидным, что подобная самонадеянность не столько говорит о действительном положении вещей, сколько о схематизме восприятия прошлого, десятилетиями насаждавшемся в нашей стране. Книга Ф. Ф. Юсупова помогает понять прошедшее и способствует восстановлению распавшейся связи времен.

Александр Боханов

ПРЕДИСЛОВИЕ

До сих пор я не решался печатать моих записок о Распутине.

Мне не хотелось до времени касаться тех событий, которые роковым образом связаны с царствованием мученически погибшего государя императора Николая II.

Однако о событиях этих, не переставая, говорят и пишут. И, если, с одной стороны, иностранная бульварная пресса создает самые пошлые и клеветнические произведения на эту тему, то, к сожалению, с другой стороны, из-под пера самих русских выходят не менее отвратительные сочинения в том же роде, способные тешить нездоровое любопытство серой толпы.

Злобное глумление над теми, кто кровью искупил все свои невольные ошибки, — гнусно и недопустимо. Но есть и другая крайность в отношении к нашему недавнему прошлому: экзальтированная идеализация последнего царствования со всеми его болезненными явлениями.

Обе эти крайности одинаково затрудняют трезвый и объективный анализ прошлого. Особенно вредно они влияют на наше молодое поколение, которое растет вдали от Родины и, рано или поздно, должно будет принять участие в строительстве новой России.

Мы не имеем права питать легендами сознание умственно созревшей молодежи. И не при помощи легенд воспитываются настоящая любовь к Родине и чувство долга перед ней...

Чтобы избежать тяжелых разочарований и ошибок в будущем, необходимо знать ошибки прошлого, знать правду вчерашнего дня. Мне, как близкому свидетелю некоторых событий этого вчерашнего дня, и хочется рассказать о них все, что я видел и слышал. Ради этого я решил преодолеть в себе то тягостное чувство, которое подымается в душе при близком соприкосновении с минувшим, особенно при воспоминании о его страшной развязке в подвале Ипатьевского дома.

Когда Распутин черной тенью стоял около престола, негодовала вся Россия. Лучшие представители высшего духовенства поднимали свой голос на защиту церкви и Родины от посягательств этого преступного проходимца. Об удалении Распутина умоляли государя и императрицу лица, наиболее близкие царской семье.

Все было безрезультатно. Его темное влияние все больше и больше укреплялось, а, наряду с этим, все сильнее нарастало недовольство в стране, проникая даже в самые глухие углы России, где простой народ верным инстинктом чуял, что у вершин власти творится что-то неладное.

И потому, когда Распутин был убит, его смерть была встречена всеобщим ликованием.

Теперь у многих взгляд на вещи настолько изменился, что убийство Распутина называют "первым выстрелом революции", толчком и сигналом к перевороту.

Так ли это?

Ошеломленные ужасами русского бунта, измученные изгнаннической жизнью, русские люди многое забыли из прошлого.

Им кажется теперь, что само сопротивление Распутину и его влиянию было революционным восстанием против государственного порядка и что, если бы с Распутиным мирились и никто бы его не трогал, не случилось бы и страшного переворота, погубившего страну.

Такое суждение есть явный результат реакции, овладевшей общественным сознанием. Реакция во многих случаях бывает так же слепа и нетерпима к трезвому мышлению, как и революция.

Насколько несправедливы подобные выводы и обвинения по отношению к борьбе с распутинским засильем, можно показать, назвав лишь несколько лиц, открыто выступивших в этой борьбе: великая княгиня Елизавета Федоровна, Митрополит Петербургский и Ладожский Антоний, Митрополит Владимир, обер-прокурор Св. Синода А. Д. Самарин, бывший премьер П. А. Столыпин и председатель Государственной думы М. В. Родзянко.

Повернется ли язык назвать этих людей изменниками и врагами Родины?

А ведь они были убежденными противниками Распутина и боролись против него, "за Веру, Царя и Отечество", за спасение России от революции.

Революция пришла не потому, что убили Распутина.

Она пришла гораздо раньше. Она была в самом Распутине, с бессознательным цинизмом предававшем Россию, она была в распутинстве — в этом клубке темных интриг, личных эгоистических расчетов, истерического безумия и тщеславного искания власти. Распутинство обвило престол непроницаемой тканью какой-то серой паутины и отрезало монарха от народа.

Лишившись возможности разбираться в том, что происходило в России, русский император уже не мог отличать друзей от врагов. Он отвергал поддержку тех, которые могли помочь ему спасти страну и династию, и опирался на людей, толкавших к гибели и престол, и Россию.

Нет сомнения в том, что на долю императора Николая II выпало тяжелое царствование.

Преобладающее большинство русской интеллигентной молодежи того времени бредило революцией, зачастую превращая аудитории университетов в места политических сходок. И взрослым, и юным революция казалась единственным путем к установлению социальной справедливости и общего благоденствия в России.

Мечтательно-наивный идеализм русского интеллигента превратил революцию в некоторое подобие религии, которая требует подвигов и самоотречения, которая имеет своего рода “святых“. Политические преступники, сосланные в Сибирь или скрывшиеся за границу, в особенности же казненные убийцы-террористы, и казались именно такими героями, достойными самого благоговейного почитания.

В то время в русском образованном обществе действовал какой-то психоз, который отражался и в литературе, и в публицистике. Люди, зачастую очень почтенные и образованные, в большинстве своем совершенно не умели разбираться в основах государственной жизни России. Они подвергали жесточайшей и самой пристрастной критике весь тогдашний строй, с почти детской слепотой отрицая бесспорные заслуги русских царей, на протяжении веков создавших мощь великой империи. Благодаря этому и за границей составилось совершенно ложное представление о монархической России.

К сожалению, в то время около престола совершались события, которые могли дать много поводов для всякого рода самых тяжелых недоразумений и вызвать недовольство в стране.

Когда над отдельным человеком или даже над целым на-

родом должна разразиться беда, кажется, будто все обстоятельства складываются именно так, чтобы способствовать несчастью.

Частная жизнь царской семьи роковым образом переплелась с событиями политическими. Личные особенности характеров императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, которые при иных условиях не оказали бы, быть может, даже заметного влияния на их царствование, сыграли трагическую роль в судьбе и России, и всей династии.

Император Николай II, в бытность свою наследником престола, получил прекрасное образование, но не успел приобрести достаточной подготовки к сложным и трудным обязанностям монарха. Император Александр III, крепко державший власть в своих мощных руках, умер в расцвете сил, и бремя самодержавия обрушилось на молодого, неопытного цесаревича.

Следуя за гробом отца, приехал в Петербург молодой император вместе со своей невестой, принцессой Алисой Гессенской, которая, едва успев вступить в Россию, уже надела траур. Ей не удалось предварительно ознакомиться ни со своим новым отечеством, ни с обществом, ни с его традициями и привычками. В то время как другие русские государыни, в бытность свою цесаревнами, постепенно осваивались с русскими условиями жизни и постепенно узнавали своих будущих подданных, встречаясь с ними в более простой обстановке, супруга императора Николая II сразу стала императрицей и заняла то высокое положение, которое требует огромного знания окружающих людей и менее всего дает возможность их узнать.

К молодой императрице и общество, и народ присматривались с особенным вниманием, которое не могло ее не смущать. Очень застенчивая и нервная по природе, она ушла в себя, казалась скрытной, а иным даже сухой и неприветливой. Это обстоятельство с первых шагов повредило ее популярности, тем более что ее часто сравнивали с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, очень любимой в России, чарующая простота которой покоряла сердца ее верноподданных.

Личная жизнь молодых царя и царицы не могла дать им того беззаботного счастья, которому, казалось бы, все благоприятствовало. Император Николай II женился под свежим впечатлением утраты любимого отца и в тот момент,

когда ему пришлось принять на себя всю тяжесть и ответственность русской короны. Императрица Александра Федоровна искренно хотела делить с государем его заботы, давала ему советы, может быть, и не всегда удачные в силу ее малого знакомства с Россией. Таким образом, уже с первых лет императрица начала приобретать привычку к влиянию на государственные дела. В русском обществе это не вызвало одобрения: говорили о слабости воли у государя, порицали государыню за властолюбие.

Молодая царица скоро почувствовала, что ей не удалось пробудить к себе искренних симпатий в новом отечестве, по крайней мере среди сановных и светских кругов столицы. Она стала еще нервнее и еще более замкнулась в семейной жизни, страдая от того, что ее добрые намерения не поняты и не оценены. Чем дальше, тем больше у нее развивалась обостренная подозрительность ко всему.

Так, например, ей казалось, что рождение одной за другой четырех дочерей, вместо ожидаемого сына-наследника[11], является причиной ее непопулярности в стране.

Влияли на душевное состояние императрицы и неудачи, вроде японской войны, и проявления революционного террора, и события 1905 года, не говоря уже о страшном впечатлении Ходынки, которым было омрачено самое начало царствования.

Приняв православие, она со всей экзальтированностью новообращенной вдалась в ревностное исполнение всех внешних требований своей новой веры, не проникнув в ее внутреннюю сущность, сложную и глубокую. Болезненно религиозная по натуре, она все сильнее погружалась в мистицизм. Ее скорее влекло к таинственно-темным оккультным силам, к спиритизму и всякого рода волшебству. Она стала интересоваться юродивыми, предсказателями, ясновидящими.

Когда появился в Петербурге один французский оккультист, доктор Филипп[12], о котором говорили, что он тайно послан масонскими организациями к русскому двору, императрица слепо уверовала в его силу. Филипп появился еще до рождения наследника, и на его сверхъестественную помощь возлагала государыня свои материнские надежды. Потом он неожиданно уехал. Говорили, что организации, пославшие его в Россию, остались им недовольны и отозвали его обратно.

Через некоторое время после отъезда Филиппа появился

в Петербурге новый "пророк", но уже чисто русского типа — Григорий Распутин, сибирский мужик, принявший облик благочестивого русского странника-богомольца. На императрицу он произвел очень сильное впечатление. Когда лица, покровительствовавшие первым шагам Распутина в Петербурге, потом разобрались в его нравственных качествах и пытались его удалить от двора, — ничего уже сделать было невозможно, он слишком прочно занял свое место.

Влияние Распутина на императрицу началось благодаря вмешательству Вырубовой[13], которая занимала совершенно исключительное положение в Царском Селе.

Появление Вырубовой около императрицы и то значение, которое она приобрела в царской семье, — такая же трагически-роковая случайность, как и появление Распутина.

Императрица сблизилась с ней при следующих обстоятельствах. Вырубова, тогда еще Танеева, дочь начальника его императорского величества канцелярии, тяжело заболела тифом. Ей приснилось, что императрица Александра Федоровна вошла в ее комнату и взяла ее за руку. После этого она стала поправляться и только и мечтала о том, чтобы увидеть наяву свою высокую покровительницу.

Императрице, конечно, рассказали об этом сновидении, и, по свойственной ей доброте, ей захотелось навестить больную, и она к ней поехала. С этой встречи началось обожание Вырубовой императрицы.

Очень ограниченная умственно, мало развитая, но хитрая, к тому же истеричка по натуре, Вырубова была склонна к преувеличению своих чувств. Государыня поверила ее искренности и, тронутая такой исключительной преданностью, после ее выздоровления приблизила к себе.

Неудачное замужество Вырубовой и ее разрыв с мужем вызвали у императрицы искреннюю жалость к "бедной Ане" и усилили чувство ее привязанности к этому ничтожному существу. Так возникла между ними самая тесная дружба.

Инстинкт подсказал Вырубовой весь ее дальнейший образ действий. Несмотря на свое положение приближенной императрицы, она по психологии своей была скорее ловкой горничной, ищущей всеми способами исключительного доверия своей госпожи. Внушая императрице уверенность в своей беспредельной ей преданности, в своем слепом и неизменном обожании, Вырубова одновременно внушала ей и

чувства недоброжелательства ко всем остальным, кто ее окружал. Она с негодованием и отчаянием говорила императрице, что государыню не умеют ценить не только в обществе, но и среди родственников — членов императорского дома. Только одна она, Вырубова, боготворит свою государыню, она одна умеет ее по-настоящему понять.

При всем своем умственном убожестве Вырубова все же сообразила, что, чем больше она изолирует от всех императрицу, тем сильнее укрепится влияние на нее самой Вырубовой как единственного верного друга. Привязанность ее к императрице, несомненно, была искренней, но далеко не бескорыстной, потому что она вокруг этой дружбы впоследствии сплела целую сеть интриг.

Для того чтобы приблизить Распутина к императрице, Вырубова оказалась как нельзя более подходящим человеком. Ловкому "старцу" нетрудно было заставить эту истеричку уверовать в свою святость, для того чтобы она своими внушениями повлияла и на государыню.

Когда Распутину удалось приобрести авторитет в царской семье и императрица стала в свою очередь считать его великим праведником, Вырубова почуяла, какие возможности открываются перед ней. В этой ничтожной женщине проснулась самая низменная жажда власти. Сама по себе дружба императрицы уже давала ей исключительное положение, а с появлением Распутина значение Вырубовой выросло еще сильнее: она стала ближайшим доверенным лицом императрицы — единственной посредницей между нею и "старцем".

Надо думать, что и Распутин, держась за Вырубову, как за самое удобное орудие в своих руках, поощрял доверие к ней императрицы.

Трудно предположить, чтобы Вырубова, став в центре распутинского влияния и постоянного его вмешательства в государственные дела, имела бы какие-нибудь политические планы. Она была слишком глупа для сложных замыслов, но ее пьянила роль "влиятельного человека". Сплетая постоянные интриги, поддерживая одних, устраняя других, она упивалась этой игрой в могущество.

Впрочем, влияние Распутина на государственные дела при сотрудничестве Вырубовой началось не сразу. Оно стало возможным лишь в той очень замкнутой обстановке, в которой протекала жизнь царской семьи, после того, как государь избрал своей постоянной

резиденцией не Петербург, а Царское Село.

Император Николай II был застенчив по природе, избегал частых публичных появлений и предпочитал тихую жизнь в интимном семейном кругу.

К этой жизни он привык еще с юных лет, потому что император Александр III сравнительно недолгие годы своего царствования большей частью провел тоже не в Петербурге, а в Гатчине.

Но обстановка царствования при императоре Николае II была совершенно иная, нежели при его державном отце: наступили бурные годы, и удаление государя от столицы вызвало самые пагубные последствия.

Император Николай II ближе всего был знаком с военными кругами. Его деятельность как монарха почти целиком проходила в Царском Селе, куда к нему ездили для докладов его министры. Он очень много и усидчиво работал, но не видел близко своей страны, и страна его не знала. Лишь те, которые имели доступ в Царское Село, встречались с монархом, необычайно обаятельным, чарующим ласковой простотой своего обращения, горячо любящим Россию.

Замкнутому образу жизни государя особенно способствовала императрица Александра Федоровна. Она все больше отходила не только от петербургского общества, но даже и от императорской фамилии.

В уединенной обстановке Царского Села государь проводил свободное время с императрицей. Умный, чуткий, но в высшей степени мягкий по натуре, он незаметно привыкал в некоторых случаях подчинять свою волю настойчиво-властному характеру государыни. Она стала его единственным другом, так заполнившим его жизнь, что влиянию других близких лиц уже не оставалось места.

Императрица страдала болезнью нервной системы и тяжелым неврозом сердца. Это действовало на ее душевное состояние и часто омрачало атмосферу в царской семье. Недомогания императрицы волновали и огорчали государя, увеличивая его семейные заботы. Но самым тяжелым испытанием для них явилась неизлечимая болезнь столь долгожданного единственного сына, цесаревича Алексея. У него обнаружилась гемофилия, наследственный недуг, передававшийся мужскому поколению по женской линии. Императрица, нежно любящая мать, страдала вдвойне: ее терзали и постоянные опасения за жизнь цесаревича, и мучи-

тельное сознание того, что она сама передала ему эту болезнь.

Болезнь наследника старались скрыть. Скрыть до конца ее было нельзя, и скрытность только увеличивала всевозможные слухи, которые вообще порождались в обществе благодаря уединенной жизни государя. Казалось, какой-то таинственный покров был наброшен на царскую семью. Он разжигал любопытство, подстрекал недоброжелательство и меньше всего заставлял думать и догадываться о том, как мучились и отец, и мать за своего ребенка, в какой постоянной тревоге они жили.

При таких условиях широкое поле действий открывалось для Распутина.

Государыня слепо уверовала в его сверхъестественную силу и старалась убедить в этом и государя. Она верила, что только чудо может спасти ее сына. Распутин внушил ей, что именно он может совершить это чудо и что, пока он будет близок к царской семье, цесаревич останется жив и здоров. Она верила также, что и Россию может спасти только Распутин, которому дарованы "высшая мудрость, знание людей и предвидение всех событий".

В этой болезненно-мистической атмосфере протекала жизнь императора Николая II около больной императрицы, близ Вырубовой и Распутина... Временами государь пытался бороться с окружающими влияниями и даже удалял Распутина, но побороть до конца того, что уже как бы вросло в его жизнь, он не имел сил.

Начало войны, сопровождавшееся огромным патриотическим подъемом во всей стране, было моментом радостного просветления и для государя, и для России. Казалось, было забыто всякое недовольство верховной властью, царь и весь народ, без различия партий, слились в одно непобедимое целое, но это единство и взаимное доверие длилось недолго.

Война приняла затяжной характер. Ее гнет испытывала не только армия, но и вся страна: требовались великие жертвы...

Но ничего не изменилось в действиях верховной власти: Распутин опять зловещим призраком появился в Царском Селе... Люди хмурились от военных неудач: то тут, то там слышалось страшное слово "измена". Нелюбимой императрице раздраженное чувство толпы, особенно под влиянием тайной немецкой пропаганды, приписывало чудовищные преступления. Эти клеветнические слухи об императрице

старательно распространялись в России немецкими агентами и теми революционными организациями, которые работали заодно с Германией и на ее деньги. Самым гнусным приемом такой пропаганды со стороны немцев было усиленное подчеркивание немецкого происхождения императрицы и навязывание ей немецкого патриотизма. Последнее особенно было ложно, так как государыня Александра Федоровна не любила Пруссию и ненавидела императора Вильгельма. Клевета не миновала и государя: говорили, что он под влиянием императрицы, будто бы возглавлявшей немецкую партию, готовится к подписанию сепаратного мира.

На самом же деле государь, не только будучи на престоле, отвергал самую мысль о сепаратном мире, но и после отречения своего, в прощальном приказе по армии, необъявленном по приказанию Временного правительства, призывал и армию, и Россию бороться до конца с неприятелем, в полном согласии с союзниками. Больше того, он отказался от всякой помощи со стороны императора Вильгельма даже в тот момент, когда вся царская семья находилась в Екатеринбурге в руках большевиков и, живя в ужасных условиях, была на краю гибели.

Нужно было при помощи самых решительных мер уничтожить все поводы для подозрения и клеветы. Приняв на себя верховное командование и находясь постоянно в Ставке, государь с надорванными душевными силами и под гнетом тяжелого морального утомления почти уступил свою власть императрице.

Тогда распутинская клика подняла голову с сознанием своей окончательной победы, а императрица Александра Федоровна, преисполненная лихорадочной энергии и самых лучших намерений, в больном своем неведении хотела верить, что при помощи "избранного Богом" "старца" именно она и спасет страну...

На высоком открытом берегу реки Туры раскинулось село Покровское. Посередине села, на возвышенном месте, церковь, а кругом, во все стороны, ровными рядами улиц идут крестьянские дома, крепкие, построенные из векового леса.

Во всем здесь чувствуется довольство: на улицах бесчисленные стада домашней птицы, в каждом дворе много скота: коровы, овцы, свиньи; выносливые маленькие лошади

местной породы кажутся вылитыми из стали. Внутренность домов блестит чистотой, на светлых окнах цветы в горшках.

Если выйти из села на берег Туры, — перед глазами тот сибирский простор, которого, кажется, нигде в мире нет: вольно раскинулись поля и степи, пересекаемые березовыми рощами, а за ними — бесконечный непроходимый лес, хвойный и лиственный, называемый в Сибири урманом. В урмане летом много всяких ягод: малина, черная и красная смородина, ежевика, лесная клубника стелется красным ковром на полянах; дичи в лесу в изобилии; трава и цветы вырастают почти в рост человека.

Зато селений не видно нигде кругом. Они здесь редки, как и вообще в Сибири: расположены иногда на сотни верст одно от другого; города еще реже. Железная дорога, пролегающая через уездный город Тюмень, проходит очень далеко от Покровского. Зимой сообщаются на лошадях: завернувшись поверх теплой меховой шубы еще в собачью доху, которая лучше всего спасает от здешних морозов, мчатся в легких санях по сверкающей, как серебряная лента, снежной дороге. Лошади быстры, не знают усталости, монотонно звенят бубенцы, убаюкивая седока, мелькают мимо белые равнины, потом лес обступит со всех сторон: гигантскими колоннами подымаются кедры и сосны, отряхая снег с пушистых хвойных вершин. Днем яркое солнце, ослепительное от снега, ночью — луна или далекие звезды, а иногда вспыхнет по небу голубовато-зеленым заревом северное сияние, и все вокруг кажется тогда сказкой.

Летом из Покровского вверх по Туре можно доплыть до Тюмени, а к северу, вниз по течению, Тура приводит в Тобол, по которому ходят пароходы до губернского города Тобольска. К нему уже никакая железная дорога не доходит, — городок маленький, глухой, но в нем сосредоточивалось все управление огромной Тобольской губернии, занимающей северо-западную часть Сибири и равной по размерам целому европейскому государству.

По Туре и Тоболу, из Тюмени в Тобольск, летом 1917 года везли в заточение императора Николая II и его семью. Пароход проходил мимо Покровского, и императрица, как рассказывал потом один из добровольных спутников царской семьи, долго и задумчиво смотрела с палубы на берег, провожая глазами медленно уходившие вдаль крыши крестьянских домов и высокую белую колокольню.

В селе Покровском родился и вырос Григорий Распутин.

Отсюда ходил он в свои таинственные странствования, отсюда попал и в Петербург.

Сибиряки — народ смешанного происхождения. Жизнь случайно занесла в этот богатый край их дедов и отцов, как течение реки приносит камни и песок. В Западной Сибири, главным образом в лесах и вообще в скрытых местах, живут, крепко сохраняя старинные обычаи и строго религиозный уклад жизни, старообрядцы разных толков, которые пришли сюда в давние времена спасаться от преследований правительства. Старообрядцы живут замкнуто и твердо хранят вместе с древними богослужебными книгами в тяжелых переплетах память о своем прошлом, но о нем стараются не говорить и не думать. Другие жители Сибири — потомки беглых и ссыльно-каторжных; какое кому дело до того, что предки некоторых из них прошли в кандалах через всю Сибирь? Сами они живут богато и независимо, выросли они на полной воле, вдали от всякого начальства и никому кланяться не привыкли. Сибиряки по характеру люди смелые, суровые, но и в большинстве своем очень честные. Воровство они жестоко клеймят и часто наказывают своим судом. Единственный человек, которому они решатся в оскорбительной форме напомнить о его происхождении, — это вор, особенно конокрад. Существует специальное сибирское слово “варнак“. “Варнак“ — значит бродяга, беглый каторжник; хуже наименования нет.

Этим названием с молодых лет был отмечен Григорий Распутин в своем селе.

В его роду сказалась преступная кровь предков: сын конокрада, он сам стал вором и конокрадом. В этом позорном и рискованном ремесле упражнял он свою ловкость и хитрость, свои хищные инстинкты. Не раз его ловили на месте преступления и били; били жестоко. Случалось, что приезжающие полицейские стражники едва успевали спасти ему жизнь: окровавленного, почти изувеченного, вырывали они его из тяжелых мужицких рук.

Иной бы умер от таких побоев, но Распутин все выносил и становился еще крепче, точно железо от ударов кузнечного молота.

Крестьянский труд и оседлая жизнь не могли привлекать его воровскую натуру. Его тянуло к бродяжничеству. Он часто куда-то уходил из Покровского, иногда пропадал подолгу. Во время одной из его продолжительных отлучек пронесся слух о том, что Распутин где-то спасается и живет

строгим подвижником не то в каком-то глухом раскольничьем скиту, не то в одном из отдаленных монастырей.

Возможно, что в его беспокойной душе проснулись какие-то смутные искания и что на время он, даже искренно, потянулся к религии. Но чистое учение православной церкви было чуждо всему внутреннему складу Распутина: темный мистицизм самой извращенной секты скорее всего мог его пленить.

Нет точных сведений о том, где именно странствовал Распутин, с кем встречался. Определенно установлено лишь то, что он часто навещал один православный монастырь, где жили сосланные туда для "исправления" сектанты.

Сибирские монастыри были скорее похожи на большие богатые имения, чем на обители строго благочестивых аскетов. Немногочисленные монахи, поглощенные хозяйственными делами монастыря, не обращали внимания на поселенных у них "сектантов". Распутин мог вести с ними очень откровенные беседы, вникать во все тайны их культа, по внешности оставаясь в то же самое время ревностным и смиренным странником-богомольцем.

Та огромная внутренняя сила, которая была заложена самой природой в этом жутком человеке, несомненно исключительном при всей своей порочности, привлекала к нему особое внимание. Он, как индусский факир, мог не есть и не спать. Тренируя себя подвигами внешнего благочестия, он еще больше развивал в себе свои волевые способности. Окружающим он мог казаться чуть ли не святым, в то самое время как в его душе царил непроницаемый, чисто дьявольский мрак.

Распутин был находкой для сектантов, и они его по-своему очень оценили.

Интересовалось им и православное духовенство, не подозревавшее того, что этот постник и молитвенник ведет двойную игру. Свою склонность к сектантству Распутин держал в тайне с самого начала, а наружно всячески искал близости с представителями церкви, общение с которыми ему было необходимо для других целей.

Он старался чисто механически усвоить кое-что из Священного Писания, из духовно-нравственных наставлений и приобрести облик "Божьего человека", "старца", духовно мудрого и прозорливого.

При большой памяти, исключительной наблюдательности и огромных способностях к симуляции, он в этом успел.

Конечно, в то время ему и в голову не приходила его будущая карьера. Не только в Петербург, но даже в европейскую Россию, от которой сибиряки чувствуют себя совершенно обособленными и удаленными, он и не собирался. Вернее всего, что праздная и бродячая жизнь странника занимала его сама по себе и казалась приятнее непрерывного крестьянского труда у себя дома.

Случайная встреча с одним молодым миссионером-монахом, впоследствии епископом, решила его судьбу. Монах этот был человек очень образованный, глубоко верующий, но детски чистый и наивный.

Он поверил искренности Распутина и, в свою очередь, познакомил его с епископом Феофаном, который привез самозванного "подвижника" в Петербург.

Обыкновенный мужик легко бы растерялся в столице. Он запутался бы в сложных нитях и сплетениях придворных, светских и служебных отношений, не говоря уж о том, что у него не хватило бы смелости, особенно на первых порах, держать себя так независимо и развязно, как держался Распутин.

А между тем свободное обращение и фамильярный тон, который позволял себе со всеми, вплоть до высокопоставленных лиц, этот бывший конокрад, в значительной степени способствовали его успеху.

Распутин вошел в царский дворец так же спокойно и непринужденно, как входил в свою избу в селе Покровском. Это не могло не произвести сильного впечатления и, конечно, заставило думать, что только истинная святость могла поставить простого сибирского мужика выше всякого раболепства перед земной властью.

А мужик в шумном и многолюдном Петербурге все, что ему было нужно, заметил, запомнил и сообразил.

Он почти безошибочно разобрался в некоторых характерах и быстро учел слабые стороны тех, на кого он хотел и мог влиять. Свое поведение он согласовал с обстоятельствами: в Царском Селе он являлся под личиной праведника, посвятившего себя Богу; в светских гостиных, среди своих поклонниц, стеснялся уже гораздо меньше и, наконец, у себя дома или в отдельном кабинете ресторана, в интимной компании своих сообщников, давал полную волю своему пьяному и развратному разгулу.

В некоторых, к счастью, весьма ограниченных, кругах высшего петербургского общества, где оккультизм всякого

рода имел самое широкое распространение, где люди искали волнующих ощущений в спиритических сеансах, тянулись ко всему острому и необычайному в области нездоровой мистики, Распутин стяжал себе выдающийся успех.

Как ни скрывал он своей принадлежности к сектантству, люди, при близком соприкосновении с ним, может быть, бессознательно чувствовали, что в нем, помимо его собственной темной силы, живет и действует какая-то жуткая стихия, которая к нему влечет. Эта стихия была хлыстовство, с его пьяно-чувственной мистикой. Хлыстовство все построено на сексуальных началах и сочетает самый грубый материализм животной страсти с верой в высшие духовные откровения.

Молитвенные собрания, "радения", хлыстов имеют целью одновременно доводить до высшей степени и религиозное исступление и эротический экстаз. По верованиям хлыстов, в момент наибольшего истерически-сексуального возбуждения Святой Дух нисходит на человека, и свальный грех, которым зачастую заканчиваются хлыстовские моления, есть не что иное, как действие божественной благодати.

В основе хлыстовства есть, несомненно, что-то языческое: танец, начинающийся с медленных ритмических движений, затем переходящий в безумное кружение, ослепительный блеск множества свечей, зажигаемых в комнате во время "молений", и дикая любовная оргия.

В темных тайниках народной души, видимо, сохранились чувства и образы далекой древности, которые вылились в формах кощунственного искажения христианской веры.

Характерно, что хлысты не только не разрывают официальной связи с православной церковью, но посещают ее богослужения, признают все ее таинства и очень часто причащаются, находя, что принятие Святых Тайн дает им особую силу для "призывания Святого Духа".

Свой чудовищный разврат Распутин оправдывал типично хлыстовскими рассуждениями и внушал иногда женщинам, что близость с ним отнюдь не является грехом.

Распутин ездил из дома в дом, засыпаемый приглашениями. Одни хотели видеть его из любопытства, другие, особенно вначале, интересовались его святостью и прозорливостью, третьи — больные натуры — порабощались ему окончательно.

Когда Распутин приобрел влияние в политических сфе-

2-839

рах, его окружили еще более тесным кольцом. Перед ним заискивали, ему дарили подарки и давали взятки, кормили его обедами, спаивали вином... Распутин пользовался популярностью только в определенном кругу своих поклонниц и тех лиц из правящих кругов, которые нуждались в его поддержке. Остальной же здравомыслящий Петербург относился к нему отрицательно.

Его жизнь в Петербурге превратилась в сплошной праздник, в хмельной разгул беглого каторжника, которому неожиданно привалило счастье.

Понятно, что в конце концов у него вскружилась голова от сознания своей силы, от подобострастия окружающих, от непривычного количества денег и невиданной роскоши. Его цинизм дошел до последних границ. Да разве и могло быть иначе? Мог ли он стесняться с теми сановниками, которые дожидались у него в передней, с теми женщинами, которые готовы были почтительно целовать его грязные руки?

Чем сильнее он чувствовал свое могущество, тем меньше уважал окружающих. Но от разгула и опьянения властью он и сам опускался, теряя всякое чувство меры, всякую осторожность.

Конец его явился характерным завершением всей его жизни.

В ледяную воду Невы было брошено его тело, до последней минуты старавшееся преодолеть и яд, и пулю. Сибирский бродяга, отважившийся на слишком рискованные дела, не мог умереть иначе; только там, у него на родине, в волнах Тобола или Туры, едва ли бы кто искал труп убитого конокрада Гришки Распутина.

Распутин был олицетворением той темной силы, которая поднималась с самого дна русской жизни и несла в себе полное попрание и разложение всех нравственных начал. Он вместе с тем был и прообразом грядущих ужасов и грядущего хамства. “Мужик в смазных сапогах“, как он сам говорил про себя, “вошел во дворец и гулял по царским паркетам“. Этими грязными сапогами он растоптал вековую веру народа в чистоту и справедливость царского служения.

Распутинство парализовало верховную власть, потому что не встретило на своем пути крепкого и организованно-

го противодействия влиятельных кругов, которые бы руководствовались бескорыстной идеей долга и чисто нравственными побуждениями.

Ужасная смерть императора, убитого со всей своей семьей, смерть целого ряда членов императорской фамилии, кровь миллионов русских людей и, наконец, великий подвиг русской православной церкви, заплатившей тысячами жизней за свою верность христианской идее, — еще не всех нас научили пониманию нашего долга перед Родиной.

Русская церковь — корень и вершина России — одна только и устояла под натиском революции... Она победила в самой себе яд распутинства, который и ее пытался отравить. Она спасала и спасает душу русского народа, все его величайшие нравственные ценности. Ей и в будущем предстоит огромная задача морального очищения всей России.

Очищение необходимо. Без него не может строиться новая жизнь, не может утвердиться никакой государственный порядок. Всякая форма власти, если она не будет тесно связана с лучшими основами нравственной жизни народа, окажется бессильной и непрочной и может вызвать повторение страшной катастрофы 1917 года, когда обрушилась многовековая твердыня престола, утратившего благодаря распутинству свой моральный авторитет.

Париж, 1926 год

I

С Распутиным я встретился впервые в семье Г. в Петербурге в 1909 году.

Семью Г. я знал давно, а с одной из дочерей, М.[14], был особенно дружен.

Так как все, связанное с именем Распутина, обычно вызывает невольное чувство брезгливого предубеждения, мне хочется сказать здесь несколько слов о М. Г., чтобы выделить ее из распутинской клики.

По природе своей она была на редкость чиста, добра, отзывчива и необыкновенно впечатлительна. Но в ее характере было много той нервной экзальтации, благодаря которой душевные порывы у нее всегда преобладали над сознанием. Религия играла главную роль в ее жизни. Но религиозное чувство ее носило на себе отпечаток болезненного мистицизма, и все было проникнуто стремлением к сверхъестественному, чудесному. Излишне доверчивая по натуре, она к тому же совершенно не способна была разбираться ни в людях, ни в фактах. Если что-нибудь ее поражало, она слепо отдавалась впечатлению, целиком подпадала под влияние того, кому однажды поверила, и уже не отличала добра от зла.

При этих условиях не приходилось удивляться появлению Распутина в семье Г.

В 1909 году я уже застал М. Г. горячей его поклонницей. Она искренне и твердо верила в его праведность, в его душевную чистоту, видела в нем Божьего избранника, почти сверхъестественное существо.

Распутин же, со свойственной ему прозорливостью, почуял и разгадал ее душевное состояние и всецело овладел ее доверием. М. Г. была слишком чиста, чтобы понять, сколько грязи и ужаса было в этом человеке, слишком наивна, чтобы сознательно и трезво разбираться в его действиях. Она обрела высшую радость в полном духовном порабощении своей личности, была счастлива, найдя "святого

руководителя", и не только сама не задумывалась над тем, что представлял собой этот ее духовный наставник, но всякий раз как-то внутренне пугливо уходила сама в себя, когда чувствовала, что ей пытаются открыть на него глаза. Нарисовав в своем воображении идеальный образ "божественного старца", она как бы уже совсем не замечала настоящего Распутина.

При первой же нашей встрече М. Г. заговорила о нем. По ее словам, он был человек редкой духовной силы, преисполненный Божьей благодати, ниспосланный в мир, чтобы очищать и исцелять людские сердца и руководить нашей волей, мыслями и делами.

Помню, что я отнесся скептически к ее рассказу, хотя особых данных против Распутина в то время еще не имел да и слышал про него очень мало. К тому же, зная характер М. Г., я решил, что это просто очередное увлечение экзальтированной натуры.

Однако что-то в ее словах было такое, что невольно пробудило мое любопытство к Распутину; я стал подробнее о нем расспрашивать. М. Г. с большим оживлением и восторгом начала мне рассказывать о "светлой личности старца".

Ее рассказ был сплошным славословием Распутину: он и целитель, и молитвенник, и бессребреник, и примиритель враждующих, и утешитель печальных; он — избранник Божий и новый апостол; он выше всех остальных людей, в нем нет человеческих слабостей и пороков, и вся его жизнь — сплошной подвиг и молитва.

Слова М. Г., звучавшие горячо и убедительно, не вызывали во мне веры в чудесные дарования "старца", но пробудили мое любопытство и желание его увидеть. Я сказал ей, что мне хотелось бы познакомиться с таким замечательным человеком. М. Г. пришла в восторг, и наша встреча не замедлила состояться.

Через несколько дней я уже подъезжал к дому на Зимней Канавке, где жила семья Г. и где должно было произойти мое первое свидание со знаменитым "старцем".

Когда я вошел в гостиную, Распутина еще не было. М. Г. сидела со своей матерью за чайным столом. Обе были очень нервны и взволнованны: в особенности дочь, в которой, кроме того, чувствовалась еще какая-то внутренняя тревога. Было заметно, что она опасается моего первого впечатления от встречи со "старцем", потому что хочет, чтобы и я проникся к нему полным благоговением. Настро-

ение у матери и дочери было радостно-торжественное, такое, как бывает, когда ждут прибытия в дом чудотворной иконы. Это настроение еще больше разжигало во мне любопытство и желание увидеть "удивительного человека". Впрочем, ждали мы все недолго. Скоро дверь из передней отворилась, и в комнату семенящей походкой вошел Распутин. Он прямо приблизился ко мне и со словами: "Здравствуй, милый" — хотел меня обнять и поцеловать; я невольно отстранился от него. Он улыбнулся хитрой слащавой улыбкой и подошел к М. Г. и ее матери. Их обеих он самым бесцеремонным образом обнял и с ласковым, покровительственным видом поцеловал.

Его внешность мне не понравилась с первого взгляда: в ней было что-то отталкивающее. Он был среднего роста, коренастый и худощавый, с длинными руками; на большой его голове, покрытой взъерошенными спутанными волосами, выше лба виднелась небольшая плешь, которая, как я впоследствии узнал, образовалась от удара, когда его били за конокрадство. На вид ему было лет сорок. Он носил поддевку, шаровары и высокие сапоги. Лицо его, обросшее неопрятной бородой, было самое обычное, мужицкое, с крупными некрасивыми чертами, грубым овалом и длинным носом; маленькие светло-серые глаза смотрели из-под густых нависших бровей испытующим и неприятно бегающим взглядом. Обращала на себя внимание его манера держаться; он казался непринужденным в своих движениях, и вместе с тем во всей его фигуре чувствовалась какая-то опаска, что-то подозрительное, трусливое, выслеживающее. Настороженное недоверие светилось и в его прозрачных глубоко сидящих глазах.

Впрочем, я рассмотрел его лицо не сразу. Поздоровавшись с нами и присев на минуту, он встал и некоторое время ходил по комнате своими быстрыми мелкими шагами, бормоча себе под нос какие-то несвязные фразы. Голос его был глух, произношение невнятное.

Мы молча пили чай и следили за ним: М. Г. с восторженным вниманием, я — с недоверием и любопытством.

Наконец, Распутин подошел к чайному столу и, опустившись в кресло рядом со мной, стал пытливо меня рассматривать.

Начался незначительный по своему содержанию разговор. Желая, очевидно, выдержать тон проповедника, просвещаемого силою свыше, он стал говорить в духе поуче-

ний. Скороговоркой, часто запинаясь, произносил он тексты из Священного Писания, применяя их без всякой последовательности, и от этого его речь производила впечатление чего-то запутанного, хаотического.

Пока он говорил, я внимательно следил за выражением его лица и заметил, что в этом мужицком лице было действительно что-то необыкновенное. Меня все больше и больше поражали его глаза, и поражающее в них было отвратительным. Не только никакого признака высокой одухотворенности не было в физиономии Распутина, но она скорей напоминала лицо сатира: лукавое и похотливое. Особенность же его глаз заключалась в том, что они были малы, бесцветны, слишком близко сидели один от другого в больших и чрезвычайно глубоких впадинах, так что издали самих глаз даже и не было заметно — они как-то терялись в глубине орбит. Благодаря этому иногда даже трудно было заметить, открыты у него глаза или нет, и только чувство, что будто иглы пронизывают вас насквозь, говорило о том, что Распутин на вас смотрит, за вами следит. Взгляд его был острый, тяжелый и проницательный. В нем действительно чувствовалась скрытая нечеловеческая сила.

Кроме ужасного взгляда, поражала еще его улыбка, слащавая и вместе с тем злая и плотоядная; да и во всем его существе было что-то невыразимо гадкое, скрытое под маской лицемерия и фальшивой святости.

М. Г. была очень взволнована присутствием Распутина. Глаза ее блестели, на щеках появился нервный румянец. Она, так же как и ее мать, не спускала с него глаз и затаив дыхание ловила каждое слово “старца“.

Но вот он встал, окинул нас всех притворно любящим и ласковым взглядом и, обращаясь ко мне, произнес, указывая на М. Г.:

— Какого ты в ней друга имеешь верного. Слушать ее должен, а она твоя духовная жена будет. Да... Хвалила она мне тебя, рассказывала, а теперь и сам вижу, что очень вы оба хороши вместе, подходящие вы друг другу... А ты, милый, не знаю, как звать тебя по имени, далеко пойдешь, ох как далеко!

И с такими словами Распутин вышел из комнаты.

Я тоже уехал весь под впечатлением встречи с этим странным и загадочным человеком.

Через несколько дней я узнал от М. Г., что Распутину я очень понравился и он хочет снова со мной встретиться.

II

В скором времени, после моей первой встречи с Распутиным, я уехал в Англию и поступил в Оксфордский университет.

Однажды в разговоре с одной английской принцессой, состоявшей в близком родстве с императрицей Александрой Федоровной, зашла речь о Распутине. Принцесса с большим интересом и волнением слушала мои рассказы о нем. Будучи женщиной очень умной, она тогда уже понимала всю опасность Распутина для России в виду его близости ко двору. В немногих словах она обрисовала духовный облик императрицы Александры Федоровны и высказала опасение, что некоторые свойства характера русской государыни, особенно ее склонность к болезненному мистицизму, могут создать тяжелые осложнения в будущем, если Распутин попрежнему останется близок к царской семье.

В то время мои родители жили в Петербурге, а лето проводили в Царском Селе. Императрица Александра Федоровна была очень расположена к моей матери и часто с нею виделась. Близость Распутина к государю и к императрице сильно беспокоила и возмущала мою мать, и она в своих письмах ко мне часто об этом упоминала.

Великая княгиня Елизавета Федоровна, жившая всегда в Москве, была тесно связана с моей матерью многолетней дружбой. Она вполне разделяла все ее опасения и в свои редкие приезды в Петербург всеми силами старалась повлиять на государя и государыню, чтобы они удалили от себя зловредного “старца“.

В то время еще очень немногие понимали всю опасность близости Распутина к Царскому Селу. Быть может, его появление при дворе и было случайным, но позднее, когда враги России и династии учли создавшуюся обстановку и поняли, насколько он был всемогущ и насколько подлинное “самодержавие“ было в его руках, они сумели его использовать для своих целей.

Моя мать одна из первых поняла это и открыто выступила против Распутина.

Она имела продолжительную беседу с императрицей и совершенно откровенно сказала ей все, что думала по этому поводу.

Разговор этот произвел большое впечатление на государыню. Она, по-видимому, почувствовала всю искренность и

правоту ее доводов и, расставаясь с нею, в самых трогательных выражениях изъявила желание видаться с нею возможно чаще. Но распутинская клика не дремала: она учла всю опасность такой близости, сумела снова завладеть больной душой императрицы и постепенно отдалила ее от моей матери: их дружеские отношения прекратились, и они почти больше не виделись.

Многие из лиц императорской семьи, во главе с государыней императрицей Марией Федоровной[15], старались также воздействовать на государя и императрицу, но все было тщетно.

Началась борьба между теми, кто был искренне предан России и престолу, и теми, кто преступно пользовался влиянием Распутина, чтобы приблизиться к государю и императрице со своими личными корыстными целями, а также с темными политическими расчетами.

Осенью 1912 года я закончил свое образование в Оксфорде и переехал жить в Россию.

У меня было много планов на будущее, пока еще неясных. Встреча с княжной Ириной Александровной[16] изменила мою судьбу, и в скором времени нас объявили женихом и невестой.

С детства я привык смотреть на царскую семью как на людей особенных, не таких, как мы все. В моей душе создалось поклонение перед ними, как перед существами высшими, окруженными каким-то недосягаемым ореолом. Поэтому все, что говорилось и передавалось из уст в уста, все порочащие их имя слухи меня глубоко возмущали, и я не хотел верить тому, что слышал.

Началась война. Ее объявление застало нашу семью в Германии. После ареста в Берлине, которому мы были подвергнуты по приказанию императора Вильгельма, мы, наконец, благополучно добрались до Петербурга, после длинного путешествия через Данию и Швецию вместе с императрицей Марией Федоровной, которую мы застали в Копенгагене на ее обратном пути в Россию.

Несмотря на всеобщий патриотический подъем, вызванный войной, многие были настроены пессимистически. Мрачные мысли витали вокруг Царского Села.

Государь и императрица, отрезанные от мира, отдаленные от своих подданных, окруженные кликой Распутина, решали события мировой важности.

Жутко становилось за Россию.

III

Итак, не было никакой надежды на то, чтобы государь и императрица поняли всю правду о Распутине и удалили его.

Какие же оставались способы избавить царя и Россию от этого злого гения?

Невольно мелькала мысль: есть для этого лишь одно средство — уничтожить этого преступного "старца". Эта мысль зародилась во мне впервые во время одного разговора с моей женой и матерью в 1915 году, когда мы говорили об ужасных последствиях распутинского влияния. Дальнейший ход политических событий снова вернул меня к этой мысли, и она все сильнее укреплялась в моем сознании.

За выступлениями членов императорской фамилии против Распутина последовали выступления общественного характера, как со стороны отдельных лиц, так со стороны различных общественных организаций, в виде докладных записок, резолюций съездов, коллективных обращений к верховной власти, но государь и императрица оставались глухи ко всем просьбам, увещеваниям, предостережениям и угрозам. Чем больше говорили им против "старца", чем доказательнее были данные, обличавшие его, тем меньше прислушивались ко всему этому в Царском Селе.

Распутин был непоколебим на своем месте. Он так ловко умел притворяться и носить маску лицемерия, когда бывал в Царском Селе, что там не могли поверить никаким рассказам о его беспутном образе жизни. Ярким примером этого является следующий факт: генерал Джунковский[17], товарищ министра внутренних дел, желая убедить государя и императрицу, что возмутительные слухи, ходившие по городу относительно Распутина, вполне соответствовали истине, показал им фотографию, снятую в одном из ресторанов в то время, когда Распутин предавался там самому разнузданному кутежу. Несмотря на неопровержимость такого доказательства, императрица не поверила этому, очень рассердилась и приказала произвести немедленное расследование, чтобы найти человека, который якобы загримировался под Распутина с целью его опорочить.

В то время как лучшие люди в России приходили в отчаяние от своих бесплодных усилий уничтожить корень зла, немецкая партия, имевшая в лице "старца" столь ценного помощника, конечно, торжествовала.

Уже до войны Распутин пользовался большим влиянием, которое во время войны еще сильнее возросло и укрепилось: постепенно все честные и преданные долгу люди увольнялись; увольнялись даже те, которые горячо любили лично самого государя, и на место их приходили ставленники Распутина.

Между тем миллионы жизней погибали на фронте; покорно один за другим люди шли на смерть.

Героизм русских войск был исключительный, неслыханный.

Русская армия на огромном фронте, растянувшемся на тысячи верст, вела войну иногда в таких условиях, которых не могла бы выдержать никакая иная армия в мире. При страшных морозах, зачастую лишенные всякого продовольствия люди сидели в занесенных снегом окопах, не помышляя об отступлении. Бывало, что отдельные части, не получая вовремя достаточного военного снаряжения, падали под неприятельским огнем, на который не могли отвечать. Случалось, что целые полки шли в атаку, вооруженные палками и камнями вместо винтовок, и бросались в рукопашную на закованных в сталь прусских солдат.

Русская армия не знала ни усталости, ни ропота, ни страха смерти, не только в тех случаях, когда она защищала свою территорию, но и когда, жертвуя собой, должна была поддерживать своих союзников. Так, например, перед знаменитым боем на Марне целая армия генерала Самсонова, сознательно идя на верную смерть, ворвалась в Восточную Пруссию, чтобы оттянуть от французского фронта на русский часть неприятельских сил. Немцы, встревоженные неожиданным наступлением, уменьшили численность своих войск на Западном фронте, французы одержали победу, а русские в Восточной Пруссии ради этой победы были принесены в жертву.

Россия чувствовала эти жертвы. Огромная страна в величайшем своем напряжении ощущала, как из ее организма струями бежит сильная и чистая кровь, кровь самых лучших, самых мужественных, радостно умиравших не только за русское, но и за общее дело.

И накипала тревога: все ли возможное делается для армии? Достаточно ли добросовестны те, которым в тылу вверена забота о продовольствии и снаряжении войск? Ходили слухи о злоупотреблениях, даже об измене.

После того как государь, переведя великого князя Нико-

лая Николаевича[18] на Кавказский фронт, сам принял верховное командование, Распутин стал почти ежедневно бывать в Царском Селе и давать свои советы по государственным делам. Встречи его с императрицей происходили главным образом в доме Вырубовой.

Ни одно крупное событие на фронте не решалось без предварительного совещания со "старцем". Из Царского Села по прямому проводу давались директивы в Ставку. Императрица требовала, чтобы государь держал ее в курсе всех военных и политических событий.

Получая самые последние сведения, иногда тайные и чрезвычайной важности, императрица посылала за Распутиным и советовалась с ним, а если принять во внимание, кем он был окружен, то станет не удивительным, что при таких условиях в Германии заблаговременно знали почти о каждом нашем наступлении, а также о всех планах и переменах военного и политического характера.

Германия принимала должные меры, чтобы обеспечить свои победы, а нам готовила гибель.

Я решил, не придавая особого значения всем волнующим слухам, прежде всего фактически убедиться в предательской роли Распутина и получить неопровержимые данные о его измене.

Обстоятельства для этого складывались как нельзя лучше. Семья Г. жила в то время на Мойке, рядом с дворцом великого князя Александра Михайловича, где я временно помещался ввиду ремонта в нашем доме.

Как я уже говорил выше, меня с младшей дочерью этой семьи связывали давнишние дружеские отношения. Она часто приглашала меня к себе, но я бывал у нее редко, не желая окунаться в атмосферу распутинского кружка и тем более связывать свое имя с друзьями "старца", постоянно собиравшимися в доме ее матери.

Теперь, ввиду моего намерения разобраться до конца в личности Распутина и в его действиях, ближе познакомившись с ним самим, я решил воспользоваться приглашениями М. Г.

Между прочим, мне было интересно побеседовать и с самой М. Г. о происходящих в России событиях. Зная ее слепое поклонение Распутину, я, конечно, никак не мог считаться с ее взглядами, но я знал, что ее мнение является точным отражением того, что думают в Царском Селе.

Однажды, сговорившись предварительно с М. Г. по теле-

фону, я отправился к ней. От М. Г. я узнал, что Распутин постоянно спрашивает обо мне.

— Он очень хочет вас видеть, — сказала она, — и будет у меня на днях; я вам сообщу когда.

Из разговора с нею я убедился, что Распутин по-прежнему пользуется неограниченным доверием как императрицы, так и государя и продолжает играть роль их ближайшего советника в политических и семейных делах. М. Г. опять воспевала ему хвалы и с умилением говорила о том, что "старец" смиренно переносит "клевету", "гонение" и что, претерпевая незаслуженные страдания, он искупает этим наши грехи.

Слушая ее восторженные слова, я решил коснуться похождений Распутина.

— Ну, а как же, по-вашему, такой праведный человек может совмещать свою святость с пьянством и кутежами?

М. Г. возмутилась моим вопросом. Она вся покраснела и с жаром стала мне возражать:

— Неужели вы не знаете, что все такие рассказы — сплошная ложь, черная клевета на него? Он окружен завистью и злобой. Это злые люди выдумывают разные обвинения, нарочно подтасовывают факты, чтобы его, неповинного, очернить в глазах государя и государыни... Как это все ужасно!

— Но ведь существуют доказательства в виде фотографий и проверенных свидетельских показаний, — ответил я, — которые не оставляют никаких сомнений в том, что Распутин далеко не такой святой человек, как вы о нем рассказываете. Какой смысл, например, хотя бы цыганам говорить о том, что он к ним приезжает, пьянствует и танцует с ними? Его многие там встречали. А в ресторане "Вилла Родэ", где он всего чаще бывает, есть даже отдельный кабинет, носящий его имя... Как же вы это все объясняете?

— Вот, вот, вы так же говорите, как все, вы верите этому! — с возмущением воскликнула М. Г. — Поймите, что если даже он это и делает, то с особой целью: он хочет нравственно себя закалять, путем воздержания от окружающих соблазнов.

— Ну, а министров Распутин назначает и смещает тоже для своего нравственного совершенствования? — спросил я.

М. Г. рассердилась и ответила, что пожалуется на меня Григорию Ефимовичу.

Мне было тяжело видеть фанатическую веру несчастной девушки в чистоту и непогрешимость грязного проходимца. Она не воспринимала моих доводов о развращенности Распутина. Каждое мое слово разбивалось, как о скалу, о ее порабощенное сознание. Я понял, что она уже не может мыслить самостоятельно, не смеет ни на минуту критически отнестись к своему кумиру. Тогда я попытался с другой точки зрения осветить ей вред, который Распутин приносит царской семье.

— Ну, хорошо. Допустим даже, что все разговоры о поведении Распутина — сплошной вымысел. Но ведь нельзя же не считаться с тем, как относится к нему общественное мнение не только России, но и всей Европы. И у нас, и за границей Распутина считают негодяем и шпионом... Его близость к престолу возмущает всю страну и беспокоит наших союзников. Разве это не достаточная причина, чтобы отстранить его от государя и императрицы?

— Никто не смеет обсуждать того, что делают государь и государыня: это никого не касается, — с возмущением сказала М. Г., — они стоят выше всего, выше всякого общественного мнения.

— А если предположить, — сказал я, — что Григорий Ефимович является бессознательным орудием в руках врагов России, проводящих через него свои преступные замыслы, и что конечная цель этих замыслов — гибель России... Тогда как быть? Неужели даже и при таких условиях вы считаете полезным его присутствие в Царском Селе? Наконец, вы мне сами говорили, что Распутин с государем и императрицей не только молится и беседует о Боге, но обсуждает с ними важные государственные дела. Ведь вам же известно, что ни одно решение не принимается без его согласия, ни один министр не назначается без его ведома. Поймите же, что каков бы он ни был по своим душевным качествам — плох или хорош, — он прежде всего темный, необразованный мужик, едва грамотный. Что же он может сам смыслить в сложных вопросах войны, политики, внутреннего управления? Какие он может давать в таких случаях советы? А если он тем не менее эти советы дает, то, очевидно, за его спиной стоят какие-то люди, которые в свою очередь тайно им управляют. Вам не известны ни эти люди, ни цели, которые они преследуют... Какое же право вы имеете утверждать, что все без исключения действия Григо-

рия Ефимовича хороши и полезны? Я вам опять повторяю, что близость к престолу человека с такой ужасной репутацией всюду подрывает авторитет царской власти... Негодование растет, негодование всеобщее, а если там, наверху, вовремя не опомнятся, наступят такие события, которые все сметут...

В ответ на мою горячую речь М. Г. посмотрела на меня с ласковым сожалением, как на несмышленного ребенка:

— Вы так говорите потому, что не знаете и не понимаете Григория Ефимовича... Познакомьтесь с ним ближе, и если он вас полюбит, то тогда вы сами убедитесь, какой он особенный и удивительный человек. В людях он ошибаться не может. Ему самим Богом дана такая прозорливость, что он сразу узнает все мысли — он их читает, посмотрев на человека... Поэтому-то его так и любят в Царском Селе и, конечно, доверяют ему во всем. Он помогает государю и государыне распознавать каждого, он оберегает их от обмана, от всякого опасного влияния. Ах, если бы не Григорий Ефимович, то все бы давно погибло! — заключила М. Г. самым убежденным тоном.

Я прекратил бесполезный разговор, простился и ушел.

Вернувшись домой, я стал обдумывать свой дальнейший образ действий. То, что я слышал от М. Г., только еще лишний раз подтвердило мне, что против Распутина одними словами бороться недостаточно. Бессильна логика, бессильны самые веские данные для убеждения людей с помраченным сознанием. Нельзя было больше терять времени на разговоры, а нужно было действовать решительно и энергично, пока еще не все потеряно.

IV

Я решил обратиться к некоторым влиятельным лицам и рассказать им все, что я знал о Распутине.

Однако впечатление, которое я вынес из разговора с ними, было глубоко безотрадное.

Сколько раз прежде я слышал от них самые резкие отзывы о Распутине, в котором они видели причину всего зла, всех наших неудач, и говорили, что, не будь его, можно было бы еще спасти положение.

Но, когда я поставил вопрос о том, что пора от слов пе-

рейти к делу, мне отвечали, что роль Распутина в Царском Селе значительно преувеличена пустыми слухами.

Проявлялась ли в данном случае трусливая уклончивость людей, боявшихся рисковать своим положением? Или они легкомысленно надеялись, что ничего страшного, даст Бог, не произойдет и "все образуется"? Я не знаю. Но в обоих случаях меня поражало отсутствие всякой тревоги за дальнейшую судьбу России. Я видел ясно, что привычка к спокойной жизни, жажда личного благополучия заставляли этих людей сторониться каких-либо решительных действий, вынуждающих их выйти из своей колеи. Мне кажется, они были уверены в одном, а именно: что старый порядок, во всяком случае, удержится. Этот порядок был тем стержнем, на котором они прочно сидели, как лист на ветке, а остальное их особенно не беспокоило. Выйдет ли Россия победительницей из страшной военной борьбы или вся кровь, пролитая русским народом, окажется напрасной и ужасное поражение будет трагическим финалом огромного национального подъема — не все ли им было равно? Меньше всего они способны были предполагать, что призрак грозной катастрофы надвигался все ближе и ближе и уже начинал принимать самые реальные очертания.

Правда, я встречал и таких, которые разделяли мои опасения, но эти люди были бессильны мне помочь. Один уже пожилой человек, занимавший тогда ответственный пост, сказал мне:

— Милый мой, что вы можете поделать, когда все правительство и лица, близко окружающие государя, сплошь состоят из ставленников Распутина? Единственное спасение — убить этого мерзавца, но, к сожалению, на Руси не находится такого человека... Если бы я не был стар, то сам бы это сделал.

Видя, что помощи мне ждать неоткуда, я решил действовать самостоятельно.

Чем бы я ни занимался, с кем бы ни говорил, одна навязчивая мысль, мысль избавить Россию от ее опаснейшего внутреннего врага, терзала меня.

Иногда среди ночи я просыпался, думая все о том же, и долго не мог успокоиться и заснуть.

— Как можно убить человека и сознательно готовиться к этому убийству?

Мысль об этом томила и мучила меня.

Но вместе с тем внутренний голос мне говорил: "Всякое

убийство есть преступление и грех, но, во имя Родины, возьми этот грех на свою совесть, возьми без колебаний. Сколько на войне убивают неповинных людей, потому что они "враги отечества". Миллионы умирают... А здесь должен умереть один, тот, который является злейшим врагом твоей Родины. Это враг самый вредный, подлый и циничный, сделавший, путем гнусного обмана, всероссийский престол своей крепостью, откуда никто не имеет силы его изгнать... Ты должен его уничтожить во что бы то ни стало..."

Понемногу все мои сомнения и колебания исчезли. Я почувствовал спокойную решимость и поставил перед собой ясную цель: уничтожить Распутина. Эта мысль глубоко и прочно засела в моей голове и руководила уже всеми моими дальнейшими поступками.

V

Перебирая в уме тех друзей, которым бы я мог доверить свою тайну, я остановился на двоих из них. Это были — великий князь Дмитрий Павлович[19], с которым меня связывала давнишняя дружба, и поручик Сухотин, контуженный на войне и лечившийся в Петербурге.

Великий князь находился в Ставке, но ожидался в скором времени в Петербурге, а поручика Сухотина я видел почти ежедневно. Я решил, не откладывая, с ним переговорить и поехал к нему. В общих чертах изложив ему мой план, я спросил, хочет ли он принять участие в его исполнении. Сухотин согласился сразу, без малейшего колебания: он разделял мои взгляды на события и мои опасения.

В тот же день вернулся из Ставки в Петербург и великий князь Дмитрий Павлович. Приехав домой от Сухотина, я позвонил великому князю по телефону, и мы с ним условились, что я у него буду в пять часов дня. Я был уверен, что великий князь меня поддержит и согласится принять участие в исполнении моего замысла. Я знал, до какой степени он ненавидит "старца" и страдает за государя и Россию.

Участию великого князя Дмитрия Павловича в заговоре против Распутина, в силу целого ряда причин, я придавал большое значение.

Я считал, что нужно быть готовым к самым печальным возможностям, к самым роковым событиям, но я не терял надежды и на то, что уничтожение Распутина спасет царскую семью, откроет глаза государю и он, пробудившись от страшного распутинского гипноза, поведет Россию к победе.

Приближался решительный момент войны. К весне 1917 года предполагалось всеобщее наступление союзников на всех фронтах. Россия усиленно готовила к этому свою армию. Но нельзя было не сознавать, что для нанесения решительного удара врагу недостаточно одной технической подготовки фронта и тыла. Требовались крепкое единодушие власти с народом, полное взаимного доверия, и тот общенациональный подъем духа, которым было встречено объявление войны.

Между тем черная тень Распутина по-прежнему, как туча, нависла и над Ставкой, и над правящим Петербургом. Не дремала, конечно, и Германия: заплетая колючей проволокой подступы к своим укреплениям, она плела свои страшные сети и внутри России.

Германия следила за внутренним положением нашей Родины еще задолго до войны. Когда император Вильгельм прилагал все свои старания к заключению союза между Германией и Россией, предвидя неминуемую всеобщую европейскую войну, он предупреждал государя о Распутине и советовал ему удалить от себя этого опасного и вредного человека. Германский император понимал, что Распутин своей близостью к престолу компрометировал не только русского царя, но и авторитет монархии вообще. Когда же союз с Германией был отвергнут, а затем и разразилась война, Вильгельм очень ловко использовал влияние Распутина. Германский генеральный штаб держал его невидимо в своих руках при помощи денег и искусно сплетенных интриг. Параллельно с этим немцы старались вызвать революцию и внутри страны, посылая к нам своих агентов и всячески поддерживая революционные организации, которые из-за границы готовили разрушение России.

Расчет на русскую революцию немцы, впрочем, делали и до войны. В Петербурге упорно говорили, что перед самым ее объявлением была случайно перехвачена и расшифрована телеграмма, посланная германским послом, графом Пурталесом, своему правительству в Берлин, в которой он сообщал, что момент для объявления войны наступил самый благоприятный, ибо Россия находится накануне рево-

люции. Кроме того, из содержания телеграммы ясно следовало, что Германия еще перед войной пересылала в Россию огромные суммы денег для пропаганды. Когда, в первый период войны, всеобщий патриотический подъем в России обманул первоначальные расчеты немцев, они стали хлопотать о сепаратном мире, не оставляя тем не менее и революционной пропаганды.

С нетерпением я ждал свидания с великим князем Дмитрием Павловичем. В условленное время я отправился к нему во дворец и, застав его одного в кабинете, немедля приступил к изложению дела.

Подробно сообщив ему свой взгляд на создавшееся положение и рассказав ему о своем намерении, я спросил великого князя, не желает ли он оказать мне свое содействие.

Великий князь, как я и ожидал, сразу согласился и сказал, что, по его мнению, уничтожение Распутина будет последней и самой действенной попыткой спасти погибающую Россию, что мысль об этом уже давно его мучила, но что он не представлял себе возможности ее осуществить. Я передал великому князю содержание моего последнего разговора с М. Г. Мой рассказ его нисколько не удивил, так как он хорошо знал, что в Царском Селе все так рассуждают.

Великому князю через несколько дней нужно было вернуться в Ставку.

Он мне сказал, что долго там не останется, так как его там не любят и боятся его влияния: Воейков[20] прилагает все усилия, чтобы отделаться от его присутствия около государя, которого он совершенно забрал в свои руки.

Великий князь сообщил мне свои наблюдения над происходящим в Ставке. Он заметил, что с государем творится что-то неладное. С каждым днем он становится все более безразличным ко всему окружающему, ко всем происходящим событиям.

По его мнению, это все следствие злого умысла, что государя спаивают каким-нибудь снадобьем, которое притупляюще действует на его умственные и волевые способности.

Наш разговор был прерван приездом каких-то гостей.

Мы условились с великим князем, что к его возвращению в Петербург (между 10 и 15 декабря) я разработаю план уничтожения Распутина и подготовлю все необходимое для его выполнения.

На этом мы расстались.

Итак, в принципе все было решено.

Со странным чувством возвращался я к себе домой. Я думал о том, что мысль, так меня волновавшая и мучившая, теперь из области моих личных переживаний начинает переходить в действительность... Еще так недавно она тяготила меня, как смутный бред, а теперь я уже не один: со мной мои единомышленники и друзья. Все теперь решено и все ясно.

Я ощущал огромное душевное облегчение.

Вечером ко мне заехал Сухотин. Я передал ему мой разговор с великим князем Дмитрием Павловичем, и мы приступили к обсуждению дальнейшего образа действий.

Решено было, что прежде всего я войду в тесное общение с Распутиным, заручусь его доверием и постараюсь узнать от него самого как можно больше подробностей о его участии в политических событиях.

Затем предполагалось приложить все усилия, чтобы, не прибегая к крайним мерам, путем мирных уговоров или обещаний больших сумм денег отстранить его от Царского Села.

В случае же полной неудачи таких попыток оставалось одно — убить преступного “старца“.

Но как и где привести в исполнение приговор над Распутиным?

Я предложил бросить жребий между нами троими. Тот, на кого он падет, должен будет застрелить Распутина у него на квартире.

VI

Через несколько дней ко мне позвонила по телефону М. Г. и сообщила:

— Завтра у нас будет Григорий Ефимович. Ему очень хочется с вами повидаться. И он, и я, мы очень просим вас завтра к нам прийти.

Я невольно вздрогнул, выслушав это приглашение... Сам собой открывался путь для достижения моей цели, но, идя по этому пути, я вынужден был обманывать человека, который искренно был ко мне расположен... Она не могла, да и не должна была подозревать, с какими намерениями я буду поддерживать знакомство с Распутиным. Однако и я, приняв известное ре-

шение, не мог и не должен был уступать перед ним.

Когда на следующий день я пришел к Г., я застал там М. Г. и ее мать.

Обе они уже давно мечтали о том, чтобы я подружился с Распутиным. Было очевидно, что их волнует предстоящая моя встреча с ним. Через некоторое время приехал и он сам.

С тех пор как я первый раз видел Распутина, он очень переменился.

Вероятно, обстановка, в которой теперь вращался и жил этот мужик, оторванный от свойственной ему здоровой физической работы, потонувший в полной праздности, проводящий свои ночи в кутежах, наложила на него свой неизбежный отпечаток. Его лицо стало одутловатым, и он как-то весь обрюзг и опустился. Одет он был уже не в простую поддевку, а в шелковую голубую рубашку и бархатные шаровары. Весь его вид производил отталкивающее впечатление чего-то необычайно отвратительного. Держал он себя очень развязно.

Увидав меня, он прищурился и сладко улыбнулся, потом быстро подошел ко мне, обнял и поцеловал. Прикосновение Распутина вызвало во мне трудно преодолимое чувство гадливости, однако я пересилил себя и сделал вид, что очень рад встрече с ним.

Я заметил, что с М. Г. и ее матерью он обращался еще с большей фамильярностью, нежели прежде. Он хлопал их по плечу, по спине, а когда они предложили ему сесть к столу и выпить чаю, он даже не удостоил их ответом.

Он был в тот день чем-то озабочен, беспокойно ходил взад и вперед по комнате и несколько раз спрашивал М. Г., не вызывали ли его по телефону.

Но все же потом он сел рядом со мной и начал меня расспрашивать, что я делаю, где служу, скоро ли поеду на войну. Его покровительственный тон меня крайне раздражал, но я должен был казаться любезным и отвечал на его вопросы.

М. Г. с напряженным вниманием следила за нашим разговором.

Подробно узнав все, что его интересовало касательно меня, Распутин заговорил какими-то отрывочными, бессмысленными фразами о Боге, о братской любви. Я старался было вникнуть в содержание его речи, отыскать в ней что-нибудь оригинальное, своеобразное, но, чем больше я к ней

прислушивался, тем больше убеждался, что это все тот же набор слов, какой я слышал еще четыре года назад, при нашей первой встрече.

Слушая нелепое бормотание Распутина, я глядел на благоговейно-внимательные лица его поклониц, боявшихся проронить единый звук его бессвязной "проповеди", которая, конечно, казалась им полной глубокого и таинственного смысла.

"До какого помрачения могут умственно и нравственно опуститься люди, — думал я, — этот обнаглевший негодяй бесстыдно их морочит, но они не хотят очнуться. Именно не хотят... Их приятно пьянит дурман этого распутинского наваждения: полуграмотный мужик, разваливающийся на мягких креслах, говорящий с апломбом первые попавшиеся слова, какие взбредут ему в голову, для них это — новое, невиданное; это волнует им нервы, наполняет их время, может быть, даже повергает в истерический экстаз... Но ведь этот мужик тешится не только над женской экзальтированностью, он тешится над целой страной, он играет участью великого многомиллионного народа, толкает к гибели Россию и ее царя".

Я вспомнил мой разговор с великим князем о тех лекарствах, которыми намеренно помрачали сознание государя... Впрочем, не он один говорил мне об одурманивающих травах.

Распутин очень дружил с тибетским врачом Бадмаевым[21], жившим в то время в Петербурге. Бадмаев приехал в Россию еще при императоре Александре III. Он был по происхождению тибетец и выдавал себя за высокообразованного врача, но по русским законам медицинская практика ему не была разрешена. Тем не менее он тайно принимал больных, и так как очень дорого брал и за свои советы, и за лекарства, которые, кстати, сам и изготовлял, то составил себе довольно большое состояние. Несколько раз за незаконное знахарство его привлекали к уголовной ответственности, однако он по-прежнему оставался в Петербурге и продолжал тайно лечить доверчивых людей, обращавшихся к нему за помощью.

Был ли Бадмаев действительно одним из настоящих тибетских ученых "лам", знающих все тайны тибетской медицины, основанной на многовековом изучении свойств различных растений, или он был только ловким знахарем, умевшим пользоваться некоторыми средствами, — решить

трудно. Но как человек он представлял собой тип авантюриста самой низкой марки, ищущего денег и положения.

Он очень дружил с подонками петербургского политического мира, вроде известного проходимца, журналиста и дельца Манасевича-Мануйлова[22], князя М. М. Андронникова[23], темные интриги и мошенничества которых были разоблачены после революции.

Бадмаев всячески домогался влияния в политических сферах, и, как только Распутин стал играть видную роль в Царском Селе, тибетский авантюрист не замедлил завязать с ним самую тесную дружбу.

Лечение Распутиным государя и наследника различными травами, конечно, производилось при помощи Бадмаева, которому были известны многие средства, незнакомые европейской науке. Сообщество этих двух людей — темного тибетца и еще более темного "старца" — невольно внушало ужас... И, вспомнив обо всем этом, посмотрев на уверенно небрежную позу Распутина, я понял, что никакая сила уже не может поколебать принятого мною решения.

Между тем разговор, вернее, речь Распутина продолжалась.

С благочестивых рассуждений он перешел на тему, которая близко его касалась. Он стал говорить о "несправедливом отношении" к нему "злых людей", которые только и делают, что "клевещут" на него, стараются его очернить в глазах царя и царицы. При этом он рассказывал о себе, что приносит людям счастье и что все те, которые находятся в дружеских отношениях с ним, угодны Господу Богу, а противящиеся ему всегда бывают наказаны.

Не раз, слыша о том, что Распутин хвастается тем, что обладает даром исцелять всякие болезни, я решил, что самым удобным способом сближения с ним будет попросить его заняться моим лечением, тем более что как раз в это время я чувствовал себя не совсем здоровым. Я ему рассказал, что уже много лет я обращаюсь к разным докторам, но до сих пор мне не помогли.

— Вылечу тебя, — сказал Распутин, выслушав меня с большим вниманием. — Вылечу... Что доктора? Ничего не смыслят... Так себе, только разные лекарства прописывают, а толку нет... Еще хуже бывает от ихнего лечения. У меня, милый, не так, у меня все выздоравливают, потому что побожьему лечу, Божьими средствами, а не то что всякой дрянью... Вот сам увидишь.

В этот момент зазвонил телефон. Распутин, услышав его, прекратил беседу со мной и очень разволновался.

— Это меня, наверно, — сказал он и, обратившись к М. Г., повелительным тоном распорядился: — Сбегай да погляди в чем дело, узнай там.

М. Г., ничуть не оскорбленная таким обращением, покорно встала и пошла на звонок.

Оказалось, что Распутина вызывали к телефону. Разговор длился недолго, он вернулся расстроенный, угрюмый, молча распростился с нами и поспешно уехал.

Эта встреча со "старцем" произвела на меня довольно неопределенное впечатление, и я решил пока не искать свидания с ним, но ждать, когда он сам захочет меня видеть.

Вечером в тот же день я получил записку от М. Г.: от имени Распутина она просила у меня извинения за то, что моя с ним беседа была прервана его внезапным отъездом, и приглашала меня опять приехать к ней на следующий день и в тот же час. В этой же записке она, по поручению "старца", просила меня захватить с собой гитару, так как Распутин очень любит цыганское пение и, узнав, что я пою, выразил желание меня послушать.

Теперь мне стало ясно, что он заинтересовался мною и хочет ближе со мной познакомиться.

Я уже больше не колебался ехать к М. Г., тем более что возлагал большие надежды на эту новую встречу.

Захватив с собой гитару, я в условленное время отправился в дом Г. и приехал, как и в первый раз, когда Распутина еще не было.

Воспользовавшись его отсутствием, я спросил у М. Г., почему он так внезапно уехал от них вчера.

— Ему сообщили, что одно важное дело приняло нежелательный оборот, — ответила она, и добавила: — Но теперь, слава Богу, все улажено. Григорий Ефимович рассердился, накричал, а там испугались и послушались.

— Где "там"? — спросил я. М. Г. молчала и не хотела отвечать. Я стал настаивать.

— В Царском, — наконец проговорила она неохотно. — Больше я вам ничего не скажу — скоро сами услышите.

Позднее я узнал, что дело, столь тревожившее Распутина, касалось назначения Протопопова[24] министром внутренних дел. Распутинская партия во что бы то ни стало желала провести это назначение, на которое государь не соглашался. И вот стоило только Распутину самому съездить в Цар-

ское и, как выразилась М. Г., “рассердиться и накричать“ — тотчас же все было исполнено согласно его воле.

— Разве и вы тоже принимаете участие в назначении министров? — спросил я М. Г.

Она смутилась и покраснела.

— Мы все, по мере наших сил, помогаем Григорию Ефимовичу кто чем может. Ему одному все-таки трудно, он очень занят многими делами, и ему нужны помощники.

Наконец, приехал Распутин. Он был весел и разговорчив.

— Ты прости меня, милый, за вчерашнее, — сказал он мне. — Ничего не поделаешь... Приходится худых людей наказывать: больно уже много их развелось за последнее время.

Затем, обращаясь к М. Г., он продолжал:

— Все сделал. Самому пришлось туда съездить... А как приехал, прямо на Аннушку* и наткнулся, она все хнычет да хнычет, говорит: дело не выгорело, одна надежда на вас, Григорий Ефимович. Слава Богу, что приехали! — Иду и вижу, что сама** тоже сердитая да надутая, а он*** себе гуляет по комнате да насвистывает. Ну, как накричал маленько — приутихли... А уж как пригрозил, что уйду и вовсе их брошу, — тут сразу на все согласились... Да... Наговорили им, что то нехорошо, другое нехорошо... А что они сами-то понимают? Слушали бы больше меня: уж я знаю, что хороший он****, да и в Бога верует, а это самое главное.

Распутин окинул всех самодовольным и самоуверенным взглядом, потом обратился к М. Г.:

— Ну, а теперь чайку попьем... Что же ты не угощаешь?

Мы прошли в столовую. М. Г. разлила нам чай, придвинув Распутину сладости и печенья разных сортов.

— Вот, милая, добрая, — заметил он, — всегда-то она обо мне помнит — приготовит, что люблю... А ты принес с собой гитару? — спросил он меня.

— Да, гитара со мной.

— Ну, спой что-нибудь, а мы посидим да послушаем.

Мне стоило громадного усилия заставить себя петь перед

---

* Вырубова.

** Императрица.

*** Государь.

**** Протопопов.

Распутиным, но я все же взял гитару и спел несколько цыганских песен.

— Славно поешь, — одобрил он, — душа у тебя есть... Много души... А ну-ка еще!

Я пропел еще несколько песен, грустных и веселых, причем Распутин все настаивал, чтобы я продолжал пение. Наконец, я остановился.

— Вот вам нравится мое пение, — сказал я ему, — а если бы вы знали, как у меня на душе тяжело. Энергии у меня много, желания работать тоже, а работать не могу — очень быстро утомляюсь и становлюсь больным...

— Я тебя мигом выправлю. Вот поедешь со мной к цыганам — всю болезнь как рукой снимет.

— Бывал я у них, да что-то не помогло.

Распутин рассмеялся:

— Со мной, милый, другое дело к ним ехать... Со мной и веселье другое и все лучше будет... — И Распутин рассказал со всеми подробностями, как он проводит время у цыган, как поет и пляшет с ними.

М. Г. и ее мать были смущены и озадачены такой откровенностью "праведного старца".

— Вы не верьте, — говорили они, — это Григорий Ефимович все шутит и нарочно на себя наговаривает.

Распутин за эту попытку защитить его репутацию настолько рассердился, что даже стукнул кулаком по столу и прикрикнул на обеих.

Мать и дочь сразу притихли.

"Старец" опять обратился ко мне:

— Ну, как? Поедешь со мной? Говорю, вылечу... Сам увидишь, вылечу, и благодарить станешь... Да кстати и ее захватим с собой, — сказал он, указывая на М. Г.

Она сильно покраснела, а мать ее сконфуженно начала увещевать Распутина:

— Григорий Ефимович, да что с вами? Зачем вы на себя клевещете? Да еще и дочку мою сюда припутали. Куда ей ехать?.. Она все Богу с вами ходит молиться, а вы ее к цыганам зовете. Нехорошо так говорить.

— А ты что думаешь? — злобно посмотрев на нее, сказал Распутин. — Разве не знаешь, что со мной везде можно и греха в том никакого нет? Чего раскудахталась?

— А ты, милый, — заговорил он опять со мной, — не слушай ее, а делай, что я говорю, и все хорошо будет.

Предложение ехать к цыганам мне совсем не улыбалось,

но прямо отказаться было нельзя, и я ответил Распутину на его приглашение уклончиво и неопределенно, ссылаясь на то, что нахожусь в Пажеском корпусе и не имею права ездить в увеселительные места.

Но Распутин настаивал на своем, уверяя, что он переоденет меня до неузнаваемости, и все останется в секрете. Окончательного ответа он все же не добился: я лишь обещал позвонить ему вечером по телефону.

Распутин, видимо, почувствовал ко мне некоторую симпатию; на прощание он мне сказал:

— Хочу тебя почаще видеть, почаще... Приходи ко мне чайку попить, только уведомь заранее.

VII

Приехав домой, я застал у себя поручика Сухотина, который с нетерпением ждал моего возвращения от Г.

Второе свидание с Распутиным, безусловно, давало надежду на дальнейшее мое сближение с ним, необходимое для поставленной нами себе задачи. Но чего стоило таким путем подойти к этой цели!

После этих встреч у меня осталось непреодолимое чувство какой-то загрязненности: так, по существу, ужасна была вся обстановка поклонения этому грубому и наглому мужику его исступленных почитательниц.

Между прочим, при последнем моем разговоре с ним меня особенно неприятно поразило предложение Распутина, обращенное к М. Г., участвовать в его кутежах, и я не мог отогнать от себя тяжелой мысли о том, что нет пределов влиянию этого негодяя и нет границы порабощения слабых натур... Разве он способен щадить чистоту и наивность нерассуждающей веры?

Вечером я сказал "старцу" по телефону, что не могу ехать с ним к цыганам, так как на завтра у меня назначена в корпусе репетиция, к которой я должен усиленно готовиться.

Подготовка к репетициям действительно занимала у меня много времени, благодаря чему мои свидания с Распутиным на время прекратились. Однажды, возвращаясь из корпуса и проезжая мимо дома, где жила семья Г., я встретился с М. Г. Она меня остановила:

— Как же вам не стыдно? Григорий Ефимович столько времени вас ждет к себе, а вы его совсем забыли! Если вы к нему заедете, то он вас простит. Я завтра у него буду; хотите, поедем вместе?

Я согласился.

На следующий день в условленный час я заехал за М. Г. Меня продолжала мучить мысль: неужели она решилась бы вместе с Распутиным поехать к цыганам? И что будет она мне отвечать, если я ей прямо поставлю вопрос об этом?

Когда мы сели в автомобиль, я сказал ей:

— Что означает предложение Григория Ефимовича взять вас вместе с нами в Новую Деревню к цыганам? Как надо понимать его слова?

М. Г. смутилась и на мой вопрос не дала мне прямого ответа. Я почувствовал, что мой разговор был ей крайне неприятен, и потому прекратил его.

Когда мы доехали до Фонтанки, моя спутница попросила меня остановить автомобиль и сказать шоферу, чтобы он ждал нас за углом. Это требовалось потому, что Распутина нельзя было посещать просто и открыто: его охраняла тайная полиция и записывала имена всех тех, кто к нему приезжал. А между тем М. Г. знала, до какой степени моя семья была настроена против "старца", и прилагала все свои старания к тому, чтобы мое сближение с ним оставалось тайной.

Мы дошли до ворот дома №64 по Гороховой улице, прошли через двор и по черной лестнице поднялись в квартиру Распутина.

Дорогой М. Г. мне рассказала, что охрана помещается на главной лестнице и в состав этой охраны входят лица, поставленные от самого премьер-министра, от министра внутренних дел, а также от банковских организаций, но каких именно — она точно не знала.

Она позвонила.

Распутин сам отпер нам дверь, которая была тщательно заперта на замки и цепи.

Мы очутились в маленькой кухне, заставленной всякими запасами провизии, корзинами и ящиками. На стуле у окна сидела девушка, худая и бледная, со странно блуждающим взглядом больших темных глаз.

Распутин был одет в светло-голубую шелковую рубашку, расшитую полевыми цветами, в шаровары и высокие сапоги. Встретил он меня словами:

— Наконец-то пришел. А я ведь собирался было на тебя рассердиться: уж сколько дней все жду да жду, а тебя все нет!

Из кухни мы прошли в его спальню. Это была небольшая комната, несложно обставленная: у одной стены, в углу, помещалась узкая кровать; на ней лежал мешок из лисьего меха — подарок Анны Вырубовой; у кровати стоял огромный сундук. В противоположном углу висели образа с горящей перед ними лампадой. Кое-где на стенах висели царские портреты и лубочные картины, изображавшие события из Священного Писания.

Из спальни Распутин провел нас в столовую, где был приготовлен чай.

Там кипел самовар. Множество тарелок с печеньем, пирогами, сластями и орехами, варенье и фрукты в стеклянных вазах заполняли стол, посередине которого стояла корзина с цветами.

Мебель была тяжелая, дубовая, стулья с высокими спинками и большой громоздкий буфет с посудой. На стенах висели картины, плохо написанные масляными красками; с потолка спускалась и освещала стол бронзовая люстра с большим белым стеклянным колпаком; у двери, выходившей в переднюю, помещался телефон.

Вся обстановка распутинской квартиры, начиная с объемистого буфета и кончая нагруженной обильными запасами кухни, носила отпечаток чисто мещанского довольства и благополучия. Литографии и плохо намалеванные картины на стенах вполне соответствовали вкусам хозяина, а потому, конечно, и не заменялись ничем иным.

Было видно, что столовая служила главной приемной комнатой “старца“, в которой он вообще проводил большую часть своего времени, когда бывал дома.

Мы сели к столу, и Распутин начал угощать нас чаем.

Разговор сначала не клеился. Мне казалось, что Распутина сдерживало какое-то недоверие, а может быть, на его настроение действовал и телефон, который трещал без умолку и все время прерывал нашу беседу.

М. Г. чем-то была очень взволнована. Она то и дело вставала, выходила из-за стола, затем опять садилась.

Распутина, помимо телефона, несколько раз вызывали в соседнюю комнату, служившую ему кабинетом, где его ожидали какие-то просители. Вся эта суета его раздражала, он нервничал и был не в духе.

В один из тех перерывов, когда он выходил в столовую, внесли огромную корзину цветов, к которой была приколота записка:

— Неужели это Григорию Ефимовичу? — спросил я М. Г.

Она утвердительно кивнула головой.

В этот момент вошел Распутин. Не обращая внимания на подношение, он сел за стол рядом со мной и налил себе чаю.

— Григорий Ефимович, — сказал я ему, — вам подносят цветы, точно какой-нибудь примадонне.

— Дуры... Все дуры балуют. Каждый день свежие носят, знают, что люблю цветы-то...

Он рассмеялся:

— Эй ты, — обратился он к М. Г., — пойди-ка в другую комнату, а мы тут с ним поболтаем.

М. Г. послушно встала и вышла.

Оставшись наедине со мной, Распутин пододвинулся и взял меня за руку.

— Ну, что, милый, — ласковым голосом произнес он, — нравится тебе моя квартера? Хороша?.. Ну вот, теперь и приезжай почаще, хорошо тебе будет...

Он гладил мою руку и пристально смотрел мне в глаза.

— Ты не бойся меня, — заговорил он вкрадчиво, — вот как поближе-то сойдемся, то и увидишь, что я за человек такой... Я все могу... Коли царь и царица меня слушают, значит, и тебе можно. Вот нынче увижу их да расскажу, что ты чай у меня пил. Довольны будут!

Это намерение Распутина сообщить в Царском Селе о моих посещениях его дома совсем меня не устраивало. Я знал, что императрица сейчас же скажет об этом Вырубовой, которая отнесется к моей “дружбе“ со “старцем“ весьма подозрительно, ибо она не раз слышала лично от меня самые откровенные и неодобрительные отзывы о нем.

— Нет, Григорий Ефимович, вы там ничего не говорите обо мне. Чем меньше люди будут знать о том, что я у вас бываю, тем лучше. А то начнут сплетничать, и дойдут слухи до моих родных, а я терпеть не могу всяких семейных историй и неприятностей.

Распутин согласился со мной и обещал ничего не рассказывать.

Беседа наша коснулась политики. Он начал нападать на Государственную думу:

— Там про меня только худое распускают да смущают этим царя... Ну, да недолго им болтать: скоро Думу распущу, а депутатов всех на фронт отправлю: ужо я им покажу, тогда и вспомнят меня.

— Григорий Ефимович, неужели вы на самом деле можете Думу распустить, и каким образом?

— Эх, милый, дело-то простое... Вот будешь со мной дружить, помогать мне, тогда все и узнаешь, а покамест вот я тебе что скажу: царица уж больно мудрая правительница... Я с ней все могу делать, до всего дойду, а он* — Божий человек. Ну какой-же он государь? Ему бы только с детьми играть, да с цветочками, да огородом заниматься, а не царством править... Трудновато ему, вот и помогаем с Божьим благословением.

Я негодовал, слушая, с каким снисходительным пренебрежением этот зазнавшийся мужик-конокрад говорит о русском императоре. Однако я сдержал себя и очень спокойным тоном стал говорить, что ведь он, Распутин, и сам не знает, какие люди его окружают, хорошие или плохие советы они ему дают, добиваясь того, чтобы он, при помощи своего влияния в Царском Селе, проводил их в жизнь.

— Почему вы знаете, Григорий Ефимович, чего от вас самих разные люди добиваются и какие у них цели? Может быть, они вами пользуются для своих грязных расчетов?

Распутин снисходительно усмехнулся:

— Что, Бога хочешь учить? Он, Бог-то, недаром меня послал своему помазаннику на помощь... Говорю тебе: пропали бы они без меня вовсе. Я с ними попросту: коли не по-моему делают, сейчас стукну кулаком по столу, встану и уйду, а они за мной вдогонку бегут, упрашивать начнут: "Останься, Григорий Ефимович. Что прикажешь — все сделаем, только уж не покидай ты нас". Вот оно, милый, как они меня любят да уважают. Намедни, — продолжал Распутин, — говорил я им про одного человека, что назначить его нужно, а они его все оттягивают да оттягивают... Ну я и пригрозил: "Уеду, говорю, от вас в Сибирь, а вы тут все без меня сгниете да и мальчика своего погубите, коли от Бога отвернетесь, и к дьяволу попадете". Вот как, милый. А тут еще всякие людишки около них копошатся да нашептывают им, что-де Григорий Ефимович дурной человек, зла им желает... А на что я стану им

* Император Николай II.

зло делать? Они люди хорошие, благочестивые...

— Григорий Ефимович, ведь этого мало еще, что вас любят государь и императрица, — сказал я, — ведь вы знаете, как о вас дурно говорят, что о вас рассказывают. И всем этим рассказам верят не только в России, но и за границей; там в газетах о вас пишут... Вот я и думаю, что если на самом деле вы любите государя и государыню, то вам следовало бы отстраниться от них и уехать подобру-поздорову к себе в Сибирь, а то, не ровен час, прихлопнуть вас могут... Что тогда будет?

— Нет, милый, ты ничего не знаешь, оттого так и говоришь, — ответил Распутин, — Господь этого не допустит. Коли его воля была к ним приблизить, значит, так надобно... А что людишки там говорят али заграничные газеты пишут — наплевать, пусть болтают, — только сами себя погубят.

Распутин встал и начал ходить нервными шагами взад и вперед по комнате.

Я внимательно следил за ним. Он был угрюм и сосредоточен.

Вдруг, резко повернувшись, он подошел ко мне, близко нагнулся к моему лицу и пристально на меня посмотрел.

Мне стало жутко от этого взгляда; в нем чувствовалась огромная сила.

Не отводя от меня глаз, Распутин погладил меня по спине, хитро улыбнулся и вкрадчивым, слащавым голосом спросил, не хочу ли я вина. Получив утвердительный ответ, он достал бутылку мадеры, налил себе и мне и выпил за мое здоровье.

— Когда опять ко мне приедешь? — спросил он.

В эту минуту вошла в столовую М. Г. и напомнила ему, что пора ехать в Царское Село и что автомобиль ждет.

— А я-то заболтался и позабыл, что дожидаются меня там. Ну, ничего, не впервой им. Иной раз звонят, звонят по телефону, посылают за мной, а я нейду... А приеду неожиданно — вот и радость большая, от этого и цены мне больше.

— Ну, прощай, милый, — обращаясь ко мне, сказал Распутин. Затем, взглянув на М. Г., он прибавил, указывая на меня: — Умный, умный. Только бы вот не сбили с толку... Станет ежели меня слушать — все будет хорошо. Правду я говорю. Вот растолкуй ты это ему, чтобы хорошенько понял... Ну, прощай, прощай. Заходи

скорей. — И он меня обнял и поцеловал.

Дождавшись отъезда Распутина, М. Г. и я сошли по той же черной лестнице и, выйдя на Гороховую, направились к Фонтанке, где нас ожидал автомобиль.

Дорогой М. Г. опять делилась со мной своими чувствами к "старцу".

— Не правда ли, как у Григория Ефимовича хорошо и как в его присутствии забываешь все мирское? — говорила она. — Он вносит в человеческие души какое-то удивительное спокойствие.

Мне оставалось только согласиться с ней, но я тем не менее высказал ей следующую мысль.

— А вы знаете, — сказал я, — что Григорию Ефимовичу следовало бы как можно скорее покинуть Петербург.

— Почему? — испуганно спросила она.

— Да потому, что его скоро убьют. Я в этом совершенно уверен и советую вам сделать все, от вас зависящее, чтобы повлиять на него в должном направлении. Уехать ему необходимо.

— Нет, нет! — в ужасе воскликнула М. Г. — Этого никогда не будет. Господь не отнимет его у нас. Поймите, что он — наше единственное утешение и поддержка. Если его не станет, то все пропало. Императрица верит, что, пока Григорий Ефимович здесь, с наследником ничего не случится, а как только он уедет, то наследник непременно заболеет... Это уже не раз бывало, что с его отъездом наследнику делалось плохо и приходилось Григорию Ефимовичу с дороги возвращаться. И удивительно: как только он вернется, мальчик сразу поправляется. Григорий Ефимович и сам говорит: "Если меня убьют, то и наследнику не быть живому — непременно умрет".

— Ведь на Григория Ефимовича было уже несколько покушений и Господь сохранил его, — продолжала М. Г. — Он теперь так осторожен, и у него такая охрана, что за него нечего бояться.

Мы подъехали к дому, где жила семья Г.

— Когда я вас снова увижу? — спросила меня М. Г.

Я попросил ее мне позвонить после того, как она снова увидится со "старцем". Мне очень хотелось узнать, какое впечатление произвел на него мой последний с ним разговор.

Вспоминая все, что я только что слышал и от самого Распутина, и от М. Г., я невольно сопоставлял это с нашим

намерением удалить “старца“ от царской семьи мирным путем. Теперь мне становилось ясно, что никакими способами нельзя будет добиться его отъезда из Петербурга навсегда: он слишком твердо чувствует под собой почву, слишком дорожит своим положением. Усиленная охрана, следившая за каждым его шагом, внушала ему несомненную уверенность в полной его безопасности. Что же касается денег, которыми можно было бы его соблазнить, то едва ли и деньги могли бы его заставить отказаться от всех тех неограниченных преимуществ, которыми он пользовался.

“У Распутина, — думал я, — достаточно источников для получения необходимых ему средств на кутежи и пьянство. Все его несложные потребности могут быть удовлетворены с избытком, а кроме того, быть может, у него есть способы для приобретения таких богатств, которых мы и не сможем ему предложить. Если он действительно немецкий агент или нечто в этом роде, то Германия не пожалеет золота ради своих выгод, ради своей победы“.

Отчетливо рисовалась моему сознанию необходимость прибегнуть к последнему средству избавления России от ее злого гения...

VIII

Занятия в Пажеском корпусе по-прежнему отнимали у меня много времени, а строевые учения сильно меня утомляли.

Я возвращался из корпуса очень усталым, а вместо отдыха должен был обдумывать намеченную нами тяжелую задачу и принимать все нужные меры для ее выполнения.

Навязчивая мысль о Распутине томила меня, точно болезнь.

Я был не в силах остановить работу этой мысли, которая непрерывно вращалась в моем мозгу и заставляла с разных сторон обдумывать не только принятое нами решение, но также личность самого “старца“ и тайну влияния этого странного и страшного человека.

Моему воображению рисовался чудовищный заговор против России, и в центре его стоял этот “старец“, волею неумолимого рока или игрою несчастного случая ставший опасным орудием в руках наших врагов.

"Сознает ли он смысл всего того, что он делает? — думал я. — Нет, конечно, не сознает. Он не может понять, насколько сложна та паутина, которой он опутан, как тонка ухищренность и дьявольская изобретательность людей, им руководящих".

Темный, еле грамотный мужик, он не мог, конечно, во многом разбираться, много не понимал. Беспринципный, циничный, жадный до денег, достигнув, неожиданно для себя, головокружительного успеха, он стал еще беспринципнее, циничнее и жаднее.

Неограниченное влияние в высших кругах, подобострастное поклонение психически расстроенных женщин, разгул без удержу и развращающая непривычная изнеженность погасили в нем последнюю искру совести, притупили всякую боязнь ответственности. Хитрый, в высшей степени приметливый, он, несомненно, обладал колоссальной силой гипноза. Мне не раз казалось, когда я смотрю ему в глаза, что, помимо всех своих пороков, он одержим каким-то внутренним "беснованием", которому он подчиняется, и в силу этого многое делает без всякого участия мысли, а по какому-то наитию, похожему на припадочное состояние. "Бесноватость" сообщает особенную уверенность некоторым его словам и поступкам, а потому люди, не имеющие твердых душевных и волевых устоев, легко ему подчиняются. Конечно, и его положение — первого советника и друга царской семьи — помогает ему порабощать людей, особенно тех, которых ослепляет всякая власть вообще.

Но кто же были те люди, которые так умели им пользоваться в своих целях и издали незаметно им руководить?

Едва ли он был достаточно осведомлен о настоящих намерениях и о том, кто они такие в действительности. Имен их он не знал, так как вообще не помнил, как кого зовут, и имел обыкновение всем давать клички. Упоминая намеками о своих таинственных руководителях, он их называл "зелеными". Лично он их, вероятно, и не видел никогда, а сносился с ними через третьих или даже четвертых лиц.

В одном из разговоров со мной он как-то мне сказал:

— Вот "зеленые" живут в Швеции: поедешь туда и познакомишься.

— А в России есть "зеленые"? — спросил я.

— Нет, только "зелененькие", друзья ихние, да еще наши есть, умные все люди, — ответил он.

Думая обо всем этом, об этой распутинской тайне, быть может, гораздо более сложной, чем он сам, я все же ждал дальнейших событий и обещанного телефона от М. Г.

Наконец она позвонила и сообщила, что Распутин снова приглашает меня с собой к цыганам.

Один раз мне уже удалось отделаться от этой поездки, и я надеялся избавиться от нее и теперь. Я опять сослался на репетицию в корпусе и сказал, что если Григорий Ефимович хочет меня видеть, то я опять приеду к нему пить чай. Мы условились, что на следующий день, как и в предыдущий раз, я заеду за М. Г., и мы с ней вместе отправимся к Распутину.

Мое второе посещение "старца" оказалось еще более интересным.

Мы почти все время были с ним вдвоем.

Он особенно был ласков со мной в этот день, и я ему напомнил о его обещании меня лечить.

— В несколько дней вылечу, вот сам увидишь. Пойдем в мой кабинет, там никто нам мешать не станет. Погоди только, вот раньше чайку напьемся, а там с Божьей помощью и начнем.

Я помолюсь и болезнь из тебя выгоню, ты только слушай меня, милый, все тогда хорошо будет.

После чая Распутин провел меня в свой кабинет. Там я был впервые. Мы вошли в небольшую комнату с кожаным диваном и такими же креслами; огромный письменный стол был весь завален бумагами.

"Старец" уложил меня на диван, стал передо мной и, пристально глядя мне в глаза, начал поглаживать меня по груди, шее и голове.

Потом он вдруг опустился на колени и, как мне показалось, начал молиться, положив обе руки мне на лоб. Лица его не было видно, так низко он наклонил голову.

В такой позе он простоял довольно долго, затем быстрым движением вскочил на ноги и стал делать пассы. Видно было, что ему были известны некоторые приемы, применяемые гипнотизерами.

Сила гипноза Распутина была огромна.

Я чувствовал, как эта сила охватывает меня и разливается теплотой по всему моему телу. Вместем с тем я был точно в оцепенении: тело мое онемело. Я попытался говорить, но язык мне не повиновался, и я медленно погружался в сон, как будто под влиянием сильного наркотического

средства. Лишь одни глаза Распутина светились передо мной каким-то фосфорическим светом, увеличиваясь и сливаясь в один яркий круг.

Этот круг то удалялся от меня, то приближался, и, когда он приближался, мне казалось, что я начинаю различать и видеть глаза Распутина, но в эту самую минуту они снова исчезали в светящемся кругу, который постепенно отодвигался.

До моего слуха доносился голос "старца", но слов я различить не мог, а слышал лишь неясное его бормотание.

В таком положении я лежал неподвижно, не имея возможности ни кричать, ни двигаться. Только мысль моя еще была свободна, и я сознавал, что постепенно подчиняюсь власти этого загадочного и страшного человека.

Но вскоре я почувствовал, что во мне, помимо моей воли, сама собой пробуждается моя собственная внутренняя сила, которая противодействует гипнозу. Она нарастала во мне, закрывая все мое существо невидимой броней. В сознании моем смутно всплывала мысль о том, что между мной и Распутиным происходит напряженная борьба и что в этой борьбе я могу оказать ему сопротивление, потому что моя душевная сила, сталкиваясь с силой Распутина, не дает ему возможности всецело овладеть мной.

Я попытался сделать движение рукой — рука повиновалась.

Но я все-таки продолжал лежать в том же положении, ожидая, когда Распутин сам скажет мне подняться и встать.

Теперь я уже ясно различал его фигуру, лицо, глаза. Страшный яркий круг совершенно исчез.

— Ну, милый, вот на первый раз и довольно будет, — проговорил Распутин.

Он внимательно следил за мной, но, очевидно, мог наблюдать и заметить только одну сторону моих ощущений: мое сопротивление гипнозу ускользнуло от него.

Самодовольная улыбка играла на его лице, и он говорил со мной тем уверенным тоном, который дает человеку сознание его полного господства над другим. Очевидно, он не сомневался уже теперь в том, что и я покорился его силе, и мысленно причислил меня к своим послушным приверженцам.

Резким движением он потянул меня за руку. Я приподнялся и сел. Голова моя кружилась, и во всем теле ощущалась слабость. Сделав над собой усилие, я встал с дивана и

прошелся по комнате, но ноги мои были как парализованы и плохо мне повиновались.

Распутин продолжал следить за каждым моим движением.

— Это Божья благодать, — проговорил он, — вот увидишь, как скоро тебе полегчает и вся болезнь твоя пройдет.

Прощаясь, он взял с меня обещание опять приехать к нему в один из ближайших дней.

После этого гипнотического сеанса я много раз бывал у Распутина то с М. Г., то один.

Лечение продолжалось, и с каждым днем доверие "старца" ко мне возрастало.

Мы иногда подолгу с ним беседовали. Считая меня своим другом, непоколебимо уверовавшим в его божественную миссию, рассчитывая на мое содействие и поддержку во всем, Распутин не находил нужным передо мной скрываться и постепенно открыл мне все свои карты. Он настолько был убежден в силе своего влияния на людей, что не допускал даже мысли о том, что я могу не быть в его власти.

— Знаешь, милый, — сказал он мне однажды, — смышленный больно ты, и говорить с тобой легко: все сразу понимаешь. Захочешь — хоть министром сделаю, только согласись.

Такое предложение Распутина сильно меня смутило. Я знал, как легко ему всего добиться, и знал также, к какому скандалу это может привести.

— Я с удовольствием вам буду помогать, только уж в министры меня не назначайте, — ответил я ему смеясь.

— Ты чего смеешься? — удивился Распутин.

— Думаешь, не смогу? Все смогу. Что пожелаю, то и делаю, и все слушаются. Вот увидишь, будешь министром.

Настойчиво-уверенный тон Распутина меня испугал не на шутку. Я уже рисовал себе всеобщее удивление, после того как в газетах прочтут о таком моем назначении.

— Григорий Ефимович, ради Бога, не надо этого! — взмолился я. — Подумайте, какой же я министр. Да, наконец, на что мне это нужно... Гораздо лучше будет, если я стану вам помогать так, чтобы никто об этом не знал.

— Ну, пожалуй, пускай будет по-твоему, коли так, — согласился наконец Распутин. — А редко вот кто этак говорит, — прибавил он, — все больше меня просят: то устрой, это устрой; всякому что-нибудь нужно.

— А как же вы все эти просьбы исполняете? — спросил я.

— Пошлю кого к министру, кого к другому важному лицу с моей записочкой, чтобы устроили, а то и прямо в Царское... Так вот и распределяю.

— И вас все министры слушают?

— Все! — воскликнул Распутин. — Все... Ведь мной они поставлены, как же им меня не слушаться? Знают, что, коли пойдут против меня, не сдобровать им. Сам премьер, и тот не смеет мне поперек дороги становиться. Вот нынче через своего знакомого пятьдесят тысяч предлагал, чтобы, значит, Протопопова сменить... Сам-то небось боится ко мне идти — приятелей своих ко мне подсылает. А Хвостов*-то каков гусь, а? Бегал, бегал ко мне, а как я его назначил, зазнался да и поворотил против меня. Вестимо, сместили его — наказан за дело. Теперича, поди, не раз спохватывается да и жалеет...

Так-то вот, — после небольшой паузы прибавил Распутин. — Ты сам посуди: царица сама у меня другом, как же им-то не повиноваться?

Все меня боятся, все... Как тресну мужицким кулаком — все сразу и притихнут, — сказал Распутин, не без удовольствия взглядывая на свою узловатую руку.

С вашей братией, аристократами, — он особенно както произносил это слово, — только так и можно. Завидуют мне больно, что в смазных сапогах по царским-то хоромам разгуливаю... Гордости у них беда сколько! А от гордости-то у нас, милый, весь грех начинается. Ежели Господу хочешь угодить, первое дело — убей свою гордыню.

Распутин цинично расхохотался и начал рассказывать, каким способом нужно подавлять в себе гордыню.

— А вот что, милый, — заговорил он, взглянув на меня

---

* А. А. Хвостов был в 1914 году Нижегородским губернатором, затем, благодаря интригам Распутина, был назначен министром внутренних дел.

Сознавая опасность влияния Распутина на государственные дела, Хвостов вместе с начальником полиции генералом Курловым решили отравить "старца".

Это покушение не удалось, так как генерал Курлов обманул Хвостова, передав ему вместо яда какую-то безвредную жидкость. Кроме того, он донес на Хвостова, который был немедленно уволен в отставку.

со странной улыбкой. — Бабы эти хуже мужчин, с их-то и надо начинать. Да... Вот вожу я всяких барынь в баню, приведу их туда и говорю: раздевайся теперича и мой меня, мужика... Ну, ежели которые начнут жеманиться, кривляться, у меня с ними расправа короткая .... тут вся гордыня и соскочит ....

Я молча с ужасом его слушал, боясь своими вопросами или замечаниями прервать этот чудовищный рассказ, совершенно непередаваемый в печати. Он, видимо, был невесел и говорил с непривычной откровенностью. Налив себе еще мадеры, он откашлялся и продолжал:

— А ты чего так мало пьешь? Вина, что ли, боишься? Оно-то самое лучшее лекарство будет. От всяких болестей вылечивает и в аптеке не приготовляется. Настоящее Божье средство, и душе, и телу крепость придает. А меня Господь Бог такой силой наградил, что предела этому нет. А знаешь ты Бадмаева? Ужо познакомлю тебя с ним. Вот у него лекарства какие хочешь, вот уж это настоящий доктор. Что там Боткины да Деревенки — ничего они не смыслят: пишут всякую дрянь на бумажках, думают, больной-то поправляется, а ему все хуже да хуже. У Бадмаева средства все природные, в лесах, в горах добываются, насаждаются Господом Богом, и, значит, Божеская благодать в них.

— Григорий Ефимович, — перебил я Распутина, — а что, государя и наследника тоже лечат этими средствами?

— Как не лечат. Даем им. Сама* и Аннушка** доглядывают за этим. Боятся они все, что Боткин узнает, а я им и говорю: коли узнает кто из ваших докторов про эти мои лекарства, больному заместо пользы от них только большой вред будет. Ну, вот они и опасаются — все и делают втихомолку.

— Какие же это лекарства, которые вы даете государю и наследнику?

— Разные, милый, разные... Вот ему самому-то*** дают чай пить, и от этого чая благодать Божия в нем разливается, делается у него на душе мир, и все ему хорошо, все весело — да ай люли малина. Да и то сказать, — продолжал Распутин, — какой же он царь-государь? Божий он человек. Вот ужо увидишь, как все

* Императрица.
** Вырубова.
*** Государь.

устроим: всё у нас будет по-новому.

— О чем вы говорите, Григорий Ефимович. Что будет по-новому?

— Ох уж больно ты любопытный. Все бы тебе знать да знать... Придет время, все сам узнаешь.

Я никогда еще не видел Распутина столь разговорчивым. Очевидно, выпитое вино развязало ему язык. Мне же не хотелось упускать случая выведать от этого преступного "старца" возможно подробнее весь его дьявольский план. Я предложил ему еще выпить со мной. Мы долго молча наполняли наши стаканы. Распутин залпом опустошал свой, а я делал вид, что пью: подносил стакан ко рту и ставил его нетронутым на стол за вазой с фруктами, которая стояла между нами. Таким образом, Распутин пил один.

Когда одна бутылка крепкой мадеры была выпита, мой собеседник поднялся и, шатаясь, подошел к буфету за второй. Я опять наполнил ему стакан, все так же делая вид, что наливаю и свой.

Осторожно возобновил я прерванный разговор:

— Григорий Ефимович, помните, вы мне недавно говорили, что хотите сделать меня вашим помощником. Я согласен вам помогать, но для этого мне необходимо знать, что вы надумали. Вот, например, вы только что говорили, что все будет по-новому, а как и что — я не знаю.

Распутин пристально посмотрел на меня, прищурился и, немного подумав, сказал:

— Вот что, дорогой, будет: довольно воевать, довольно крови пролито; пора всю эту канитель кончать. Что, немец разве не брат тебе? Господь говорил: "Люби врага своего, как любишь брата своего". А какая же тут любовь?.. Сам-то* все артачится, да и сама** тоже уперлась; должно, опять там кто-нибудь их худому научает, а они слушают... Ну, да что там говорить! Коли прикажу хорошенько, — по-моему сделают, да только у нас не все еще готово.

Когда с этим делом покончим, на радостях и объявим Александру с малолетним сыном, а самого-то на отдых в Ливадию отправим... Вот-то радость огородником заделаться! Устал он больно — отдохнуть надо, да, глядишь, там, в Ливадии-то, около цветочков, к Богу ближе будет. А у него

* Государь.

** Императрица Александра Федоровна.

на душе много есть чего замаливать; одна война чего стоит — всю жизнь не замолишь!..

Коли не та бы стерва*, что меня тогда пырнула, был бы я здесь и уж не допустил бы до кровопролития... А то тут без меня все дело смастерили всякие там Сазоновы да министры окаянные; сколько беды наделали!

А сама царица — мудрая правительница, вторая Екатерина. Уж небось последнее-то время она и управляет всем сама, и погляди: что дальше, то лучше будет.

Обещалась перво-наперво говорунов** разогнать. К черту их всех! Ишь, выдумали что: против помазанников Божьих пойдут. А тут их по башке и стукнем. Давно бы их пора к чертовой матери послать... Всем, всем, кто против меня кричит, худо будет!!

Распутин все больше и больше горячился. Возбужденный вином и своими замыслами, он, казалось, и не думал ничего скрывать от меня.

— Я точно зверь травленный: все меня загрызть хотят... Поперек горла им стою. Все аристократы... За то народ меня уважает, что в мужицком кафтане да в смазных сапогах у самого царя да у царицы советником сделался. На то воля Божья! И дал мне Господь силу: все вижу да знаю, кто что замышляет...

Вот недавно от генерала Рузского[25] приходят ко мне, а я им прямо в лицо: "Зачем, говорю, пришли?" Ну да уж обещал устроить; хороший он человек.

Просят все меня евреям свободу дать... Чего ж, думаю, не дать? Такие же люди, как и мы, — Божья тварь.

Вот видишь, — продолжал Распутин, — работы-то сколько! А помощников нету, все самому надо делать, а везде-то и не поспеешь... Ты смышленный, мне и помогать будешь. Я тебя познакомлю с кем следует, и деньжонку загребешь... Только, пожалуй, тебе и ни к чему это: у тебя

---

* На жизнь Распутина покушались не раз, но безуспешно. В 1914 году крестьянка Гусева, которая жила с ним в продолжение нескольких лет, но в конце концов променяла его на монаха Илиодора, нанесла ему удар ножом в живот. Рана была настолько серьезной, что неделями он был между жизнью и смертью, и только благодаря его необыкновенно крепкому сложению он поправился. Когда Гусева была привлечена к ответственности, она объявила, что Распутин ее соблазнил. Ее отправили в дом умалишенных.

** Распутин так называл членов Государственной думы.

небось богатства-то побольше, чем у самого царя? Ну, бедным отдашь, всякий рад лишний грош получить...

Резко прозвучал звонок и оборвал речь Распутина. Он засуетился. По-видимому, он кого-то ожидал к себе, но, увлекшись разговором со мной, забыл о назначенном свидании и теперь, вспомнив о нем, заволновался, опасаясь, чтобы вновь пришедшие не застали меня у него.

Быстро вскочив из-за стола, он провел меня через переднюю в свой кабинет и поспешно вышел оттуда. Я слышал, как торопливыми и неверными шагами он шел по передней, по дороге за что-то зацепил, уронил какой-то предмет и громко выругался. Он едва держался на ногах, но не терял при этом соображения. Невольно я подивился крепкости этого человека.

Из передней до меня донеслись голоса вошедших. По-видимому, их было несколько человек; они вошли в столовую.

Я приблизился к дверям кабинета, которые выходили в переднюю, и начал прислушиваться. Разговор велся в полголоса, и разобрать его было очень трудно. Тогда я осторожно приоткрыл двери и в образовавшуюся таким образом щель через переднюю и открытые двери столовой увидел Распутина, сидящего за столом на том месте, где он только что беседовал со мной.

Совсем близко к нему сидели пять человек; двое других стояли за его стулом. Некоторые из них что-то быстро заносили в свои записные книжки.

Я мог рассмотреть тайных гостей Распутина: лица у всех были неприятные. У четырех был, несомненно, ярко выраженный еврейский тип; трое других, до странности похожие между собой, были белобрысыми, с красными лицами и маленькими глазами. Одного из них, как мне показалось, я где-то видел, но не мог вспомнить, где именно. Одеты они все были скромно; некоторые из них сидели, не снимая пальто.

Распутин среди них совсем преобразился. Небрежно развалившись, он сидел с важным видом и что-то им рассказывал.

Вся группа эта производила впечатление собрания каких-то заговорщиков, которые что-то записывали, шепотом совещались, читали какие-то бумаги. Иногда они смеялись.

У меня мелькнула мысль: не "зелененькие" ли это, о которых мне рассказывал Распутин?

После всего того, что я от него слышал, у меня не было

сомнений, что передо мной было сборище шпионов. В этой скромно обставленной комнате с иконой Спасителя в углу и царскими портретами по стенам, видимо, решалась судьба многомиллионного народа.

Мне хотелось скорее покинуть эту проклятую квартиру, но кабинет Распутина, где я находился, имел только один выход, и уйти оттуда незамеченным было невозможно. После некоторого времени, которое мне показалось бесконечным, появился наконец Распутин с веселым и самодовольным лицом. Мне трудно было бороться с тем чувством отвращения, которое я испытывал к этому негодяю, и потому я быстро простился с ним и вышел.

IX

После всех моих встреч с Распутиным, всего виденного и слышанного мною, я окончательно убедился, что в нем скрыто все зло и главная причина всех несчастий России: не будет Распутина, не будет и той сатанинской силы, в руки которой попали государь и императрица. Казалось, сама судьба свела меня с этим человеком, чтобы я собственными глазами увидел, какую роль он играет, куда ведет нас всех его ничем не ограниченное влияние.

Чего еще было ждать?

Можно ли было щадить Распутина, который губил Россию и династию, который своим предательством увеличивал количество жертв на войне?

Есть ли хоть один честный человек, который не пожелал бы искренно его погибели?

Следовательно, вопрос состоял уже не в том, нужно ли было вообще уничтожить Распутина, а только в том, мог ли именно я брать на себя эту ответственность?

И я ее взял.

Я больше не мог продолжать эту отвратительную игру в "дружбу", которая так меня тяготила.

Первоначально наш план, застрелить "старца" у него на квартире, оказался неудобным, ввиду того напряженного состояния, в котором находилась вся страна: война была в полном разгаре, армия готовилась к наступлению, и факт открытого убийства Распутина мог быть истолкован как демонстрация против царской семьи.

Момент был слишком опасный для открытого выступления. Мне казалось, что Распутин должен исчезнуть таким образом, чтобы никто не знал, куда и при каких обстоятельствах он исчез. Виновники этого исчезновения тем более должны были оставаться неизвестными.

Я думал тогда, что члены Государственной думы Пуришкевич и Маклаков, которые сознавали весь вред Распутина, сумеют дать мне хороший совет. Их речи, произнесенные с думской трибуны, неизгладимо запечатлелись в моей памяти.

Те, которые так горячо говорили против "старца", не могут не разделять моих соображений, не могут не одобрить моего намерения. Я верил, что они мне помогут.

Первый, к кому я обратился, был Маклаков[26]. Предварительно условившись с ним о свидании, я отправился к нему на квартиру. Наш разговор был очень краток. В немногих словах я изложил ему мой план и спросил, каково его мнение.

Маклаков уклонился от определенного ответа. Колебание и недоверие прозвучало в его вопросе:

— Почему вы именно ко мне обратились?

— Я был в Думе и слышал вашу речь... — ответил я.

Мне было ясно, что он про себя одобряет мое намерение, но я не мог сразу решить, чем он руководствуется в своих уклончивых ответах: недоверием ли ко мне, как к мало знакомому человеку, или просто боязнью быть замешанным в опасном предприятии. Во всяком случае, я, после непродолжительной беседы с Маклаковым, убедился, что иметь дело с ним не стоит.

Возвратившись домой, я протелефонировал Пуришкевичу[27] и условился заехать к нему на другой день утром.

Свидание мое с ним носило совершенно иной характер, чем разговор с Маклаковым. Когда я заговорил о Распутине и сообщил о своем намерении с ним покончить, Пуришкевич, со свойственной ему живостью и горячностью, воскликнул:

— Это моя давнишняя мечта. Я всей душой готов помочь вам, если вы только пожелаете принять мои услуги, но ведь это не так легко, как вы думаете: чтобы добраться до Распутина, надо пройти через целый строй сановников и шпиков, охраняющих его.

— Все это уже сделано, — ответил я и рассказал о моем сближении со "старцем", о наших беседах и т. д.

Пуришкевич слушал меня с большим интересом. Я назвал ему великого князя Дмитрия Павловича и поручика Сухотина, сообщил и о моем разговоре с Маклаковым.

Мое мнение о том, что Распутина надо уничтожить тайно, Пуришкевич вполне разделял.

Сознавая всю трудность исполнения нашего замысла, он, однако, нисколько не сомневался в его необходимости и в его громадном политическом значении. Он был твердо убежден, что все зло в Распутине и что, лишь удалив его, можно надеяться спасти страну от неминуемого развала.

Что касается Маклакова и его чрезмерной осторожности, то Пуришкевич его поведению ничуть не удивился. Он обещал при первой же встрече в свою очередь переговорить с ним и попытаться привлечь его на нашу сторону.

Получив согласие Пуришкевича принять активное участие в выполнении нашего намерения, я простился с ним, с тем чтобы на следующий день вечером он приехал ко мне на Мойку для совместной разработки общего плана действий.

На другой день, в пять часов, у меня собрались великий князь Дмитрий Павлович, Пуришкевич и поручик Сухотин.

После долгих обсуждений и споров все пришли к следующему заключению:

Нужно покончить с Распутиным при помощи яда, как средства наиболее удобного для сокрытия всяких следов убийства.

Мои друзья были вполне согласны с тем, что уничтожение Распутина должно носить характер внезапного исчезновения и содержаться в строжайшей тайне.

Местом события был выбран наш дом на Мойке. В нем было помещение, которое я вновь отделывал для себя; оно как нельзя лучше подходило для выполнения нашего замысла, а мои отношения с Распутиным давали мне полную возможность уговорить его приехать ко мне.

Такого рода план вызвал во мне самое гнетущее чувство: перспектива пригласить к себе в дом человека с целью его убить была чересчур ужасна. Кто бы ни был этот человек, даже сам Распутин, но я не мог без содрогания представить себе свою роль в этом деле: роль хозяина, готовящего гибель своему гостю.

Мои друзья разделяли мое мнение, но после долгих обсуждений мы тем не менее пришли к заключению, что в вопросе, касающемся судьбы России, не должно быть места

никаким соображениям и переживаниям личного характера и что все мои нравственные тревоги и угрызения совести должны отойти на второй план.

Решение было принято, но время его осуществления зависело от некоторых случайных обстоятельств. Ремонт нашего дома не мог быть закончен ранее середины декабря, но до того времени и великий князь, и Пуришкевич должны были уехать на фронт и предполагали вернуться в Петербург как раз к тому сроку, когда ремонт должен был окончиться. В этом отношении все складывалось удачно, только на меня выпадала крайне тяжелая обязанность: в течение еще двух недель поддерживать дружеские отношения с Распутиным.

Если и прежде мне было трудно видеться с человеком, уничтожение которого я считал необходимостью, то тем мучительнее становились для меня встречи с ним после того, как приговор наш был произнесен уже в окончательной форме.

Пуришкевич предложил нам принять в участники еще одно лицо — доктора Лазоверт. Мы согласились.

Вторичное наше собрание происходило в санитарном поезде Пуришкевича.

На этом совещании были выработаны все подробности наших совместных действий.

Наш план, окончательно утвержденный, состоял в следующем:

Я должен был по-прежнему видеться с Распутиным, усиливая его доверие к себе, и однажды пригласить его в гости, с тем чтобы его приезд в мой дом был обставлен строжайшей тайной.

В день, когда Распутин согласится у меня быть, я должен заехать за ним в двенадцать часов ночи, и в открытом автомобиле Пуришкевича, с доктором Лазовертом в качестве шофера, привезти его на Мойку. Там, во время чая, дать ему выпить раствор цианистого калия.

После того как моментальным действием яда Распутин будет уничтожен, его труп, завернутый в мешок, увезти за город и сбросить в воду.

Для перевозки тела нужно было иметь закрытый автомобиль, и великий князь Дмитрий Павлович предложил воспользоваться своим. Это было особенно удобно: великокняжеский стяг, прикрепленный к передней части машины, избавлял нас от всяких подозрений и задержек в пути. Распу-

тина я должен был принять у себя один, поместив остальных соучастников заговора в соседней комнате, дабы в случае необходимости они могли прийти мне на помощь.

Какой бы оборот ни приняло задуманное нами дело, мы условились во что бы то ни стало отрицать нашу причастность не только к убийству Распутина, но даже к покушению на убийство.

Место, куда мы сбросим труп Распутина, решено было отыскать уже по возвращении в Петербург великого князя и Пуришкевича.

Через несколько дней после нашего совещания оба они уехали на фронт.

В Петербурге оставался только поручик Сухотин, с которым я виделся почти ежедневно.

В этот период времени я вторично посетил Маклакова. Перед своим отъездом Пуришкевич просил меня сделать все возможное для того, чтобы привлечь Маклакова к самому близкому участию в нашем деле.

При новом свидании с Маклаковым я был приятно поражен происшедшей в нем переменой. Вместо уклончивых ответов, я услышал от него полное одобрение всему нами задуманному, но на мое предложение действовать с нами сообща он ответил, что ему, быть может, придется в половине декабря по важным делам отлучиться на несколько дней в Москву. Тем не менее я посвятил его во все подробности нашего заговора.

Прощаясь со мной, он был любезен, пожелал нам полного успеха и, между прочим, подарил мне резиновую палку.

— Возьмите ее на всякий случай, — сказал он, улыбаясь.

X

Тем временем мои занятия в Пажеском корпусе шли своим чередом. Полковник Фогель, который готовил меня к репетициям, по-прежнему приходил ко мне и часами объяснял мне военные науки.

Изредка бывал я у Распутина, подчиняясь необходимости поддерживать с ним отношения. Как ни был гадок мне этот человек, но еще более гадко было сидеть у него, разговаривать с ним.

Эти посещения были для меня самой настоящей пыткой.

Однажды я зашел к нему за несколько дней до возвращения в Петербург великого князя Дмитрия Павловича и Пуришкевича.

Распутин был в самом радостном настроении.

— Что это вы так веселы? — спросил я его.

— Да уж больно хорошее дельце-то сделал. Теперича не долго ждать: скоро и на нашей улице будет праздник.

— А в чем дело? — заинтересовался я.

— В чем дело, в чем дело? — старался передразнить меня Распутин. — Вот ты боишься меня, — продолжал он, — и перестал ко мне ходить, а много кой-чего интересного есть у меня тебе порассказать... А вот и не скажу, потому боишься меня, опасаешься всего, а коли бы ты не боялся, — рассказал бы.

Я объяснил ему, что готовился все время к репетициям в корпусе, очень был занят и никак не мог вырваться, потому только и не приходил к нему. Но на все мои доводы Распутин твердил свое:

— Знаю, знаю, боишься меня, да и родные тебе не дозволяют. Мамаша твоя небось заодно с Лизаветой[28]... Обе только и думают, как бы меня отсюда спровадить. Да нет, не удастся им, не послушают их. Уж так-то меня любят в Царском, так любят. И что больше напротив меня говорят, то больше и любят... Вот как!

— Григорий Ефимович, — сказал я, — ведь вы в Царском себя иначе ведете: вы там только о Боге и разговариваете, оттого вам и верят.

— Что ж, милый, мне о Боге с ними не говорить? Они все люди благочестивые, любят такую беседу... Все они понимают, все прощают и меня ценят... А насчет того, что им худое про меня наговаривают, — это все ни к чему; все одно они худому не поверят, что ни говори... Я им и сам рассказывал: будут, говорю, на меня клеветать, а вы вспомните, как Христа гнали. Он тоже за правду страдал. Ну вот они всех и выслушивают, а сделают по-своему, как им совесть велит.

С "ним"* вот бывает подчас трудно; как от дома далеко уедет, так и начнет слушать худых людей. Вот и теперича сколько с "ним" намучились. Я ему объясняю: довольно, мол, кровопролитий, все братья, что немец, что француз...

---

* Государь.

А война эта самая — наказание Божье за наши грехи... Так ведь куды! Уперся. Знай, свое твердит: “позорно мир подписывать“.

А какой такой позор, коли своих братьев спасаешь? Опять, говорю, миллионы народу побьют.

Вот “сама“ — мудрая, хорошая правительница... А “он“ что? Что понимает? Не для этого сделан, Божий он человек — вот что. Боюсь одного, — продолжал Распутин — как бы Николай Николаевич не помешал, коли узнает. Ему-то все только воевать, зря людей губить. Да, теперича далече он, руки коротки — не достанет. Подальше его и угнали затем, чтобы не мешал, да не путался.

— А по-моему, большую ошибку сделали, — сказал я, — что великого князя сместили. Ведь его вся Россия боготворила, самый популярный человек.

— За это самое и сменили. Возгордил

ся больно, да высоко метил. Царица-то сразу поняла, откудава опасность идет.

— Неправда, Григорий Ефимович, великий князь Николай Николаевич совсем не такой человек: никуда он не метил, а исполнял свой долг перед Родиной и царем. И с тех пор как он ушел, ропот в стране увеличился. Нельзя было в такой серьезный момент отнимать у армии ее любимого вождя.

— Ну, уж ты, милый, не мудри: коли было сделано, так, значит, и надо, — правильно.

Распутин встал и начал ходить взад и вперед по комнате. Он был задумчив и что-то шепотом говорил про себя. Но вдруг он остановился, быстро подошел ко мне и резким движением схватил меня за руку. В его глазах засветилось странное выражение:

— Поедем со мной к цыганам. Поедешь, — все тебе расскажу до капельки...

Я согласился, но в эту самую минуту зазвонил телефон. Оказалось, что Распутина вызывали в Царское. Я воспользовался тем, что наша поездка расстроилась, и предложил ему приехать ко мне в один из ближайших дней, чтобы вместе провести вечер.

Распутину давно хотелось познакомиться с моей женой, и, думая, что она в Петербурге, а родители мои в Крыму, он сказал, что с удовольствием приедет.

Жены моей в Петербурге еще не было, — она находилась в Крыму с моими родителями, но мне казалось, что

Распутин охотнее согласится ко мне приехать, если он этого знать не будет. На этом мы с ним расстались.

Через несколько дней вернулись с фронта великий князь Дмитрий Павлович и Пуришкевич.

У нас было несколько совещаний, и на одном из них было решено пригласить Распутина в дом моих родителей на Мойке 16 декабря*.

Я позвонил ему по телефону и спросил, согласен ли он приехать ко мне в этот вечер. Он ответил утвердительно, но с тем условием, чтобы я сам за ним заехал и таким же порядком отвез обратно. При этом он просил меня пройти к нему в квартиру по черной лестнице, обещая предупредить дворника о том, что один из его знакомых заедет за ним в двенадцать часов ночи.

Таким образом Распутин рассчитывал уехать из дома незамеченным.

Мне было странно и жутко думать о том, как легко он на все согласился, как-будто сам помогал нам в нашей трудной задаче.

Назначенный день приближался.

Ввиду того что у меня было очень мало свободного времени, я просил великого князя Дмитрия Павловича выбрать место на Неве, куда можно будет сбросить труп Распутина после его уничтожения.

Вечером, в день нашего последнего совещания, ко мне приехал великий князь, очень уставший после нескольких часов, проведенных в поисках подходящего места на реке.

Мы долго с ним сидели и разговаривали в этот вечер. Он рассказывал мне о своем последнем пребывании в Ставке. Государь произвел на него удручающее впечатление. По словам великого князя, государь осунулся, постарел, впал в состояние апатии и совершенно инертно относится ко всем событиям.

Слушая великого князя, я невольно вспомнил и все слышанное мною от Распутина. Казалось, какая-то бездна открывалась и готовилась поглотить Россию.

И думая обо всем этом, мы не сомневались в правоте нашего решения уничтожить того, кто еще усугублял и без того великие бедствия нашей несчастной Родины.

---

* К этому времени должна была вернуться из Крыма моя жена, посвященная в наши планы, но болезнь помешала ей к намеченному дню приехать в Петербург.

XI

Весь день 16 декабря я был занят подготовкой к экзамену в корпусе, назначенному на следующее утро.

Утром, в перерыве между занятиями, я заехал на Мойку в наш дом, чтобы отдать последние распоряжения.

Помещение, куда должен был вечером приехать Распутин, расположенное в подвальном этаже дома, только что вышло из ремонта.

Предстояло обставить его так, чтобы оно производило впечатление обычной жилой комнаты и не возбудило у Распутина никаких подозрений: ему могло показаться странным, если бы его провели в неуютный и холодный подвал.

Приехав домой, я застал там обойщиков, натягивавших ковры и вешающих занавеси.

Вновь отремонтированная комната была устроена в части винного подвала. Она была полутемная, мрачная, с гранитным полом, со стенами, облицованными серым камнем, и с низким сводчатым потолком. Два небольших узких окна, расположенных в уровень с землей, выходили на Мойку. Две невысокие арки делили помещение на две половины — одну более узкую, другую большую и широкую, предназначенную для столовой. Из узкой части комнаты входная дверь вела на лестницу, с первой площадки которой был выход во двор, а выше по ступенькам — ход в мой кабинет, находившийся в первом этаже дома.

Лестница, ведущая в кабинет, была не широкая, винтовая, из темного дерева.

Входивший в новое помещение попадал, таким образом, сначала в узкую его половину. Здесь уже стояли в неглубоких нишах две большие китайские вазы из красного фарфора, которые необычайно красиво выделялись на мрачной серой облицовке стен, оживляя ее двумя яркими пятнами.

Из кладовой принесли старинную мебель, и я занялся устройством столовой.

Как сейчас, я вижу перед собой до мелочей всю эту комнату.

Резные, обтянутые потемневшей кожей стулья, шкафчики черного дерева с массой тайников и ящиков, массивные дубовые кресла с высокими спинками и кое-где небольшие столики, покрытые цветными тканями, а на них кубки из слоновой кости и различные предметы художественной работы.

Особенно запомнился мне среди всех этих вещей один шкаф с инкрустациями, внутри которого был сделан целый лабиринт из зеркал и бронзовых колонок. На этом шкафу стояло старинное распятье из горного хрусталя и серебра итальянской работы XVII века.

В столовой был большой камин-очаг из красного гранита, на нем несколько золоченых кубков, тарелки старинной майолики и скульптурная группа из черного дерева. На полу лежал большой персидский ковер, а в углу, где стоял шкаф с лабиринтом и распятьем, шкура огромного белого медведя.

Посередине комнаты поставили стол, за которым должен был пить свой последний чай Григорий Распутин.

В устройстве помещения мне помогали смотритель нашего дома и мой камердинер. Им я поручил приготовить к одиннадцати часам вечера чай на шесть человек, закупить побольше всяких бисквитов и сладких пирожков, а так же доставить из погреба вина. Я объяснил своим служащим, что у меня будут вечером гости и что, приготовив чай, они могут уйти в дежурную и ждать там, пока я их не позову.

Отдав все распоряжения, я поднялся к себе в кабинет, где меня уже ждал полковник Фогель. Занятия мои с ним окончились около шести часов вечера, и я поехал обедать во дворец великого князя Александра Михайловича.

Наскоро закусив, я вернулся обратно к себе на Мойку.

XII

К одиннадцати часам в новом помещении все было готово.

На столе стоял самовар и много разных печений и сластей, до которых Распутин был большой охотник. На одном из шкафов приготовлен был поднос с винами и рюмками.

Я был еще один в доме и окидывал взглядом комнату и ее убранство.

Старинные фонари с разноцветными стеклами освещали ее сверху; тяжелые занавеси темно-красного штофа были опущены; топился большой гранитный камин, дрова в нем трещали, разбрасывая искры на каменные плиты.

Несмотря на то что комната находилась почти под зем-

лей и была сама по себе мрачная, теперь, благодаря освещению и всей обстановке, от нее веяло удивительным уютом. При этом тишина подвального этажа создавала впечатление таинственности, какой-то отрезанности от всего мира. Казалось, что бы ни случилось здесь, все будет утаено от человеческих глаз, скроется навсегда в молчании этих каменных стен.

Раздался звонок; он извещал меня о приезде великого князя Дмитрия Павловича и остальных участников заговора.

Я вышел им навстречу. Вид у всех был бодрый, настроение приподнятое, но я заметил, что разговаривали все както слишком громко, были неестественно веселы, чувствовалось, что нервы у всех крайне напряжены.

Мы прошли в столовую. Обстановка комнаты сильно подействовала на моих друзей, в особенности на великого князя, который был у меня в этом самом помещении накануне, когда еще ничего не было готово.

Войдя в столовую, все некоторое время стояли молча, рассматривая место близкого события.

Из шкафа с лабиринтом я вынул стоявшую там коробку с ядом, а со стола взял тарелку с пирожками; их было шесть: три шоколадных и три миндальных.

Доктор Лазоверт, надев резиновые перчатки, взял палочки цианистого калия, растолок их и, подняв отделяющийся верхний слой шоколадных пирожков, всыпал в каждый из них порядочную дозу яда.

В комнате царило напряженное молчание, мы все следили с жутким интересом за работой доктора.

Оставалось еще всыпать порошок в приготовленные рюмки. Мы решили это сделать возможно позднее, чтобы яд не потерял своей силы при длительном испарении. Общее количество яда получилось огромное: по словам доктора доза была во много раз сильнее той, которая необходима для смертельного исхода.

Для правдоподобности нужно было, чтобы на столе стояли неубранные чашки, как будто после только что выпитого чая. Я предупредил Распутина о том, что, когда у нас бывают гости, мы пьем чай в столовой, затем все поднимаются наверх, я же иногда остаюсь один внизу — читаю или чемнибудь занимаюсь.

Мы наскоро сделали в комнате и на столе небольшой беспорядок, сдвинули стулья, налили чай в чашки. Тут же

я условился с великим князем Дмитрием Павловичем, поручиком Сухотиным и Пуришкевичем, что после моего отъезда они поднимутся наверх в мой кабинет и станут там заводить граммофон, выбирая преимущественно веселые пластинки: это требовалось для того, чтобы поддерживать веселое настроение у Распутина и отогнать от него всякие подозрения. Я все же несколько опасался, чтобы вид подземелья не пробудил в нем каких-либо сомнений.

Закончив все приготовления, мы с доктором Лазовертом вышли. Он, переодевшись в костюм шофера, пошел заводить машину, стоявшую на дворе у малого подъезда, а я надел доху и меховую шапку со спущенными наушниками, скрывавшими мое лицо.

Мы сели, автомобиль тронулся.

Целый вихрь мыслей кружился в моей голове. Надежды на будущее окрыляли меня. За несколько коротких минут моего последнего пути к Распутину я много передумал и пережил.

Автомобиль остановился у дома №64 на Гороховой улице.

Войдя во двор, я сразу был остановлен голосом дворника, который спросил: — Кого надо?

Узнав, что спрашивают Григория Ефимовича, дворник не хотел было меня пускать; он настаивал, чтобы я назвал себя и объяснил причину моего посещения в столь поздний час.

Я ответил, что Григорий Ефимович сам просил меня приехать к нему в это время и пройти по черной лестнице. Дворник недоверчиво меня оглядел, но все же пропустил.

Войдя на неосвещенную лестницу, я вынужден был подниматься по ней ощупью. С большим трудом мне наконец удалось найти дверь распутинской квартиры.

Я позвонил, и в ответ на звонок голос "старца" спросил, не отворяя: — Кто там?

Услыхав этот голос, я вздрогнул.

— Григорий Ефимович, это я приехал за вами, — ответил я ему.

Я слышал, как Распутин задвигался и засуетился. Дверь была на цепи и засове, и мне сделалось вдруг жутко, когда лязгнула цепь и заскрипела тяжелая задвижка в его руках.

Он отворил, я вошел в кухню.

Там было темно. Мне показалось, что из соседней комнаты кто-то смотрит на меня.

Я инстинктивно приподнял воротник и надвинул шапку.

— Ты чего так закрываешься? — спросил Распутин.

— Да ведь мы же сговорились, чтобы никто про сегодняшнее не знал, — сказал я.

— Верно, верно... Я и своим ничего не говорил и "тайников"* всех услал. Пойдем, я оденусь.

Мы вошли с ним в его спальню, освещенную только лампадой, горевшей в углу перед образами. Распутин зажег свечу. Я заметил неубранную постель — видно было, что он только что отдыхал. Около постели приготовлена была его шуба и бобровая шапка, на полу стояли высокие фетровые калоши.

Распутин был одет в белую шелковую рубашку, вышитую васильками, и подпоясан малиновым шнуром с двумя большими кистями.

Черные бархатные шаровары и высокие сапоги на нем были совсем новые. Даже волосы на голове и бороде были расчесаны и приглажены как-то особенно тщательно, а когда он подошел ко мне ближе, я почувствовал сильный запах дешевого мыла: по-видимому, в этот день Распутин особенно много времени уделил своему туалету; по крайней мере, я никогда не видел его таким чистым и опрятным.

— Ну, что же, Григорий Ефимович. Пора двигаться, ведь первый час?

— А что, к цыганам поедем? — спросил он.

— Не знаю, может быть, — ответил я.

— А у тебя-то никого нынче не будет? — несколько встревожился он.

Я его успокоил, сказав, что никого, ему неприятного, он у меня не увидит и что моя мать находится в Крыму.

— Не люблю я ее, твою мамашу. Меня-то уж она как ненавидит!... Небось с Лизаветой** дружна. Против меня обе они подкопы ведут да клевещут. Сама царица сколько раз мне говорила, что они — самые мои злые враги...

— А знаешь, — вдруг неожиданно заявил Распутин, — что я тебе скажу? Заезжал ко мне вечером Протопопов и слово с меня взял, что я в эти дни дома сидеть буду. Убить, говорит, тебя хотят; злые люди-то все недоброе замышляют... А ну их! Все равно не удастся — руки не доросли. Да, ну, что там разговаривать... Поедем.

---

* Агенты тайной полиции.

** Великая княгиня Елизавета Федоровна.

Я взял его шубу с сундука и помог ему одеться.

— Деньги-то забыл, деньги! — вдруг засуетился Распутин, подбежал к сундуку и открыл его.

Я подошел поближе и, увидев там несколько свертков газетной бумаги, спросил:

— Неужели это все деньги?

— Да, дорогой мой, все билеты. Сегодня получил, — скороговоркой ответил он.

— А кто вам их дал?

— Да так, добрые люди, добрые люди дали. Вот видишь ли, устроил им дельце, а они, хорошие, добрые, в благодарность на церковь-то и пожертвовали.

— И много тут будет?

— Что мне считать? У меня и времени нет для этого. Я, чай, не банкир. Вот Митьке Рубинштейну[29] — это дело подходящее... У него страсть сколько денег. А мне к чему? Да я, коли вправду сказать, считать-то их не умею. Сказал им: пятьдесят тысяч несите, а то и трудиться не стану для вас. Вот и прислали. Может, и больше дали, кто их там знает...

— Приданое-то какое сделаю дочери, — продолжал Распутин. — Она у меня скоро замуж выходит за офицера: четыре Георгия, заслуженный. Ему и местечко хорошее приготовлено. "Сама"* благословить обещалась.

— Григорий Ефимович, ведь вы говорили, что деньги эти пожертвованы на церковь...

— Ну что ж, что на церковь? Экая невидаль. Брак-то, чай, тоже Божье дело; сам Господь дал свое благословение в Канне Галлилейской... А на какое из этих дел деньги-то пойдут, не все ли ему равно? Богу-то? — ответил, хитро ухмыляясь, Распутин.

Невольно усмехнулся и я. Мне показалась забавной та простодушная наглость, с которой Распутин играл словами Священного Писания.

Взяв часть денег из сундука и тщательно замкнув его, он потушил свечу. Комната снова погрузилась в полумрак, и только из угла по-прежнему тускло светила лампада.

И вдруг охватило меня чувство безграничной жалости к этому человеку.

Мне сделалось стыдно и гадко при мысли о том, каким подлым способом, при помощи какого ужасного обмана я

---

* Императрица Александра Федоровна.

его завлекаю к себе. Он — моя жертва; он стоит передо мною, ничего не подозревая, он верит мне... Но куда девалась его прозорливость? Куда исчезло его чутье? Как будто роковым образом затуманилось его сознание, и он не видит того, что против него замышляют. В эту минуту я был полон глубочайшего презрения к себе; я задавал себе вопрос: как мог я решиться на такое кошмарное преступление? И не понимал, как это случилось.

Вдруг с удивительной яркостью пронеслись передо мною, одна за другой, картины жизни Распутина. Чувства угрызения совести и раскаяния понемногу исчезли и заменились твердою решимостью довести начатое дело до конца. Я больше не колебался.

Мы вышли на темную площадку лестницы, и Распутин закрыл за собою дверь.

Запоры снова загремели, и резкий зловещий звук разнесся по пустой лестнице. Мы очутились вдвоем в полной темноте.

— Так лучше, — сказал Распутин и потянул меня вниз. Его рука причиняла мне боль; хотелось закричать, вырваться... Но на меня напало какое-то оцепенение. Я совсем не помню, что он мне тогда говорил и отвечал ли я ему. В ту минуту я хотел только одного: поскорее выйти на свет, увидеть как можно больше света и не чувствовать прикосновения этой ужасной руки.

Когда мы сошли вниз, ужас мой рассеялся, я пришел в себя и снова стал хладнокровен и спокоен.

Мы сели в автомобиль и поехали.

Через заднее его окно я осматривал улицу, ища взглядом наблюдающих за ним сыщиков, но было темно и безлюдно.

Мы ехали кружным путем. На Мойке повернули во двор и остановились у малого подъезда.

XIII

Войдя в дом, я услышал голоса моих друзей. Покрывая их, весело звучала в граммофоне американская песенка. Распутин прислушался:

— Что это — кутеж?

— Нет, у жены гости, они скоро уйдут, а пока пойдемте в столовую выпьем чаю.

Мы спустились по лестнице. Войдя в комнату, Распутин снял шубу и с любопытством начал рассматривать обстановку.

Шкаф с лабиринтом особенно привлек его внимание. Восхищаясь им, как ребенок, он без конца подходил, открывал дверцы и всматривался в лабиринт.

К моему большому неудовольствию от чая и от вина он в первую минуту отказался.

"Не почуял ли он чего-нибудь? — подумал я, но тут же решил: — Все равно живым он отсюда не уйдет".

Мы сели с ним за стол и разговорились. Перебирали общих знакомых, вспоминали семью Г., Вырубову; коснулись и Царского Села.

— Григорий Ефимович, а зачем Протопопов к вам заезжал? Все боится заговора против вас? — спросил я.

— Да, милый, мешаю я больно многим, что всю правду-то говорю... Не нравится аристократам, что мужик простой по царским хоромам шляется, — все одна зависть да злоба... Да что их мне бояться? Ничего со мной не сделают: заговорен я против злого умысла. Пробовали, не раз пробовали, да Господь все время просветлял. Вот и Хвостову не удалось — наказали и прогнали его. Да ежели только тронут меня — плохо им всем придется.

Жутко звучали эти слова Распутина там, где ему готовилась гибель.

Но ничто не смущало меня больше. В течение всего нашего разговора одна только мысль была в моей голове: заставить его выпить вина из всех отравленных рюмок и съесть все пирожки с ядом.

Через некоторое время, наговорившись на свои обычные темы, Распутин захотел чаю. Я налил ему чашку и придвинул тарелку с бисквитами. Почему-то я дал ему бисквиты без яда.

Уже позднее я взял тарелку с отравленными пирожками и предложил ему.

В первый момент он от них отказался:

— Не хочу — сладкие больно, — сказал он.

Однако вскоре взял один, потом второй... Я, не отрываясь, смотрел, как он брал эти пирожки и ел их один за другим.

Действие цианистого калия должно было начаться не-

медленно, но, к моему большому удивлению, Распутин продолжал со мной разговаривать как ни в чем ни бывало.

Тогда я решил предложить ему попробовать наши крымские вина. Он опять отказался.

Время шло. Меня начинало охватывать нетерпение. Я налил две рюмки, одну ему, другую себе; его рюмку я поставил перед ним и начал пить из своей, думая, что он последует моему примеру.

— Ну, давай, попробую, — сказал Распутин и протянул руку к вину. Оно не было отравлено.

Почему и первую рюмку вина я дал ему без яда — тоже не знаю.

Он выпил с удовольствием, одобрил и спросил, много ли у нас вина в Крыму. Узнав, что целый погреб, он был очень этим удивлен. После пробы вина он разошелся:

— Давай-ка теперь мадеры, — попросил он.

Когда я встал, чтобы взять другую рюмку, он запротестовал:

— Наливай в эту.

— Ведь нельзя, Григорий Ефимович, невкусно все вместе — и красное и мадера, — возразил я.

— Ничего, говорю, лей сюды...

Пришлось уступить и не настаивать больше.

Но вскоре мне удалось, как будто случайным движением руки сбросить на пол рюмку, из которой пил Распутин; она разбилась.

Воспользовавшись этим, я налил мадеры в рюмку с цианистым калием. Вошедший во вкус питья, Распутин уже не протестовал.

Я стоял перед ним и следил за каждым его движением, ожидая, что вот сейчас наступит конец.

Но он пил медленно, маленькими глотками, с особенным смаком, присущим знатокам вина.

Лицо его не менялось. Лишь от времени до времени он прикладывал руку к горлу, точно ему что-то мешало глотать, но держался бодро, вставал, ходил по комнате и на мой вопрос, что с ним, сказал, что так, пустяки, просто першит в горле.

Прошло несколько томительных минут.

— Хорошая мадера. Налей-ка еще, — сказал мне Распутин, протягивая свою рюмку.

Яд продолжал не оказывать никакого действия: "старец" разгуливал по столовой.

Не обращая внимания на протянутую им мне рюмку, я схватил с подноса вторую с отравой, налил в нее вино и подал Распутину.

Он и ее выпил, а яд не проявлял своей силы...

Оставалась третья и последняя...

Тогда я с отчаяния начал пить сам, чтобы заставить Распутина пить еще и еще.

Мы сидели с ним друг перед другом и молча пили.

Он на меня смотрел, глаза его лукаво улыбались, и, казалось, говорили мне:

— Вот видишь, как ты не стараешься, а ничего со мной не можешь поделать.

Но вдруг выражение его лица резко изменилось: на смену хитрой слащавой улыбке явилось выражение ненависти и злобы.

Никогда еще не видал я его таким страшным.

Он смотрел на меня дьявольскими глазами.

В эту минуту я его особенно ненавидел и готов был наброситься на него и задушить.

В комнате царила напряженная зловещая тишина.

Мне показалось, что ему известно, зачем я его привел сюда и что намерен с ним сделать. Между нами шла как будто молчаливая, глухая борьба; она была ужасна. Еще одно мгновение, и я был бы побежден и уничтожен. Я чувствовал, что под тяжелым взглядом Распутина начинаю терять самообладание. Меня охватило какое-то странное оцепенение: голова закружилась, я ничего не замечал перед собой. Не знаю, сколько времени это продолжалось.

Очнувшись, я увидел Распутина, сидящего на том же месте: голова его была опущена, он поддерживал ее руками; глаз не было видно.

Ко мне снова вернулось прежнее спокойствие, и я предложил ему чаю.

— Налей чашку, жажда сильная, — сказал он слабым голосом.

Распутин поднял голову. Глаза его были тусклы, и мне показалось, что он избегает смотреть на меня.

Пока я наливал чай, он встал и прошелся по комнате. Ему бросилась в глаза гитара, случайно забытая мною в столовой.

— Сыграй, голубчик, что-нибудь веселенькое, — попросил он, — люблю, как ты поешь.

Трудно было мне петь в такую минуту, а Распу-

тин еще просил “что-нибудь веселенькое“.

— На душе тяжело, — сказал я, но все же взял гитару и запел какую-то грустную песню.

Он сел и сначала внимательно слушал. Потом голова его склонилась над столом, я увидел, что глаза его закрыты, и мне показалось, что он задремал.

Когда я кончил петь, он открыл глаза и посмотрел на меня грустным и спокойным взглядом:

— Спой еще. Больно люблю я эту музыку: много души в тебе.

Я снова запел.

Странным и жутким казался мне мой собственный голос.

А время шло — часы показывали уже половину третьего утра... Больше двух часов длился этот кошмар.

“А что будет, если мои нервы не выдержат больше? — подумал я“.

Наверху тоже, по-видимому, иссякло терпение. Шум, доносившийся оттуда, становился все сильнее. Я боялся, что мои друзья, не выдержав, спустятся вниз.

— Что так шумят? — подняв голову, спросил Распутин.

— Вероятно, гости разъезжаются, — ответил я, — пойду посмотреть.

Наверху, в моем кабинете, великий князь Дмитрий Павлович, Пуришкевич и поручик Сухотин с револьверами в руках бросились ко мне навстречу. Они были спокойны, но очень бледны с напряженными, лихорадочными лицами.

Посыпались вопросы:

— Ну что, как? Готово? Кончено?

— Яд не подействовал, — сказал я.

Все, пораженные этим известием, в первый момент молча замерли на месте.

— Не может быть, — воскликнул великий князь.

— Ведь доза была огромная!

— А он все принял? — спрашивали другие.

— Все! — ответил я.

Мы начали обсуждать, что делать дальше.

После недолгого совещания решено было всем сойти вниз, наброситься на Распутина, и задушить его. Мы уже стали осторожно спускаться по лестнице, как вдруг мне пришла мысль, что таким путем мы можем погубить все дело: внезапное появление посторонних людей сразу бы раскрыло глаза Распутину, и неизвестно, чем бы тогда все это кончилось. Надо было помнить, что

мы имели дело с необыкновенным человеком.

Я позвал моих друзей обратно в кабинет и высказал им мои соображения. С большим трудом удалось мне уговорить их предоставить мне одному покончить с Распутиным. Они долго не соглашались, опасаясь за меня.

Взяв у великого князя револьвер, я спустился в столовую.

Распутин сидел за чайным столом, на том самом месте, где я его оставил. Голова его была низко опущена, он дышал тяжело.

Я тихо подошел к нему и сел рядом. Он не обратил на мой приход никакого внимания.

После нескольких минут напряженного молчания он медленно поднял голову и взглянул на меня. В глазах его ничего нельзя было прочесть — они были потухшие, с тупым, бессмысленным выражением.

— Что, вам нездоровится? — спросил я.

— Да, голова что-то отяжелела и в животе жжет. Дай-ка еще рюмочку — легче станет.

Я налил ему мадеры; он выпил ее залпом и сразу подбодрился и повеселел.

Обменявшись с ним несколькими словами, я убедился, что сознание его было ясно, мысль работала совершенно нормально. И вдруг неожиданно он предложил мне поехать с ним к цыганам. Я отказался, ссылаясь на поздний час.

— Ничего, они привыкли. Иной раз всю ночку меня поджидают. Бывает, вот в Царском-то задержат меня делами какими важными, али просто беседой о Боге... Ну, а я оттудова на машине к ним и еду. Телу-то, поди, тоже отдохнуть требуется... Верно я говорю? Мыслями с Богом, а телом-то с людьми. Вот оно что! — многозначительно подмигнув, сказал Распутин.

В эту минуту я мог от него ожидать всего, но ни в коем случае не такого разговора...

Просидев столько времени около этого человека, проглотившего громадную дозу самого убийственного яда, следя за каждым его движением в ожидании роковой развязки, мог ли я предположить, что он позовет меня ехать к цыганам? И особенно поражало меня то, что Распутин, который все чуял и угадывал, теперь был так далек от сознания своей близкой смерти.

Как не заметил он своими прозорливыми глазами, что за спиной у меня в руке зажат револьвер, который

через мгновение будет направлен против него.

Думая об этом, я почему-то обернулся назад, и взгляд мой упал на хрустальное распятие; я встал и приблизился к нему.

— Чего ты там так долго стоишь? — спросил Распутин.

— Крест этот люблю; очень он красив, — ответил я.

— Да, хорошая вещь, должно быть, дорогая... А много ли ты за него заплатил?

Он подошел ко мне и, не дожидаясь ответа, продолжал:

— А по мне, так ящик-то занятнее будет...— и он снова раскрыл шкаф с лабиринтом и стал его рассматривать.

— Григорий Ефимович, вы бы лучше на распятие посмотрели да помолились бы перед ним.

Распутин удивленно, почти испуганно посмотрел на меня. Я прочел в его взоре новое, незнакомое мне выражение: что-то кроткое и покорное светилось в нем. Он близко подошел ко мне, не отводя своих глаз от моих, и, казалось, будто он увидел в них то, чего не ожидал. Я понял, что наступил последний момент.

"Господи, дай мне силы покончить с ним!" — подумал я, и медленным движением вынул револьвер из-за спины. Распутин по-прежнему стоял передо мною, не шелохнувшись, со склонившейся направо головой и глазами, устремленными на распятие.

"Куда выстрелить, — мелькнуло у меня в голове, — в висок или в сердце?"

Точно молния пробежала по всему моему телу. Я выстрелил.

Распутин заревел диким, звериным голосом и грузно повалился навзничь, на медвежью шкуру.

В это время раздался шум на лестнице — это были мои друзья, спешившие мне на помощь. Они, второпях зацепили за электрический выключатель, который находился на леснице у входа в столовую, и потому я вдруг очутился в темноте...

Кто-то наткнулся на меня и испуганно вскрикнул.

Я не двигался с места, боясь впотьмах наступить на тело.

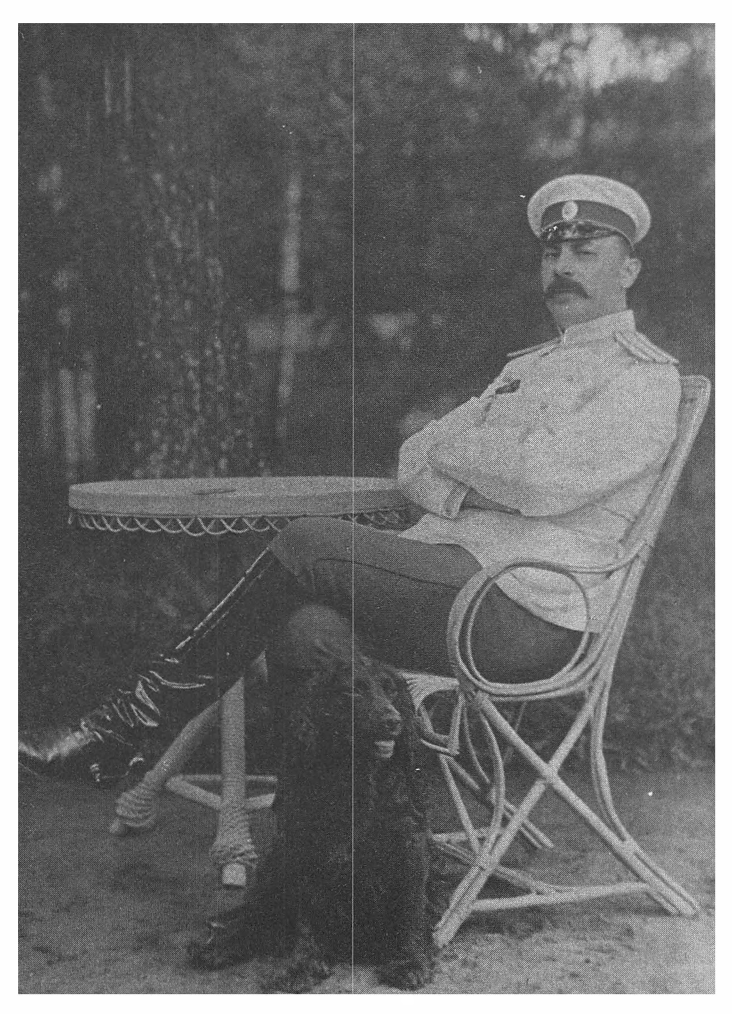
Наконец зажгли свет.

Все бросились к Распутину.

Он лежал на спине; лицо его от времени до времени подергивалось, руки были конвульсивно сжаты, глаза закрыты. На светлой шелковой рубашке виднелось небольшое

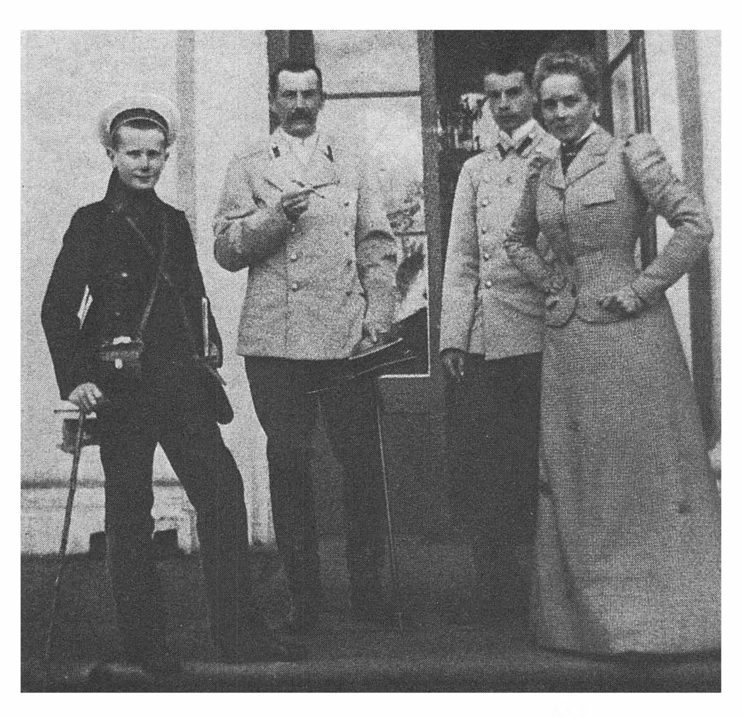
Феликс Феликсович Юсупов

Ф. Ф. Сумароков-Эльстон, отец Феликса

З. Н. Юсупова, мать Феликса

Юсуповы в имении “Архангельское“

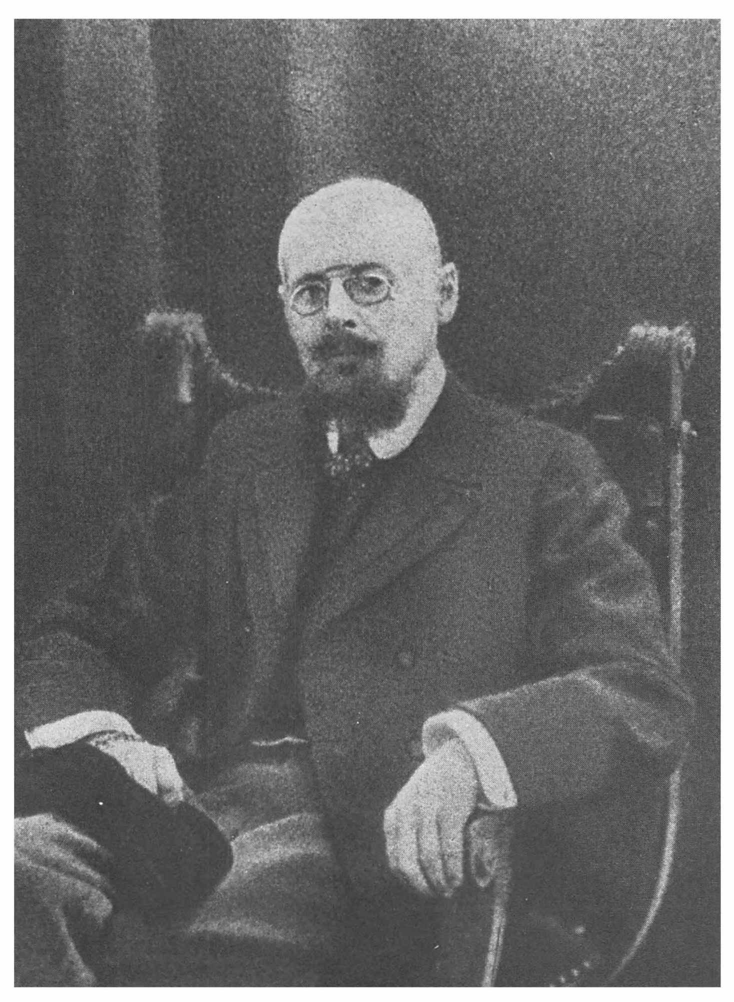
Феликс Юсупов с женой Ириной

Великий князь Николай Михайлович

Великая княгиня Елизавета Федоровна

В. М. Пуришкевич

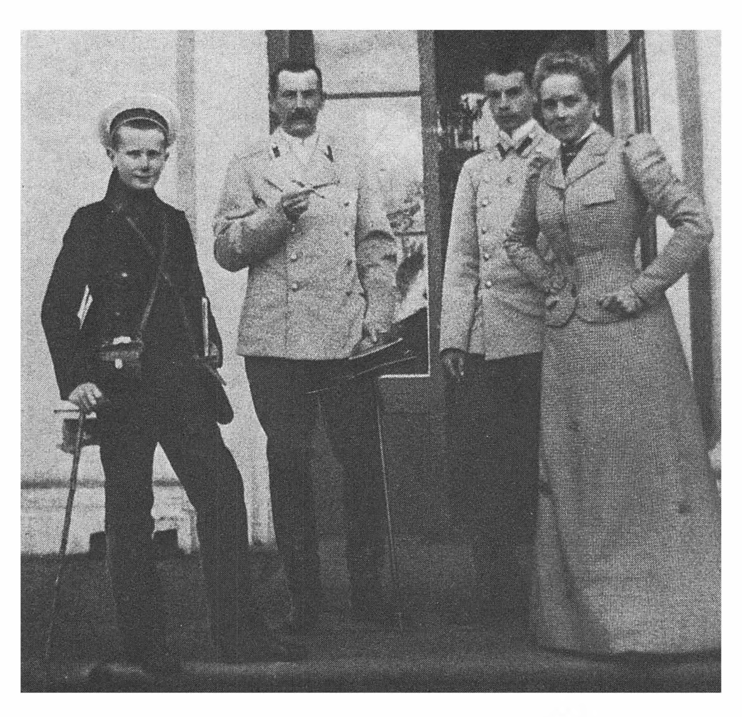
Николай II и Александра Федоровна, 1917

Николай II, Александра Федоровна
с наследником Алексеем, 1914

З. Н. Юсупова, мать Феликса

Юсуповы в имении “Архангельское“

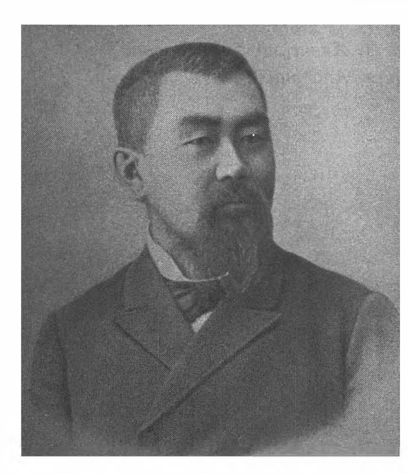

Николай II с наследником Алексеем, 1911

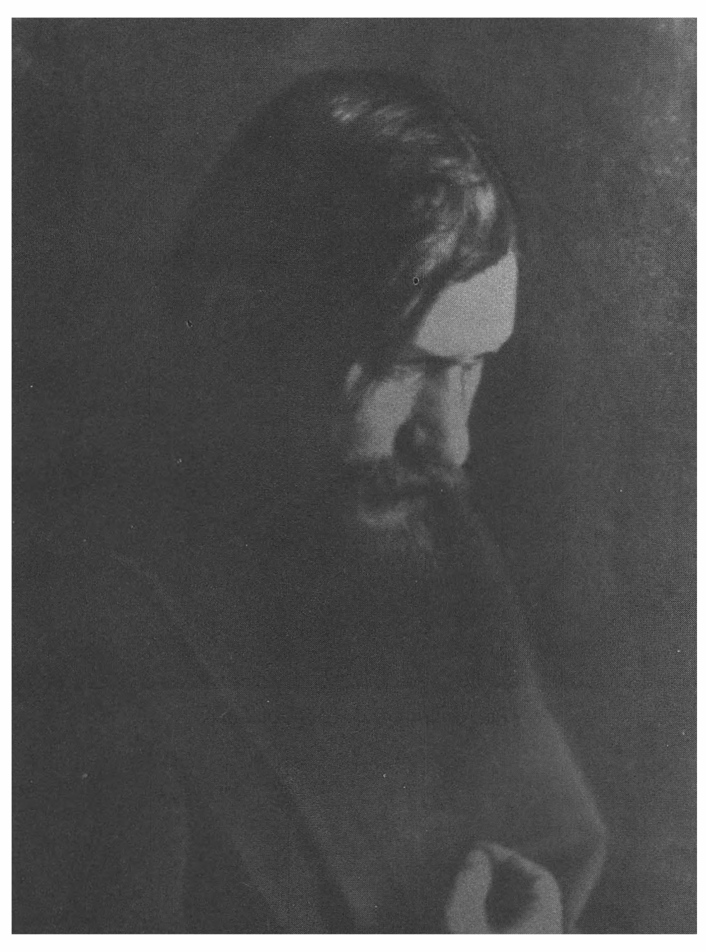

Царская семья: Николай II, Александра Федоровна, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Алексей

А. А. Вырубова

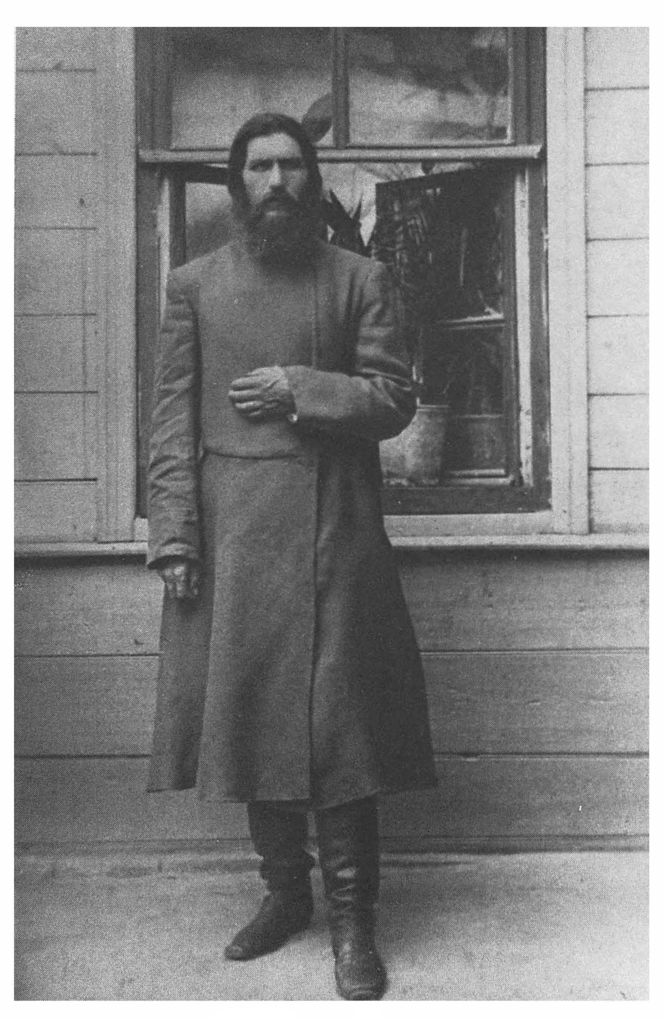
П. А. Бадмаев

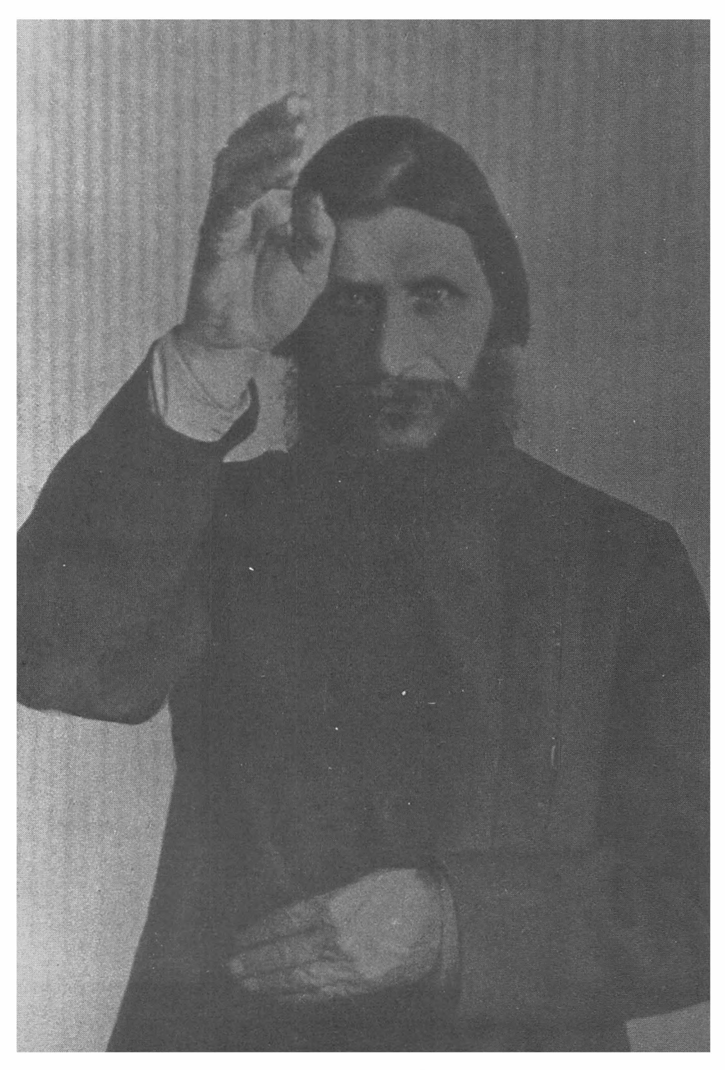
Г. Е. Распутин

Распутин в доме Мельмановой

Распутин в Царицыне

Г. Е. Распутин

красное пятно; рана была маленькая, и крови почти не было заметно.

Мы все, наклонившись, смотрели на него.

Некоторые из присутствующих хотели еще раз выстрелить в него, но боязнь лишних следов крови их остановила.

Через несколько минут, не открывая глаз, Распутин совсем затих.

Мы осмотрели рану: пуля прошла навылет в области сердца. Сомнений не было: он был убит.

Великий князь и Пуришкевич перенесли тело с медвежьей шкуры на каменный пол. Затем, мы погасили элетричество и, закрыв на ключ дверь столовой, поднялись все в мой кабинет.

Настроение у всех было повышенное. Мы верили, что событие этой ночи спасет Россию от гибели и позора.

XIV

Согласно нашему плану великому князю Дмитрию Павловичу, поручику Сухотину и доктору Лазоверту теперь предстояло исполнить следующее:

Во-первых, устроить фиктивный отъезд Распутина из нашего дома на тот случай, если тайная полиция проследила его, когда он к нам приехал. Для этого Сухотин должен был изобразить Распутина, надев его шубу и шапку, и в открытом автомобиле Пуришкевича вместе с великим князем и доктором выехать по направлению к Гороховой.

Во-вторых, нужно было, захватить одежду Распутина, завезти ее на Варшавский вокзал, чтобы сжечь в санитарном поезде Пуришкевича и там же, на вокзале, оставить его автомобиль. С вокзала надо было добраться на извозчике до дворца великого князя, взять там его закрытый автомобиль и возвратиться на Мойку.

В автомобиле великого князя Дмитрия Павловича предстояло увезти труп Распутина из нашего дома на Петровский остров.

Доктора, заменявшего шофера, мы просили при отъезде из нашего дома ехать возможно скорее и постараться запутать следы.

Остались на Мойке только Пуришкевич и я. Мы прошли с ним в мой кабинет и там, ожидая возвращения уехавших,

беседовали и мечтали о будущем Родины, теперь избавленной навсегда от ее злого гения.

Мы верили, что Россия спасена и что с исчезновением Распутина для нее открывается новая эра, верили, что мы всюду найдем поддержку и что люди, близко стоящие к власти, освободившись от этого проходимца, дружно объединятся и будут энергично работать.

Могли ли мы тогда предполагать, что те лица, которым смерть Распутина развязывала руки, с таким преступным легкомыслием отнесутся и к совершившемуся факту, и к своим обязанностям?

Нам в голову не приходило, что жажда почета, власти, искание личных выгод, наконец, просто трусость и подлое угодничество у большинства возьмут перевес над чувствами долга и любви к Родине.

После смерти Распутина сколько возможностей открывалось для всех влиятельных и власть имущих... Однако никто из них не захотел или не сумел воспользоваться благоприятным моментом.

Я не буду называть имен этих людей; когда-нибудь история даст должную оценку их отношению к России.

Но в эту ночь, полную волнений и самых жутких переживаний, исполнив наш тягостный долг перед царем и Родиной, мы были далеки от мрачных предположений.

Вдруг среди разговора я почувствовал смутную тревогу и непреодолимое желание сойти вниз, в столовую, где лежало тело Распутина.

Я встал, вышел на лестницу, спустился до запертой двери и открыл ее.

У стола, на полу, на том месте, где мы его оставили, лежал убитый Распутин.

Тело его было неподвижно, но, прикоснувшись к нему, я убедился, что оно еще теплое.

Тогда наклонившись над ним, я стал нащупывать пульс, биения его не чувствовалось: несомненно, Распутин был мертв.

Из раны мелкими каплями сочилась кровь, падая на гранитные плиты.

Не зная сам зачем, я вдруг схватил его за обе руки и сильно встряхнул. Тело поднялось, покачнулось в сторону и упало на прежнее место; голова висела на боку.

Постояв над ним еще некоторое время, я уже хотел уходить, как вдруг мое внимание было привлечено легким дро-

жанием века на левом глазу Распутина. Тогда я снова к нему приблизился и начал пристально всматриваться в его лицо: оно конвульсивно вздрагивало, все сильнее и сильнее. Вдруг его левый глаз начал приоткрываться... Спустя мгновение, правое веко, также задрожав, в свою очередь приподнялось, и... оба глаза, оба глаза Распутина, какие-то зеленые, змеиные, с выражением дьявольской злобы впились в меня...

Я застыл в немом ужасе. Все мускулы моего тела окаменели. Я хотел бежать, звать на помощь, но ноги мои не двигались, голос не повиновался...

Как в кошмаре, стоял я прикованный к каменному полу...

И тут случилось невероятное.

Неистовым резким движением Распутин вскочил на ноги; изо рта его шла пена. Он был ужасен. Комната огласилась диким ревом, и я увидел, как мелькнули в воздухе сведенные судорогой пальцы... Вот они, точно раскаленное железо, впились в мое плечо и старались схватить меня за горло. Глаза его скосились и совсем выходили из орбит.

Оживший Распутин хриплым шепотом непристанно повторял мое имя.

Обуявший меня ужас был не сравним ни с чем.

Я пытался вырваться, но железные тиски держали меня с невероятной силой. Началась кошмарная борьба.

В этом умирающем, отравленном и простреленном трупе, поднятом темными силами для отмщения своей гибели, было что-то до того страшное, чудовищное, что я до сих пор вспоминаю об этой минуте с непередаваемым ужасом.

Я тогда еще яснее понял и глубже почувствовал, что такое был Распутин: казалось, сам дьявол, воплотившийся в этого мужика, был передо мной и держал меня своими цепкими пальцами, чтобы никогда уже не выпустить.

Но я рванулся последним невероятным усилием и освободился.

Распутин, хрипя, повалился на спину, держа в руке мой погон, оборванный им в борьбе. Я взглянул на него: он лежал неподвижно, весь скрючившись.

Но вот он снова зашевелился.

Я бросился наверх, зовя на помощь Пуришкевича, находившегося в это время в моем кабинете.

— Скорее, скорее револьвер! Стреляйте, он жив!.. — кричал я.

Я сам был безоружен, потому что отдал револьвер великому князю. С Пуришкевичем, выбежавшим на мой отчаянный зов, я столкнулся на лестнице у дверей кабинета. Он был поражен известием о том, что Распутин жив, и начал поспешно доставать свой револьвер, уже спрятанный в кобуру. В это время я услышал за собой шум. Поняв, что это Распутин, я в одно мгновение очутился у себя в кабинете; здесь на письменном столе я оставил резиновую палку, которую "на всякий случай" мне дал Маклаков. Схватив ее, я побежал вниз.

Распутин, на четвереньках, быстро поднимался из нижнего помещения по ступенькам лестницы, рыча и хрипя, как раненый зверь.

Весь как-то съежившись, он сделал последний прыжок и достиг потайной двери, выходившей на двор. Зная, что дверь заперта на ключ и ключ увезен уехавшими менять автомобиль, я встал на верхнюю площадку лестницы, крепко сжимая в руке резиновую палку.

Но каково же было мое удивление и мой ужас, когда дверь распахнулась и Распутин исчез за ней в темноте!..

Пуришкевич бросился вслед за ним. Один за другим раздались два выстрела и громким эхом разнеслись по двору.

Я был вне себя при мысли, что он может уйти от нас. Выскочив на лестницу, я побежал вдоль набережной Мойки, надеясь, в случае промаха Пуришкевича, задержать Распутина у ворот.

Всех ворот во дворе было трое, и лишь средние не были заперты. Через решетку, замыкавшую двор, я увидел, что именно к этим незапертым воротам и влекло Распутина его звериное чутье.

Раздался третий выстрел, за ним четвертый...

Я увидел, как Распутин покачнулся и упал у снежного сугроба.

Пуришкевич подбежал к нему. Постояв около него несколько секунд и, видимо, решив, что на этот раз он убит наверняка, быстрыми шагами направился обратно к дому. Я его окликнул, но он не услыхал меня.

Осмотревшись вокруг, убедившись, что все улицы пустынны и выстрелы никого еще не встревожили, я вошел во двор и направился к сугробу, за которым упал Распутин.

Он уже не проявлял никаких признаков жизни. На его левом виске зияла большая рана, которую, как я впоследствии узнал, нанес ему Пуришкевич каблуком.

Между тем в это время с двух сторон ко мне шли люди: от ворот, как раз к тому месту, где находился труп, направлялся городовой, а из дома бежали двое из моих служащих. Все трое были встревожены выстрелами.

Городового я задержал на пути. Разговаривая с ним, я нарочно повернулся лицом к сугробу так, чтобы городовой был вынужден стать спиной к тому месту, где лежал Распутин.

— Ваше сиятельство, — начал он, узнав меня, — тут были выстрелы слышны; не случилось ли чего?

— Нет, ничего серьезного, глупая история: у меня сегодня была вечеринка и кто-то из моих товарищей, выпив лишнее, стал стрелять и напрасно потревожил людей.

— Если кто-нибудь тебя станет спрашивать, что здесь произошло, скажи, что все обстоит благополучно.

Разговаривая с городовым, я довел его до ворот и затем вернулся к тому месту, где лежал труп. Около него стояли мои служащие. Пуришкевич поручил им перенести тело в дом. Я подошел ближе к сугробу.

Распутин лежал, весь скрючившись, и уже в другом положении.

— Боже мой, он все еще жив! — подумал я.

На меня снова напал ужас при мысли, что он опять вскочит и начнет меня душить; я быстро направился к дому. Войдя в свой кабинет, я окликнул Пуришкевича, но его там не оказалось. Ужасный, кошмарный шепот Распутина, звавшего меня по имени, все время звучал в моих ушах. Мне было не по себе. Я прошел в мою уборную, чтобы выпить воды. В это время вбежал Пуришкевич.

— Вот вы где, а я всюду вас ищу! — воскликнул он.

В глазах у меня темнело, мне казалось, что я сейчас упаду.

Пуришкевич, поддерживая меня под руку, повел в кабинет. Но не успели мы в него войти, как пришел камердинер и доложил, что меня хочет видеть все тот же городовой, который на этот раз вошел через главный подъезд, минуя двор.

Оказалось, что выстрелы были услышаны в участке, откуда у городового потребовали объяснений по телефону. Первоначальными его показаниями местные полицейские власти не удовлетворились и настаивали на сообщении всех подробностей.

Пуришкевич, увидав вошедшего в это время городового,

быстро подошел к нему и начал говорить повышенным голосом:

— Ты слышал про Распутина? Это тот самый, который губил нашу Родину, нашего царя, твоих братьев-солдат... Он немцам нас продавал... Слышал?

Городовой стоял с удивленным лицом, не понимая, чего от него хотят, и молчал.

— А знаешь ли ты, кто с тобой говорит? — не унимался Пуришкевич. — Я — член Государственной думы Владимир Митрофанович Пуришкевич. Выстрелы, которые ты слыхал, убили этого самого Распутина, и, если ты любишь твою Родину и твоего царя, ты должен молчать...

Я с ужасом слушал этот разговор. Остановить его и вмешаться было совершенно невозможно. Все случилось слишком быстро и неожиданно, какой-то нервный подъем всецело овладел Пуришкевичем, и он, очевидно, сам не сознавал того, что говорил.

— Хорошее дело совершили. Я буду молчать; а вот коли к присяге поведут, тут, делать нечего, скажу все, что знаю; грех утаить, — проговорил наконец городовой.

Он вышел. По выражению его лица было заметно, что то, что он сейчас узнал, глубоко запало в его душу.

Пуришкевич выбежал за ним.

Когда они ушли, мой камердинер доложил, что труп Распутина перенесен со двора и положен на нижней площадке винтовой лестницы. Я чувствовал себя очень плохо; голова кружилась, я едва мог двигаться; но все же, хотя и с трудом, встал, машинально взял со стола резиновую палку и направился к выходу из кабинета.

Сойдя по лестнице, я увидел Распутина, лежавшего на нижней площадке.

Из многочисленных ран его обильно лилась кровь. Верхняя люстра бросала свет на его голову, и было до мельчайших подробностей видно его изуродованное ударами и кровоподтеками лицо.

Тяжелое и отталкивающее впечатление производило это кровавое зрелище.

Мне хотелось закрыть глаза, хотелось убежать куда-нибудь далеко, чтобы, хотя на мгновение, забыть ужасную действительность, и вместе с тем меня непреодолимо влекло к этому окровавленному трупу, влекло так настойчиво, что я уже не в силах был бороться с собой.

Голова моя разрывалась на части, мысли путались; злоба

и ярость душили меня. Какое-то необъяснимое состояние овладело мною.

Я ринулся на труп и начал избивать его резиновой палкой... В бешенстве и остервенении я бил куда попало...

Все божеские и человеческие законы в эту минуту были попраны.

Пуришкевич говорил мне потом, что зрелище это было на столько кошмарное, что он никогда его не забудет.

Тщетно пытались остановить меня. Когда это наконец удалось, я потерял сознание.

В это время великий князь Дмитрий Павлович, поручик Сухотин и доктор Лазоверт приехали в закрытом автомобиле за телом Распутина.

Узнав от Пуришкевича обо всем случившемся, они решили меня не беспокоить.

Завернув труп в сукно, они положили его на автомобиль и уехали на Петровский остров. Там с моста тело Распутина было сброшено в воду.

XV

Я проснулся после глубокого сна в таком состоянии, точно очнулся от тяжелой болезни или после сильнейшей грозы вышел на свежий воздух и дышал всей грудью среди успокоенной и обновленной природы.

Сила жизни и ясность сознания вновь вернулись ко мне.

Вместе с моим камердинером мы уничтожили все следы крови, которые могли выдать происшедшее событие.

Когда в доме все было вычищено и прибрано, я вышел во двор принимать дальнейшие меры предосторожности.

Надо было какой-нибудь причиной объяснить выстрел, и я решил пожертвовать одной из дворовых собак. План был простой: сказать, что гости, уезжая от меня, увидели на дворе собаку и один из них, будучи навеселе, застрелил ее.

Мой камердинер, взяв револьвер, пошел во внутренний двор, где была привязана собака, завел ее в сарай и застрелил. Труп ее мы протащили по двору, по тому самому месту, где полз Распутин, для того чтобы затруднить анализ крови, а затем бросили его за снежный сугроб, где еще так недавно лежал убитый “старец“. Чтобы сделать невозможными поиски полицейских собак, мы налили

камфоры на кровяные пятна, видневшиеся в снегу.

Когда внешняя сторона скрытия следов убийства была закончена, я призвал всех случайных свидетелей события и объяснил им смысл происшедшего. Они молча меня слушали, и по выражению их лиц видно было, что все решили непоколебимо хранить тайну.

Уже светало, когда я вышел из дому и отправился во дворец великого князя Александра Михайловича.

Все та же мысль, что сделан первый шаг для спасения России, наполняла меня бодростью и светлой верой в будущее.

Войдя в свою комнату во дворце, я застал в ней брата моей жены, князя Федора Александровича, не спавшего всю ночь в ожидании моего возвращения.

— Слава Богу, наконец, ты... Ну, что?

— Распутин убит, но я не могу сейчас ничего рассказывать, я слишком устал, — ответил я.

Предвидя на завтра целый ряд осложнений и неприятностей и сознавая, что мне необходимо набраться новых сил, я лег и заснул крепким сном.

XVI

Я проспал до десяти.

Едва я открыл глаза, как мне пришли сказать, что меня желает видеть полицмейстер Казанской части, генерал Григорьев, по очень важному делу.

Наскоро одевшись, я вышел в кабинет, где меня ожидал генерал Григорьев.

— Ваше посещение, вероятно, связано с выстрелами во дворе нашего дома? — спросил я.

— Да, я приехал, чтобы лично узнать все подробности дела. У вас не был в гостях вчера вечером Распутин?

— Распутин? Он у меня никогда не бывает, — ответил я.

— Дело в том, что выстрелы, услышанные в вашем дворе, связывают с исчезновением этого человека, и градоначальник мне приказал в кратчайший срок узнать, что произошло у вас этой ночью.

Соединение выстрелов на Мойке с исчезновением Распутина обещало большие осложнения. Прежде чем дать тот

или иной ответ на поставленный мне вопрос, я должен был все взвесить, сообразить и внимательно обдумать каждое слово.

— Откуда у вас эти сведения? — спросил я.

Генерал Григорьев рассказал мне, как к нему, рано утром, явился пристав в сопровождении городового, дежурившего около нашего дома, и заявил, что ночью, в три часа, раздалось несколько выстрелов, после чего городовой прошел по своему району, но везде было тихо, безлюдно, и дежурные дворники спали у ворот. Вдруг его кто-то окликнул и сказал: "Иди скорей, тебя князь требует". Городовой пришел на зов. Его провели в кабинет. Там он увидел меня и еще какого-то господина, который подбежал к нему и спросил: "Ты меня знаешь?" "Никак нет", — отвечал городовой. "О Пуришкевиче слышал?" — "Так точно". — "Если ты любишь царя и Родину, поклянись, что никому не скажешь: Распутин убит". После этого городового отпустили, и он вернулся сначала на свой пост, но потом испугался и решил о случившемся доложить по начальству.

Я слушал внимательно, стараясь выразить на своем лице полное удивление. Я был связан клятвенным обещанием с участниками заговора не выдавать нашей тайны, так как мы в то время все еще надеялись, что нам удастся скрыть следы убийства. Ввиду остроты политического момента, Распутин должен был исчезнуть бесследно. Когда же генерал Григорьев кончил свой рассказ, я воскликнул:

— Это прямо невероятная история! И как глупо, что из-за этого городового, не понявшего того, что ему было сказано, может теперь выйти большая неприятность... Я вам сейчас подробно расскажу все, как было.

Ко мне вчера вечером приехали ужинать несколько друзей и знакомых. В числе их были: великий князь Дмитрий Павлович, Пуришкевич, несколько офицеров. В этот вечер было выпито много вина, и все были очень веселы.

Когда гости стали разъезжаться, я вдруг услышал на дворе два выстрела один за другим, а, затем, выйдя на подъезд, я увидел одну из наших дворовых собак, лежащую убитой на снегу. Один из моих друзей, будучи навеселе, уезжая, выстрелил из револьвера и случайно попал в нее. Боясь, что выстрелы привлекут внимание полиции, я послал за городовым, чтобы объяснить ему их причину. К этому времени уже почти все гости разъехались, остался только один Пуришкевич. Когда вошел ко мне городовой, то

Пуришкевич подбежал к нему и начал что-то быстро говорить. Я заметил, что городовой смутился. О чем у них шел разговор — я не знаю, но из ваших слов мне ясно, что Пуришкевич, будучи тоже сильно навеселе и рассказывая об убитой собаке, сравнил ее с Распутиным и пожалел, что убит не "старец", а собака. Городовой, очевидно, не понял его. Только таким образом я могу объяснить это недоразумение. Очень надеюсь, что все скоро выяснится и, если правда, что Распутин исчез, то его исчезновение не будут связывать с выстрелом на нашем дворе.

— Да, теперь причина для меня совершенно ясна. А скажите, князь, кто у вас еще был, кроме великого князя Дмитрия Павловича и Пуришкевича?

— На этот вопрос не могу вам ответить. Дело, само по себе пустяшное, может принять серьезный оборот, а мои друзья — все люди семейные, на службе и могут невинно пострадать.

— Я вам очень благодарен, князь, за сведения, — сказал генерал. — Сейчас поеду к градоначальнику и сообщу ему то, что от вас слышал. Все, вами сказанное, проливает свет на случившееся и вполне обеспечивает вас от каких-либо неприятностей.

Я попросил генерала Григорьева передать градоначальнику, что хотел бы его видеть и чтобы он сообщил мне, в котором часу он может меня принять.

Как только полицмейстер уехал, меня позвали к телефону; звонила М. Г.

— Что вы сделали с Григорием Ефимовичем? — спросила она.

— С Григорием Ефимовичем? Что за странный вопрос?

— Как? Он у вас вчера не был?.. — уже с испугом проговорила М. Г. — Так где же он? Ради Бога, приезжайте скорее, я в ужасном состоянии...

Предстоящая беседа с М. Г. была для меня невыразимо тяжелой: что я ей скажу, ей, которая относилась ко мне с такой неподдельной дружбой, с таким доверием, и не сомневалась ни в одном мною сказанном слове? Как я ей посмотрю в глаза, когда она спросит у меня: "Что вы сделали с Григорием Ефимовичем?"

Но ехать к ней было нужно, и через полчаса я входил в гостиную семьи Г.

В доме чувствовался переполох; лица у всех были взволнованные и заплаканные, а М. Г. была просто неузнаваема.

Она кинулась ко мне навстречу и, голосом, полным невыразимой тревоги, проговорила:

— Скажите мне, ради Бога, скажите, где Григорий Ефимович? Что вы с ним сделали? Говорят, что он убит у вас, и именно вас называют его убийцей?

Я постарался ее успокоить и рассказал подробно уже сложившуюся в моей голове историю.

— Ах, как все это ужасно! А императрица и Аня* уверены, что он убит этой ночью и что это сделано у вас и вами.

— Позвоните сейчас в Царское и попросите императрицу принять меня — я ей все объясню. Сделайте это поскорее, — настаивал я.

М. Г., согласно моему желанию, позвонила по телефону в Царское, откуда ей ответили, что императрица меня ждет.

Я уже собирался уходить, чтобы ехать к государыне, но в это время подошла ко мне М. Г., на лице которой, помимо тревоги, вызванной исчезновением Распутина, мелькало теперь новое мучительное беспокойство.

— Не ездите в Царское, не ездите, — обратилась она ко мне, умоляющим голосом. — Я уверена, что с вами что-нибудь случится. Они вам не поверят, что вы не причастны. Там все в ужасном состоянии... На меня очень рассержены, говорят, что я предательница. И зачем только я вас послушала — не надо было мне туда звонить, это ужасная ошибка! Ах, что я сделала!

Во всем обращении со мной М. Г., в ее волнении за меня чувствовалась такая глубокая дружеская привязанность, что мне стоило огромных усилий тут же не сознаться ей во всем. Как мучительно было для меня в эту минуту обманывать ее, такую добрую и доверчивую.

Она близко подошла ко мне и, робко взгянув на меня своими добрыми и чистыми глазами, перекрестила.

— Храни вас Господь. Я буду молиться за вас, — тихо проговорила она.

Я уже собирался уходить, как вдруг раздался звонок: это был телефон из Царского Села от Вырубовой, которая сообщила, что императрица заболела, не может меня принять и просит письменно изложить ей все, что мне было известно относительно исчезновения Распутина.

— Я рада, что вы туда не поедете! — воскликнула М. Г.

---

* Вырубова.

Простившись с ней, я вышел на улицу и, пройдя несколько шагов, встретил одного моего товарища по корпусу. Увидя меня, он подбежал взволнованный:

— Феликс, ты знаешь новость? Распутин убит!

— Не может быть? А кто его убил?

— Говорят, у цыган, но кто — пока еще не установлено.

— Слава Богу, если только это правда... — сказал я.

Он поехал дальше, очень довольный, что первый сообщил мне сенсационную новость, а я отправился обратно во дворец за ответом от градоначальника.

Ответ этот уже был получен: генерал Балк меня ждал.

Когда я приехал к нему, то я заметил в градоначальстве большую суету. Генерал сидел в своем кабинете за письменным столом. Вид у него был озабоченный.

Я сказал ему, что приехал специально для выяснения недоразумения, вызванного словами Пуришкевича. Недоразумение это я желал выяснить возможно скорее, потому что в тот же день вечером я собирался ехать в отпуск в Крым, где меня ожидала моя семья, и мне бы не хотелось, чтобы меня задержали в Петербурге допросами и всякими формальностями.

Градоначальник ответил, что мои показания, данные генералу Григорьеву, вполне удовлетворительны и затруднений с моим отъездом никаких не предвидится, но он должен меня предупредить, что получил приказание от императрицы Александры Федоровны произвести обыск в нашем доме на Мойке, в виду подозрительных ночных выстрелов и толков о моей причастности к исчезновению Распутина.

— Моя жена — племянница государя, — сказал я, — лица же императорской фамилии и их жилища неприкосновенны, и всякие меры против них могут быть приняты только по приказанию самого государя императора.

Градоначалник должен был со мною согласиться и тут же по телефону отдал распоряжение об отмене обыска.

Точно тяжелое бремя скатилось с моих плеч. Я боялся, что ночью, при уборке комнат, мы многого могли не заметить, поэтому во что бы то ни стало не надо было допускать обыска до тех пор, пока вторичным осмотром и самой тщательной чисткой не будут уничтожены все следы случившегося.

Довольный, что мне удалось устранить обыск, я простился с генералом Балком и возвратился на Мойку.

Мои опасения оправдались. Обходя столовую и лестницу, я заметил, что при дневном освещении на полу и на коврах виднеются коричневые пятна. Я позвал своего камердинера, и мы снова произвели чистку всего помещения. Работа у нас шла быстро, и в скором времени в доме все было закончено.

Только во дворе, около подъезда, заметны были большие пятна крови. Счистить их было невозможно, кровь глубоко впиталась в каменные плиты. Появление этих пятен можно было объяснить только трупом собаки, которую протащили по ступеням подъезда.

"Ну, а если обыск все-таки будет сделан, — подумал я, — и кровь взята на исследование? Тогда дело может принят серьезный оборот". Необходимо было как-нибудь скрыть следы. Для этого мы решили забросать ступени густым слоем снега, предварительно замазав кровяные пятна масляной краской под цвет камня.

Теперь, казалось, главное было сделано, и следственные власти направлены по ложному пути.

Был уже второй час дня. Я поехал завтракать к великому князю Дмитрию Павловичу. В общих чертах он мне рассказал, как они увозили труп Распутина.

Вернувшись с закрытым автомобилем на Мойку и найдя меня в невменяемом состоянии, великий князь сначала хотел остаться со мной и привести меня в чувство. Но медлить было нельзя — близился рассвет. Тело Распутина, плотно завернутое в сукно и туго перевязанное веревкой, положили в автомобиль. Великий князь сел за шофера, рядом с ним Сухотин, а внутри разместились Пуришкевич, доктор Лазоверт и мой камердинер. Доехав до Петропавловского моста, автомобиль остановился. Вдали виднелась будка часового. Боясь, что шум мотора и яркий свет фонарей его разбудят, великий князь совсем остановил машину и погасил огни.

Среди приехавших царила полная растерянность. Все суетились и нервничали. Сбрасывая труп в прорубь, они даже забыли привесить к нему гири и, уже окончательно потеряв голову, вместе с трупом сбросили почему-то шубу и калоши Распутина*. Извлечь их из проруби обратно не было никакой возможности, потому что надо было торопиться и не

* Одежду Распутина не успели увезти и сжечь целиком, как предполагалось первоначально.

быть застигнутыми врасплох. На беду испортился мотор, но великий князь быстро его починил, завел машину и, повернув автомобиль около самой будки, в которой часовой продолжал спать, поехал домой.

В заключении своего рассказа великий князь высказал предположение, что труп, по всей вероятности, течением реки уже унесен в море.

Я со своей стороны рассказал всем мои утренние похождения и разговоры.

После завтрака зашел поручик Сухотин. Мы его просили съездить, отыскать Пуришкевича и привезти его во дворец, так как в этот день, вечером, он должен был со своим санитарным поездом уехать на фронт, я уезжал в Крым, а великий князь на следующий день отправлялся в Ставку.

Необходимо было всем нам собраться, чтобы сговориться, как поступать в случае задержки, ареста или допроса кого-нибудь из нас.

Времени у меня было очень мало, и я решил, не теряя ни минуты, согласно желанию императрицы, написать ей. Когда письмо было готово, я его прочитал великому князю; он его одобрил.

Я не привожу содержание этого письма, чтобы не повторять объяснений, данных мною генералу Григорьеву. Оно было очень сжато и носило характер докладной записки. Великий князь тоже захотел написать императрице, но ему помешал приезд Пуришкевича и Сухотина.

На общем совещании мы решили всем говорить только то, что было уже сказано генералу Григорьеву, повторено М. Г., градоначальнику и императрице в моем к ней письме. Что бы ни случилось, какие бы новые улики ни были найдены против нас, мы не должны были менять своих показаний.

Итак, нами был сделан первый шаг. Открыт был путь тем людям, которые были в курсе всего случившегося и могли продолжать начатое нами дело борьбы против распутинства. Мы же должны были временно отойти в сторону.

На этом решении мы расстались.

XVII

От великого князя я отправился к себе на Мойку узнать, нет ли там чего-нибудь нового. Когда я туда приехал, мне сказали, что днем были допрошены все мои люди. Результат допроса мне был не известен, но из рассказов моих служащих можно было вывести о нем скорее благоприятное впечатление.

Мне этот допрос не понравился. Боясь быть задержанным разными формальностями и опоздать на праздники к моим родным, я решил поехать к министру юстиции Макарову[30], чтобы выяснить, в каком положении находится дело.

В министерстве, как и в градоначальстве, царило большое волнение. У министра сидел прокурор, с которым я столкнулся в дверях, входя в кабинет министра, причем прокурор посмотрел на меня с нескрываемым любопытством.

Министра юстиции я видел впервые, и он сразу мне понравился. Это был худощавый старик с седыми волосами и бородой, с приятным лицом и мягким голосом.

Я ему объяснил причину моего приезда и по его просьбе повторил опять с самого начала и со всеми подробностями заученную историю. Когда я в моем рассказе коснулся разговора Пуришкевича с городовым, Макаров меня остановил:

— Я Владимира Митрофановича хорошо знаю и знаю также, что он никогда не пьет. Если не ошибаюсь, он даже член Общества трезвости.

— Могу уверить вас, — ответил я, — что на этот раз Владимир Митрофанович изменил себе и своему обществу, если он в таковом состоит членом, как вы говорите. Ему было трудно отказаться от вина, так как я справлял новоселье, и мы все уговорили его выпить с нами, а с непривычки несколько рюмок сильно на него подействовали.

Закончив мои объяснения, я спросил министра, обеспечены ли мои служащие от дальнейших допросов и каких-либо неприятностей, так как они все волнуются за свою судьбу в виду моего отъезда сегодня вечером в Крым.

Он меня успокоил, сказав, что, по всей вероятности, полицейские власти ограничатся сделанным уже допросом. Со своей стороны он обещал не допускать в нашем доме каких-либо обысков и не придавать значения городским слухам и сплетням.

Прощаясь со мной, министр на мой вопрос, могу ли я

покинуть Петербург, ответил утвердительно. Провожая меня, он еще раз выразил сожаление, что из-за такого недоразумения у меня столько хлопот и неприятностей.

Из Министерства юстиции я отправился к моему дяде, председателю Государственной думы Родзянко[31]. Он и его жена знали о нашем решении покончить с Распутиным и ждали с нетерпением услышать подробности. Войдя к ним в гостиную, я увидел, что они оба взволнованы и о чем-то громко спорят. Моя тетка подошла ко мне со слезами на глазах, обняла и благословила, а Михаил Владимирович своим громовым голосом обратился ко мне со словами одобрения.

В эту минуту я особенно оценил их искренность и сердечность. Вдали от своих, совершенно одинокий, я переживал очень тяжелые минуты, и такое чисто отеческое отношение ко мне подбодрило и успокоило меня. Долго у них я оставаться не мог, так как мой поезд уходил в девять часов вечера, а у меня еще ничего не было уложено. В коротких словах сообщив им об обстоятельствах убийства, я с ними распрощался.

— Теперь мы отойдем в сторону и предоставим действовать другим, — сказал я, уходя. — Дай Бог, чтобы общими усилиями можно было воздействовать на государя и дать ему возможность увидеть всю правду, пока еще не поздно. Более благоприятный момент для этого трудно себе представить.

— Я уверен, что убийство Распутина будет понято как патриотический акт, — ответил Родзянко, — и что все, как один человек, объединятся и спасут погибающую Родину.

От Родзянко я отправился во дворец великого князя Александра Михайловича.

Войдя в переднюю, я услышал от швейцара, что дама, которой я будто бы назначил прийти ко мне в семь часов вечера, уже ждет меня в кабинете.

Никакой дамы я не ждал к себе. Нечаянный визит этот показался мне очень странным, и я попросил швейцара в общих чертах описать мне ее внешность. Я узнал, что она одета во все черное, причем лица ее почти нельзя разглядеть, так как оно скрыто под густой вуалью.

Предчувствуя что-то недоброе, я решил пройти в спальню, минуя кабинет, и оттуда посмотреть на таинственную посетительницу.

Каково же было мое удивление, когда я, заглянув через

приоткрытую слегка дверь в кабинет, узнал в ожидавшей меня даме одну из ярых поклонниц Распутина.

Я позвал швейцара и отдал распоряжение передать непрошенной гостье, что я вернусь домой лишь очень поздно вечером. Затем, быстро уложив свои веши, я пошел обедать.

На лестнице, подымаясь в столовую, я встретил моего товарища, английского офицера Освальда Рейнера. Он знал обо всем и очень за меня волновался. Я его успокоил, сказав, что все пока обстоит благополучно.

За обедом присутствовали три старших брата моей жены, которые тоже ехали в Крым, их воспитатель англичанин Стюарт, фрейлина великой княгини Ксении Александровны С. Д. Евреинова, Рейнер и еще несколько человек*.

Все были потрясены таинственным исчезновением Распутина и передавали самые невероятные слухи, которые ходили по городу. Некоторые не верили в гибель "старца", уверяя, что он жив и все случившееся только выдумка. Другие, ссылаясь на "достоверные источники" и чуть ли не на свидетелей-очевидцев, рассказывали, что "старец" убит во время кутежа у цыган. Были и такие, которые во всеуслышание заявляли, что убийство Распутина произошло у нас в доме на Мойке, и я — один из его участников. Менее доверчивые думали, что едва ли я сам принимал личное участие в убийстве, но во всяком случае считали меня осведомленным во всех его подробностях и приставали ко мне с расспросами. На меня устремлялись испытующие взоры, в надежде что-нибудь прочесть на моем лице. Но я был спокоен, вместе со всеми радовался событию, благодаря чему подозрения по моему адресу у присутствующих постепенно рассеялись.

Телефон в это время звонил без конца, так как в городе упорно связывали исчезновение Распутина с моим именем. Звонили родные, знакомые, члены Государственной думы, звонили представители и директора разных предприятий и заводов, заявляя, что их рабочие постановили установить мне охрану.

Я всем отвечал, что слухи относительно моего участия в убийстве Распутина ложны и что я совершенно не причастен к этому делу.

---

* Кроме князя Федора Александровича и Рейнера, никто из присутствующих за обедом не был посвящен в наш заговор.

До отхода поезда оставалось всего полчаса. Простившись с присутствующими, мы отправились на вокзал. Со мной в автомобиль сели братья моей жены князья Андрей, Федор и Никита; Стюарт и Рейнер. Подъезжая к вокзалу, я заметил, что на лестнице собралось большое количество дворцовой полиции. Меня это удивило: "Не отдан ли приказ о моем аресте?" — подумал я. Мы вышли из автомобиля и поднялись по лестнице. Когда я поравнялся с жандармским полковником, он подошел ко мне и, очень волнуясь, что-то невнятно проговорил.

— Нельзя ли погромче, господин полковник, — сказал я, — а то я ничего не слышу.

Он немного поправился и громко произнес:

— По приказанию ее величества выезд из Петербурга вам запрещен. Вы должны вернуться во дворец великого князя Александра Михайловича и оставаться там впредь до особых распоряжений.

— Очень жаль; меня это совсем не устраивает, — ответил я и, обернувшись к своим спутникам, повторил им высочайшее повеление.

Для них мой арест был полной неожиданностью. Князья Андрей и Федор решили, что они не поедут в Крым и останутся со мной, а князь Никита отправится со своим воспитателем.

Мы пошли провожать наших отъезжающих. Полиция последовала за нами, как будто боялась, что я сяду в поезд и уеду.

Картина нашего шествия по вокзалу была, по-видимому, незаурядная, так как публика останавливалась и с любопытством нас разглядывала.

Я вошел в вагон поговорить с князем Никитой. Полицейские снова заволновались. Я их успокоил, сказав, что никуда от них не скроюсь, а лишь хочу проститься с уезжающими.

Поезд тронулся, и мы пошли обратно к автомобилю.

"Странно чувствовать себя арестованным, — думал я возвращаясь домой, — что со мной будет?"

Дома были очень удивлены нашему возвращению и недоумевали: что бы все это могло означать?

Я чрезвычайно устал за день и, очутившись в своей комнате, лег отдохнуть. По моей просьбе со мной остались князь Федор и Рейнер; они оба были взволнованы и опасались за мою судьбу.

Во время нашего разговора вбежал в комнату князь Андрей и объявил о приезде великого князя Николая Михайловича[32].

Это позднее посещение не предвещало мне ничего хорошего. Он, очевидно, приехал, чтобы подробно узнать от меня, в чем дело, и приехал как раз в то время, когда я устал, хотел спать и когда мне было не до разговоров.

Великий князь Николай Михайлович совмещал удивительные противоречия в своем характере. Ученый-историк, человек большого ума и независимой мысли, он в обращении с людьми иногда принимал чрезмерно шутливый тон, страдал излишней разговорчивостью и мог даже проболтаться о том, о чем следовало молчать.

Он не только ненавидел Распутина и сознавал весь его вред для России, но и вообще по своим политическим воззрениям был крайне либеральный человек. В самой резкой форме высказывая критику тогдашнего положения вещей, он даже пострадал за свои суждения и на время был выслан из Петербурга в свое имение в Херсонской губернии, Грушевку.

Едва успели князь Федор и Рейнер закрыть за собой дверь, как вошел в комнату великий князь Николай Михайлович. Он обратился ко мне со словами:

— Ну, рассказывай, что ты натворил?

Я сделал удивленное лицо и спросил его:

— Неужели ты тоже веришь всяким пустым слухам? Ведь это все сплошное недоразумение, в котором я совершенно ни при чем.

— Да, рассказывай это другим, а не мне! Я все знаю, со всеми подробностями, знаю даже имена дам, которые были у тебя на вечере.

Эти последние слова великого князя показали мне, что он ровно ничего не знает и лишь нарочно притворяется осведомленным, чтобы легче меня поймать. Я ему подробно рассказал все ту же историю о вечере и о застреленной собаке.

Великий князь как будто поверил моему рассказу, но на всякий случай, уходя, хитро улыбнулся.

Мне было ясно, что он не в курсе дела и в душе очень сердится и досадует на то, что ничего от меня не узнал.

После отъезда великого князя Николая Михайловича, князья Андрей и Федор и Рейнер снова пришли ко мне. Я им сказал, что завтра утром перееду в Сергиевский дворец

к великому князю Дмитрию Павловичу, чтобы быть вместе с ним до определения нашей участи. Затем я подробно объяснил им, что они должны отвечать в случае допроса. Все трое обещали мне точно следовать моим указаниям и, простившись со мной, ушли.

Долго я не мог уснуть. События предыдущей ночи проносились передо мною, мысли сменяли одна другую...

Наконец голова моя отяжелела, и я заснул.

XVIII

На следующий день, рано утром, я переехал в Сергиевский дворец. Великий князь Дмитрий Павлович, увидев меня, очень удивился, так как был уверен, что я уехал накануне в Крым.

Я сообщил ему о своем аресте и о решении переселиться к нему, ввиду осложнившихся обстоятельств и возможности всяких репрессий в отношении нас обоих. Рассказал я ему также о всех своих встречах и разговорах. Великий князь в свою очередь передал мне во всех подробностях, как он провел свой день накануне и как вечером отправился в Михайловский театр, откуда ему пришлось уехать, так как его предупредили, что публика собирается устроить ему овацию. По возвращении из театра домой, он узнал, что в Царском Селе его упорно считают одним из главных участников убийства Распутина. Тогда он позвонил по телефону императрице Александре Федоровне, прося его принять, но она наотрез отказалась его видеть.

Побеседовав еще немного с великим князем, я прошел в отведенную мне комнату, послал за газетами и стал их рассматривать, ища откликов печати на совершившееся событие. Но в газетах ничего не было, кроме короткого сообщения о том, что "в ночь с 16 на 17 декабря убит старец Григорий Распутин".

Утро прошло спокойно, но около часа дня, во время нашего завтрака, командующий Главной квартирой генерал-адъютант Максимович[33] позвонил по телефону и заявил великому князю, что он по повелению императрицы арестован, и просил его не покидать своего дворца. При этом генерал Максимович обещал вскоре приехать сам для объяснений.

Великий князь после этого разговора вернулся в столовую очень расстроенным.

— Феликс, — сказал он мне, — я арестован по приказанию императрицы Александры Федоровны... Она не имеет на это никакого права; только государь может отдать приказ о моем аресте.

Пока мы обсуждали этот вопрос, приехал генерал Максимович. Его провели в кабинет великого князя. Когда великий князь к нему вышел, генерал встретил его следующими словами:

— Ее величество просит ваше высочество не покидать вашего дворца...

— Что же это, значит, арест?

— Нет, это не арест, но ее величество все-таки настаивает, чтобы вы не покидали вашего дворца.

Великий князь повышенным голосом ответил:

— Я вам заявляю, что вы имеете в виду меня арестовать. Передайте ее величеству, что я подчиняюсь ее приказанию.

Простившись с генералом Максимовичем, великий князь вышел из кабинета.

В течение дня великого князя Дмитрия Павловича по очереди посетили все члены императорского дома, находившиеся в тот момент в Петербурге. Они все были взволнованы арестом великого князя и превышением власти со стороны императрицы Александры Федоровны, которая приказала лишить свободы члена императорской фамилии на основании только одного предположения о его причастности к убийству Распутина.

В этот день великий князь получил телеграмму от великой княгини Елизаветы Федоровны из Москвы, где тоже связывали мое имя с исчезновением Распутина. Зная мои дружеские отношения с великим князем и не подозревая, что и он является одним из участников уничтожения "старца", великая княгиня просила его в своей телеграмме передать мне, что она молится за меня и благословляет мой патриотический поступок.

Эта телеграмма сильно нас скомпрометировала. Протопопов перехватил ее и снял с нее копию, которую послал в Царское Село императрице Александре Федоровне, после чего императрица решила, что и великая княгиня Елизавета Федоровна является тоже участницей заговора.

Телефон у нас звонил непрерывно, причем чаще всех

звонил великий князь Николай Михайлович и сообщал нам самые невероятные сведения.

Он заезжал к нам по нескольку раз в день, делая вид, что все знает, и стараясь поймать нас на каждом слове. Выискивая разные способы узнать всю правду, он притворился нашим сообщником в надежде, что мы по рассеянности как-нибудь проговоримся.

Он не удовлетворялся одними разговорами по телефону и постоянными посещениями нас, но принимал еще самое живое участие в поисках трупа Распутина. Одевшись в доху и подняв воротник так, чтобы его невозможно было узнать, он разъезжал на извозчике по островам в надежде напасть на какой-нибудь след.

В один из приездов к нам он, между прочим, рассказал, что императрица Александра Федоровна определенно считает нас обоих виновниками смерти Распутина и требует нашего немедленного расстрела, но все удерживают императрицу от такого решения; даже сам Протопопов советует обождать приезда государя из Ставки. Государю послана телеграмма, и его ждут со дня на день.

В тот день, когда великий князь Николай Михайлович объявил нам эту новость, М. Г. сообщила мне не менее тревожное известие о том, что на нас обоих готовится покушение, и советовала принять меры предосторожности. Оказалось, что накануне она была невольной свидетельницей того, как на квартире Распутина двадцать человек его самых ярых сторонников поклялись за него отомстить.

Этот день был особенно утомительным и для великого князя, и для меня, и мы были рады, когда все наши посетители уехали.

Было трудно в присутствии посторонних все время держаться настороже, сохранять полное хладнокровие и стараться своим спокойным отношением к событиям и слухам рассеивать подозрения о нашей причастности к убийству Распутина.

Оставшись одни, мы долго разговаривали и обменивались впечатлениями.

Я еще никогда до сих пор не видел великого князя Дмитрия Павловича таким простым и сердечным. Весь ужас пережитого оставил глубокий след в его чуткой душе, и я был счастлив находиться около него в эти тяжелые минуты и разделять с ним его вынужденное одиночество.

XIX

На другой день, 19 декабря, утром, государь приехал из Ставки.

Сопровождавшие его рассказывали, что после получения известия о смерти Распутина он был в таком радостном настроении, в каком его не видали с самого начала войны.

Очевидно, государь сам почувствовал и поверил, что с исчезновением "старца" с него спадут тяжелые оковы, которые его связывали и которых он не имел сил с себя сбросить. Но лишь только он возвратился в Царское Село, как его душевное состояние резко изменилось, и он снова оказался всецело под влиянием окружающих.

В городе по-прежнему носились всевозможные слухи. Ими жили все слои общества сверху донизу, им верили и очень волновались.

Известие о нашем предстоящем расстреле дошло до рабочих больших заводов и вызвало среди них сильное брожение. На своих собраниях они постановили спасти нас и устроить нам негласную охрану.

Хотя мы и были в положении арестованных и, кроме членов императорской фамилии, в Сергиевский дворец никого не пускали, наши друзья и знакомые тем не менее к нам пробирались. Приходили также офицеры разных полков, которые заявляли, что их части, как один человек, станут на нашу защиту. Они находились под сильным впечатлением совершившегося события и предлагали великому князю разные планы решительных действий, на которые он, конечно, не мог согласиться.

В этот день у нас перебывало особенно много народа. Уже с утра начали съезжаться во дворец члены императорского дома.

Помню, как я вошел с великим князем в его кабинет, где застал почти всю императорскую семью, которая меня забросала вопросами. Накануне они были исключительно заняты фактом ареста великого князя и ни о чем другом не говорили; теперь же они хотели узнать подробности исчезновения Распутина, но услышали от меня все тот же рассказ.

Перед обедом приехал великий князь Николай Михайлович и сообщил нам, что труп Распутина найден в проруби Петровского моста.

Вечером снова заехал генерал Максимович и на этот раз

уже от имени государя объявил великому князю, что он арестован.

Ночь мы провели беспокойно. Около трех часов нас разбудили, предупредив о появлении во дворце каких-то подозрительных личностей, пробравшихся по черному ходу. Служащим они объяснили, что посланы охранять дворец, но ввиду того, что у этой "охраны" не оказалось никаких документов, ее выгнали вон, а у всех входов и выходов поставили служащих дворца.

20-го днем, к чаю, опять собрались почти все члены императорского дома.

Они снова обсуждали арест великого князя Дмитрия Павловича, на этот раз уже официально утвержденный приказом государя. Никто из них не мог примириться с фактом ареста члена императорской фамилии. Они рассматривали его как событие государственной важности, заслуживающее наибольшего внимания. Никто не думал о том, что были вопросы более серьезные, что от тех или иных действий государя в эти дни зависит судьба страны, судьба престола и династии, наконец, исход войны, которая не могла закончиться победой без полного единения между верховной властью и народом.

Конец Распутина выдвигал сам собой вопрос и о конце распутинства, о новом курсе всей политики, которая теперь или никогда должна была освободиться от паутины преступных интриг.

После отъезда членов императорского дома, пришел генерал Лайминг, бывший воспитатель великого князя Дмитрия Павловича, который жил во дворце и часто нас навещал. Он нам рассказал подробности извлечения трупа Распутина из реки.

Следствие по делу исчезновения Распутина поручено было вести начальнику Охранного отделения полковнику Глобачеву. Этот последний сообщил прокурору Петроградской судебной палаты о том, что в результате розысков была найдена на Петровском мосту "калоша №11 черного цвета, покрытая пятнами свежей крови". Калоша эта была доставлена на квартиру Распутина, где домашние признали ее принадлежащей убитому. Кроме того, снег, покрывавший мост, весь был исчерчен следами ног и автомобильных шин, причем следы автомобиля близко подходили к самым перилам моста.

Таким образом, по мнению полковника Глобачева, нить

к раскрытию убийства следовало искать не на Мойке, в доме №94, а на противоположном конце города, то есть на Петровском мосту.

После этого доклада начались дальнейшие розыски, и был произведен осмотр Петровского моста. Туда прибыли все высшие представители административного и судебного мира.

Достаточно назвать должности, которые они занимали, чтобы стало ясно, какое значение имел Распутин, какой "государственной катастрофой" являлась в глазах правительства и верховной власти его смерть.

При осмотре моста присутствовали, как гласит отчет по делу об убийстве Распутина, "высшие чины Министерства юстиции с министром во главе, прокурор Петроградской судебной палаты, товарищ прокурора, судебный следователь по особо важным делам и представитель Министерства внутренних дел..."

Все эти важные чины государства с напряженным вниманием и огромным служебным усердием старались разобраться в загадочном для них событии.

Допрашивали постового городового, сторожей расположенной неподалеку пивной, сторожей убежища императорского Театрального общества для престарелых артистов... Допрос этот никаких результатов не дал. Тогда был сделан новый осмотр моста, самый тщательный. Следственные власти на этот раз нашли новое доказательство убийства — обрывки рогожи со следами крови. Затем их внимание было привлечено еще и следующим обстоятельством: в одном месте на перилах моста снег оказался сброшен и получилось впечатление, как будто на этих перилах лежал какой-то предмет. Это еще больше склоняло следователей думать, что убийство Распутина произошло именно здесь, на Петровском мосту, в глухой части города, на самой его окраине, а не в другом месте и, конечно, не на Мойке, которая находится на противоположной стороне Петербурга.

Два основания заставляли следственную власть отстаивать такое предположение.

Во-первых, им казалось, что перевозка трупа должна была бы оставить где-нибудь на улицах следы крови. Между тем весь город был осмотрен, а кровавых пятен нигде не нашли.

Во-вторых, вызывала подозрение находка калоши убитого: было трудно предположить, чтобы труп, перед тем как

его увезти с места преступления, одевали так старательно, что не забыли даже и высокие зимние калоши.

Таким образом, следствие рисовало себе следующую картину: Распутин был убит на самом мосту, его тело некоторое время лежало перекинутым на перилах, а затем с перил было сброшено в прорубь, находившуюся как раз против того места моста, где была найдена запачканная кровью рогожа и где на перилах был сметен снег.

Немедленно были вызваны водолазы; в течение двух с половиной часов производили они обследование речного дна, но трупа найти не удалось.

Водолазы высказали предположение, что течением Невы, особенно быстрым в этом месте, труп мог быть под льдом отнесен далеко от Петровского моста. Сильные морозы заставили на время приостановить поиски водолазов; мост был оцеплен, и у перил поставлена охрана...

Один из городовых речной полиции, прорубая лед, случайно заметил недалеко от полыньи примерзший ко льду рукав бобровой шубы.

О своей находке он немедленно известил начальника речной полиции. Тогда было отдано распоряжение прорубить лед около этого места. Работа была проведена очень энергично, и через пятнадцать минут из воды был извлечен труп Распутина, оказавшийся на дне реки, приблизительно в тридцати саженях от Петровского моста.

Все тело убитого было покрыто таким толстым слоем льда, что под ним трудно было распознать черты его лица.

Когда эту ледяную оболочку осторожно сняли, следственные власти увидели обезображенный труп Распутина: голова убитого в нескольких местах оказалась прошибленной, и волосы на ней кое-где вырваны клочьями (вероятно, при падении с моста тело ударилось головой о ледяной край проруби), борода примерзла к одежде; на лице и на груди виднелись сгустки запекшейся крови; один глаз был подбит...

Руки и ноги Распутина были плотно связаны веревкой, причем кулак правой руки убитого был крепко сжат. Все тело было завернуто в накинутую на плечи бобровую шубу, рукав которой, всплыв кверху и, примерзнув ко льду, указал место нахождения трупа.

Был составлен официальный акт о нахождении тела, которое перенесли в стоявший на берегу деревянный сарай и покрыли рогожей.

В это время к Петровскому мосту прибыли: министр внутренних дел Протопопов, главный начальник Петербургского военного округа, начальник Охранного отделения и другие чины администрации. Прокурорскому надзору поручено было составить подробный протокол наружного осмотра трупа и обстоятельств, при которых он был найден.

Товарищ прокурора Галкин, на которого была возложена эта обязанность, временно даже перенес свою канцелярию в один из частных домов по близости Петровского моста.

В одиннадцать часов утра в сопровождении высших чинов следственные власти отправились в сарай и приступили к тщательному осмотру трупа.

Убитого раздели. На теле его обнаружены были две раны, нанесенные огнестрельным оружием: одна в области груди, около сердца, другая на шее. Врачи признали обе раны смертельными.

Прислуга убитого, вызванная к месту, где лежал труп, опознала в нем Григория Распутина, проживавшего на Гороховой улице, в доме №64, и бесследно исчезнувшего в ночь на 17 декабря.

В двенадцать часов к телу Распутина были допущены обе его дочери и жених одной из них, подпоручик Папхадзе. Дочери возбудили ходатайство о перенесении тела к ним на квартиру, но власти не дали на это своего согласия. Весть о том, что тело Распутина найдено, быстро распространилась по городу, и к Петровскому мосту потянулась вереница карет и автомобилей, но власти сделали категорическое распоряжение никого не допускать в сарай, где лежал труп.

Через некоторое время был привезен деревянный гроб, куда положили убитого, но предварительно его дважды сфотографировали: сначала в одежде, потом раздетым.

Веревки, которыми были связаны руки и ноги, бобровая шуба и некоторые вещи были опечатаны и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Гроб с телом перевезли в Чесменскую богадельню для вскрытия.

Еще задолго до прибытия лиц, назначенных производить вскрытие, вся местность возле Чесменской богадельни была оцеплена значительным отрядом конной и пешей полиции.

Вскрытие тела Распутина продолжалось до первого часа ночи и происходило в присутствии целого ряда видных должностных лиц, представителей полиции и чиновника

Министерства внутренних дел. Операцию вскрытия производил один из профессоров судебного кабинета Военно-медицинской академии при участии нескольких полицейских врачей.

Снова в течение двух часов тщательным образом осматривался труп Распутина, причем при этом, вторичном, осмотре, помимо двух огнестрельных ран, на теле обнаружены были сильные кровоподтеки.

При вскрытии в желудке была найдена тягучая масса темно-бурого цвета, но исследовать ее не удалось, так как по приказанию императрицы Александры Федоровны вскрытие было прекращено.

Неизвестно, каковы были другие распоряжения императрицы, но около двух часов ночи генерал Григорьев вызвал в богадельню автомобиль. К этому же времени в покойницкую был доставлен богато отделанный дубовый гроб; тело уложили в него и отправили на прибывшем автомобиле неизвестно куда... Маршрут отправки трупа Распутина никому сообщен не был: его везли агенты Охранного отделения, специально присланные для этого в Чесменскую богадельню.

XX

21 декабря, вечером, в Сергиевском дворце, к нашему удивлению, вдруг появились солдаты. Выяснилось, что это был караул, присланный военными властями по приказанию председателя Совета Министров, который узнал, что приверженцы Распутина готовят на нас покушение.

Почти одновременно с этим караулом попыталась проникнуть к нам “стража“ уже совершенно иного свойства.

К генералу Лаймингу явился агент Охранного отделения, будто бы посланный министром внутренних дел Протопоповым. Он заявил, что министр, получив сведения о том, что жизнь великого князя Дмитрия Павловича подвергается опасности, поручил своим агентам охранять дворец.

Великий князь, узнав об этом, ответил, что в протопоповской охране он не нуждается, и, кстати, попросил генерала Лайминга потребовать у пришедших агентов документы, подтверждающие, что они действительно присланы Протопоповым. Никаких удостоверений у них не оказалось,

и они тотчас же были удалены из дворца, но это не помешало им караулить нас снаружи и следить за всеми, кто к нам приезжал и уезжал от нас.

Не довольствуясь одним внешним наблюдением, поклонники Распутина делали новые попытки пробраться к нам. Во втором этаже дворца, который соединялся с нижним его помещением винтовой лестницей*, был устроен англо-русский лазарет; туда, под видом посещения раненых, стали ходить самые подозрительные типы из распутинской банды. Тогда старшая сестра лазарета, леди Сибель Грей, посоветовала нам закрыть ход на лестницу и приставить к ней часового, что и было исполнено.

Мы очутились как будто в осажденной крепости, откуда лишь издали могли следить за событиями.

Мы читали газеты, слушали рассказы и разговоры тех, кто к нам приезжал.

Каждый приносил свое мнение, свою оценку происходящего. Чаще всего мы наталкивались на боязнь всякой смелой инициативы и на пассивное ожидание завтрашнего дня.

Люди, имевшие возможность действовать, боязливо сторонились, как бы нарочно давая дорогу какой-то слепой силе рока, которая одна должна была решить судьбу России.

Даже те, которые служили Родине и царю во имя долга, понимали этот долг в узких служебных рамках, в пределах своих министерств и департаментов. В своем близоруком и раболепном усердии они не видели и не сознавали всей важности момента, не решались перешагнуть через известные границы своих полномочий. Преданность монарху, даже самая искренняя, выражалась у них прежде всего в желании ему угодить, в нерассуждающем механическом повиновении верховной власти, в боязни компрометировать себя близостью к какой бы то ни было "оппозиции".

Между прочим, характерно было то, что даже те немногие, которые стояли у власти не по выбору Распутина и никакой связи с ним не имели, боялись ехать к нам в Сергиевский дворец.

А межу тем только согласованный образ действий всех, кто по родству и по положению имел возможность влиять на государя, мог привести к каким-нибудь благим результатам.

Если государь, узнав о смерти "старца", в радостном на-

* Великий князь занимал нижний этаж дворца.

строении ехал из Ставки, следовательно, он сознавал весь вред Распутина для России, но он не был в состоянии сохранить то же отношение к убийству Распутина в обстановке Царского Села, где негодование против нас было настолько велико, что подымался вопрос о самом суровом наказании нам, даже о расстреле нас обоих, о чем нам передавали со всех сторон.

При таких условиях могли ли чего-нибудь достигнуть отдельные лица, которые поодиночке высказывали свое мнение государю и отходили в сторону с сознанием исполненного долга?

Убежденный фаталист, твердо уверенный в бесполезности бороться с судьбой, император Николай II под конец своего царствования был измучен не только волнениями и неудачами политического характера, но и всеми теми болезненными явлениями, которыми он был окружен. Это, несомненно, убило в нем всякую возможность активного сопротивления.

Чтобы пробудить в государе его собственную инициативу и поддержать его собственную волю, нужно было противопоставить влияниям близко окружающих какую-то очень внушительную и крепко сорганизованную силу.

Если бы он увидел, что большинство членов императорской фамилии и все честные люди на высших государственных должностях дружно сплотились во имя спасения престола и России, быть может, он не только откликнулся бы на их требования, но был бы им благодарен за нравственную поддержку и за избавление от тех цепей, которыми он был связан.

Но из каких элементов могла сложиться эта крепкая организованная сила?

Где были люди, способные поступиться своими интересами, забыть свои личные рассчеты?

Годы распутинского влияния, основанного на подпольных интригах, заразили своим ядом высшие бюрократические круги, развили у большинства недоверие друг к другу, отравили скептицизмом и подозрительностью самых лучших и честных.

Итак, одни боялись серьезных решений, другие ни во что уже больше не верили, наконец, третьи просто ни о чем не хотели думать...

Когда, проводив своих посетителей, мы с великим князем Дмитрием Павловичем оставались одни, мы припоми-

нали все слышанное за день: разговоры, слухи, факты — и делились своими впечатлениями; выводы получались самые безотрадные...

Одна за другой гасли наши недавние радостные надежды, ради которых мы решились на убийство Распутина и пережили весь кошмар незабываемой ночи с 16 на 17 декабря.

Точно книгу, страницу за страницей, перелистывал я в моей памяти все пережитое: знакомство с Распутиным, медленно созревшее во мне решение его уничтожить, мучительную игру в "дружбу" с этим отвратительным человеком, тяжелый обман, к которому я должен был пребегнуть, и все нечеловеческое напряжение душевных сил, которое мне требовалось, чтобы иметь мужество выдержать до конца принятую на себя роль.

Сколько было во мне и во всех нас чисто юношеской веры в то, что одним ударом можно победить зло!

Нам казалось, что Распутин был лишь болезненным наростом, который нужно было удалить, чтобы вернуть русскую монархию к здоровой жизни, и не хотелось думать, что этот "старец" является злокачественным недугом, пустившим слишком глубокие корни, которые продолжают свое разрушительное дело даже после принятия самых крайних и решительных мер.

Еще печальнее было бы предположить тогда, что появление Распутина не было несчастной случайностью, а стояло в какой-то невидимой внутренней связи с незаметным процессом разложения, который совершался уже в какой-то части русского государственного организма.

Во всяком случае, уже в те дни нашего ареста в Сергиевском дворце, мы поняли и почувствовали, как трудно повернуть колесо истории даже при наличии всех самых искренних стремлений и самой горячей готовности к жертве...

Но мы до последнего момента все еще хотели надеяться на лучшее.

Надеялась и верила в лучшее вся страна.

Грандиозный патриотический подъем захватил Россию; особенно ярко проявлялся он в обеих столицах. Все газеты были переполнены восторженными статьями; совершившееся событие рассматривалось как сокрушение злой силы, губившей Россию, высказывались самые радужные надежды на будущее, и чувствовалось, что в данном случае голос печати был искренним отражением мыслей и переживаний

всей страны. Но такая свобода слова оказалась непродолжительной: на третий день особым распоряжением всей прессе было запрещено хотя бы единым словом упоминать о Распутине. Однако это не помешало общественному мнению высказываться иными путями.

Улицы Петербурга имели праздничный вид; прохожие останавливали друг друга, и счастливые, поздравляли и приветствовали не только знакомых, но иногда и чужих. Некоторые, проходя мимо дворца великого князя Дмитрия Павловича и нашего дома на Мойке, становились на колени и крестились.

По всему городу в церквах служили благодарственные молебны, во всех театрах публика требовала гимна и с энтузиазмом просила его повторения.

В частных домах, в офицерских собраниях, в ресторанах пили за наше здоровье; на заводах рабочие кричали нам "ура".

Несмотря на строгие меры, принятые властями для нашей полной изоляции от внешнего мира, мы тем не менее получали множество писем и обращений самого трогательного содержания. Нам писали с фронта, из разных городов и деревень, с фабрик и заводов; писали различные общественные организации, а также частные лица.

Приходили к нам и угрожающие письма от поклонниц и сторонников Распутина с клятвами отомстить нам за смерть "старца" и даже убить нас.

Великая княгиня Мария Павловна младшая[34], приехавшая из Пскова, где был расположен штаб командующего армиями Северного фронта, передавала нам свои впечатления. Она рассказывала, что в армии смерть Распутина вызвала огромное воодушевление и веру в то, что государь теперь разгонит окружившую его распутинскую клику и приблизит к себе честных и верных ему людей.

Одно слово царя, один его призыв к новой жизни и даже к новым жертвам на пользу Родины — все было бы забыто, все прощено.

В эти дни меня вызвал к себе председатель Совета Министров А. Ф. Трепов[35].

Я много возлагал надежд на свидание с ним, но мне пришлось разочароваться.

Под конвоем меня привезли в автомобиле в Министерство внутренних дел.

Министр вызвал меня по приказанию государя, который

желал во что бы то ни стало узнать, кто именно убил Распутина.

А. Ф. Трепов встретил меня очень любезно, напомнил о своем близком знакомстве с моими родителями и просил меня видеть в нем не официальное лицо, а старого друга моей семьи.

— Вы меня, вероятно, вызывали по приказанию государя императора? — спросил я его.

Он утвердительно кивнул головой.

— Следовательно, все, что я вам скажу, будет передано его величеству?

— Да, разумеется, я своему государю лгать не могу.

— Так неужели после того, что вы мне сказли, вы думаете, что я сознаюсь, если бы, предположим, я даже и убил Распутина? Или, тем более, выдам вам виновных, если бы я их знал?

Передайте его величеству, что лица, уничтожившие Распутина, сделали это только с одной целью — спасти царя и Родину от неминуемой гибели. Но, позвольте спросить лично вас, — продолжал я, — неужели власти будут терять время на розыски убийц Распутина теперь, когда каждая минута дорога и остается какая-то, вероятно последняя, возможность спасти положение?

Вы посмотрите, какое серьезное значение придает вся Россия уничтожению этого проходимца, какой энтузиазм оно вызывает всюду. В распутинском правительстве полная растерянность. А государь? Я убежден, что в глубине души он тоже радуется случившемуся и ждет от всех вас помощи. Надо объединиться и действовать, пока не поздно. Неужели никто не сознает, что мы находимся накануне ужаснейшей революции, и если государя силою не извлекут из заколдованного круга, в котором он находится, то он сам, вся царская семья и все мы будем сметены народной волной.

Революция неминуема, если ее не предотвратит резкая перемена политики сверху.

Министр слушал меня с вниманием и удивлением.

— Скажите, князь, — вдруг обратился он ко мне, — откуда у вас такое присутствие духа и умение владеть собой?

Я ничего не ответил. Он мне тоже ничего не сказал. Мы простились.

Разговор мой с председателем Совета Министров был последней попыткой нашего обращения к высшим правительственным сферам.

XXI

Судьба великого князя Дмитрия Павловича и моя все еще не разрешалась.

В Царском Селе происходили бесконечные совещания о том, как с нами поступить.

21 декабря прибыл в Петербург отец моей жены, великий князь Александр Михайлович. Узнав о грозившей нам опасности, великий князь приехал из Киева, где он находился в качестве начальника авиационных частей русской армии. Немедленно по своем приезде он заехал к нам в Сергиевский дворец, а затем отправился в Царское Село, чтобы выяснить наше положение.

Следствием свидания великого князя Александра Михайловича с государем явился высочайший приказ, чтобы великий князь Дмитрий Павлович немедленно покинул Петербург и отправился в Персию в распоряжение начальника Персидского отряда, генерала Баратова. Сопровождать его в пути было приказано его бывшему воспитателю, генералу Лаймингу и флигель-адьютанту графу Кутайсову.

В одиннадцать часов вечера приехал градоначальник и доложил, что поезд великого князя отойдет в два часа ночи.

Мне тоже было приказано покинуть Петербург, и местом ссылки назначено было наше имение "Ракитное" в Курской губернии.

Мой поезд отходил в двенадцать часов ночи.

Для наблюдения за мной был назначен офицер, преподаватель Пажеского его величества корпуса, капитан Зеньчиков, а до места высылки меня должен был сопровождать помощник начальника Охранного отделения Игнатьев.

И капитан Зеньчиков, и Игнатьев оба получили лично от Протопопова самые строгие инструкции о том, чтобы держать меня в полной изоляции ото всех.

Великому князю и мне было очень тяжело расставаться друг с другом. Несколько дней, проведенных нами вместе на положении арестованных в его дворце, стоили, пожалуй, нескольких лет: столько было нами пережито и передумано, столько сначала мечтали мы оба о счастливых переменах для России и столько надежд похоронили потом.

Теперь судьба насильственно нас разъединила, и мы не знали, когда мы встретимся и при каких обстоятельствах. Впереди было мрачно; томили предчувствия тяжелых событий...

В половине двенадцатого ночи за мной приехал великий князь Александр Михайлович и повез меня на вокзал.

Публику на платформу не допускали — везде стояли наряды полиции.

Великий князь Александр Михайлович, прощаясь со мной, сказал, что он сам завтра выезжает из Петербурга и нагонит меня в пути.

С тягостным чувством я сел в вагон... Ударил третий звонок, пронзительно свистнул паровоз, и платформа поплыла мимо, потом исчезла совсем. Скоро исчез и Петербург. За окном была зимняя ночь, спящие в сумраке снежные поля, по которым одиноко мчался поезд.

И я был одинок со своими мыслями, которые проносились в моей голове под однообразный стук колес увозившего меня поезда.

ЭПИЛОГ

Потом началось разрушение России.

Отречение государя.

Агония Временного правительства, обреченного уже с первого дня своего возникновения.

Наконец, под грохот орудий и трескотню пулеметов, обстреливавших обе столицы, пришли большевики.

Сколько ужасов перенесла наша Родина, сколько миллионов жизней в ней погибло, сколько памятников культуры уничтожено!

Совершилась небывалая в истории эмиграция: массы людей, по числу равные населению целого государства, покинули свою страну и разошлись изгнанниками по всему земному шару.

Годы длится скитальчество бездомных русских, и никто из нас не знает, когда наступит час возврата; все ли этого дождутся или, быть может, только наши дети доживут до светлого дня избавления России.

Изгнанники России всегда живут надеждою на будущее и памятью о прошлом. Последняя, быть может, сильнее, ибо мы не знаем будущего. В прошлом у каждого дорогие ему образы: своих погибших близких, своей прежней жизни; образы своей страны — мощной, широкой, прекрасной.

Воспоминание каждому раскрывает картину за картиной; от мучительного влечения к ним тоскливо изнывает сердце: русская природа с ее могучим простором, русские города, осиянные золотом церковных куполов; линии востока в древних башнях, в очертаниях старых храмов; покой и размах силы во всей прежней русской жизни.

Обрушилась в бездну великая Россия, великая не только по своим размахам и военной мощи, но и по своему государственному и культурному прошлому.

Большинство иностранцев ее не знало. Они верили анекдотам о "варварской стране", управляемой "царями-деспотами при помощи кнута и нагайки".

Западный мир верил этим сказкам и не видел России на-

стоящей; не знал ее истории. Он забыл о том, как в течение веков, заслоняя Европу от монгольского нашествия, русский народ выносил на себе всю тяжесть татарского ига и не погиб под его гнетом; и как усилиями московских царей образовалось единое сильное государство. Запад забыл и о Петре, и о Екатерине, и об их преемниках, которые целью своей ставили просвещение страны и ее широкое культурное развитие. При покровительстве царей создавались высшие школы, процветала наука, развивались искусство, литература, музыка, давшие всему миру немало великих имен, которыми восхищаются теперь и в Новом и в Старом Свете. Едва ли кто знает на Западе и о том, что дочь Петра Великого императрица Елизавета, основательница первого русского университета, отменила в России смертную казнь, и с той поры она никогда не применялась у нас, кроме исключительных случаев военного суда над политическими преступниками, угрожавшими целости государства.

Судьбе угодно было, после трехсотлетия великой созидательной работы, уготовить трагический конец той русской династии, о которой Пушкин сказал: "Романовы — отечества надежда".

Болезнь "распутинства", как проказа, захватила последнее царствование и погубила и императорскую Россию, и ее последнего царя.

Если победителей не судят, то к побежденным большинство всегда бывает неумолимо. Царь, при котором погибла Россия, который и сам так ужасно погиб со своей семьей, разве он не "побежденный" в глазах многих?

Он обладал властью, которая была сильнее его самого и уничтожила его, когда обрушилась с высоты вековых основ.

Российская империя пала почти на пороге своего торжества, а русский государь погиб от руки преступников.

Страшный конец его царствования в представлении большинства заслонил собою все, что сделал и что хотел сделать не для одной только России император Николай II.

Великая по своему благородству идея о "мире всего мира" принадлежит русскому царю. Сын царя-миротворца, император Николай II выносил ее в своем сердце и решил осуществить ее на благо всего человечества путем созыва Гаагской конференции.

Не по вине русского царя избавление культурного человечества от ужасов кровопролития не могло осуществиться.

Рок тяготел над царем.

Он, мечтавший о всеобщем мире, был втянут сначала в японскую войну, а затем в самую кровопролитную мировую борьбу, равной которой по количеству жертв, не знает история.

Победа сулила ему новое расширение Российской империи до Константинополя включительно и объединение всех славян в великий союз под мощным покровительством России... И вместо этого от русской земли отторгнуты целые огромные области.

Давнишняя мечта русского народа о возвращении восточному христианству его величайшей святыни — храма Св. Софии в Константинополе должна была осуществиться в царствование императора Николая II... И катастрофа революции привела к тому, что исконно русские храмы были во множестве осквернены.

Один из самых богомольных русских царей, император Николай II лелеял мысль о восстановлении патриаршества в России, и именно при нем путем происков преступного и наглого мужика в Синод был введен недостойный своего сана, распутинский клеврет, митрополит Питирим, а лучшие представители Церкви отстранялись, и темные люди приобретали значение.

Государь любил свой народ и от народа был отрезан...

Он тянулся к "чистой, бесхитростной" душе простого русского человека, и судьба послала ему в образе мужика не только уголовного преступника, бывшего вора и конокрада, но и величайшего предателя и обманщика, который толкнул к гибели и царя, и всю Россию.

Едва ли был другой монарх, который бы отдавал своей семейной жизни столько любви и внимания. Всем своим существом он был связан со своей семьей, и эта семья в лице императрицы, которая искренно и безгранично любила своего супруга, которая была готова пожертвовать всем для его благополучия, была причиной всех неудач, всех роковых ошибок государя.

Окруженная непроницаемым кольцом распутинского влияния, она слепо верила, что все, что исходит от "старца", — правдиво и безупречно. Она также верила в целебное действие бадмаевских лекарств, которыми поили государя и наследника, тогда как эти тибетские снадобия на самом деле изготовлялись совершенно с иной целью.

Весь жизненный путь императора Николая II отмечен неумолимым роком.

И не только на внешних событиях жизни и царствования государя, но и на его душе как бы лежала печать обреченности.

Могла ли у человека, смиренно покорившегося своей судьбе, развиться твердая воля и непреклонная решимость, не знающая колебаний и отступлений?

И не зародились ли в его душе сомнения в те дни коронационных празднеств, когда торжественный путь молодого царя, приехавшего в древнюю столицу получить благословение церкви на свою державу, был покрыт изуродованными трупами его подданных, погибших в нечаянной и жуткой катастрофе Ходынки?

Простой народ увидел в этом событии тяжелое предзнаменование. Оно сбылось...

Всю тяжесть своего заточения, все оскорбительные выходки революционных властей государь перенес просто и кротко, с подлинным смирением подвижника, с величием души прирожденного царя.

Просто, кротко и величественно он умер...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Т. 2. Париж, 1933, с. 188.

[2]Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР СССР). Фонд 1467, оп. I, дело 450, л. 4.

[3]Родзянко М. В. Крушение империи. — Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 16, с. 26.

[4]Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. Т. 2. Париж, 1933, с. 35.

[5]Еще до выхода этой книги Ф. Ф. Юсупов неоднократно публиковал статьи в газетах и журналах различных европейских стран, но там “шпионская тема“ отсутствовала.

[6]Дневник Николая Романова. — Красный архив, 1927. №1, с. 125.

[7]Переписка Николая Романова с Александрой Федоровной. — Красный архив, 1923. Т. 4, с. 198.

[8]Там же, с. 426.

[9]ЦГАОР СССР. Фонд 612, оп. 1, дело 40, л. 3.

[10]Записки Н. М. Романова. — Красный архив. Т. 49. М.-Л., 1933, с. 103.

[11]У Николая II и Александры Федоровны было пятеро детей: Ольга (род. в 1895 г.), Татьяна (1897), Мария (1899), Анастасия (1901), Алексей (1904).

[12]Филипп (1849 — 1905 гг.). Гипнотизер, спирит и целитель из г. Лиона (Франция), лечивший нервные болезни и предсказывавший судьбу. В 1901 г. во время визита во Францию царская чета познакомилась с ним. Он произвел на них сильное впечатление и дважды, в 1901 и 1902 г., посещал по их приглашению Россию. Предсказал императрице рождение сына, и она до конца своих дней чтила имя Филиппа.

[13]Вырубова Анна Александровна (род. в 1884 г.). Дочь обер-гофмейстера и Главноуправляющего "Собственной его величества канцелярией" А. С. Танеева. В 1902 г. сдала экзамен на звание домашней учительницы. С 1904 г. — фрейлина императрицы Александры Федоровны. В 1907 г. вышла замуж за лейтенанта А. В. Вырубова, с которым вскоре развелась. Одна из самых рьяных поклонниц Г. Е. Распутина и ближайшая подруга-конфидентка императрицы.

[14]Головина Мария Евгеньевна (род. в 1891 г.). Дочь камергера Евг. Серг. Головина. Она и ее мать, Л. В. Головина, урожденная Карнович, относились к числу самых преданных и последовательных сторонниц Г. Е. Распутина.

[15]Мария Федоровна (1847 — 1928 гг.). Урожденная принцесса Дагмара Датская, вдова императора Александра III, мать Николая II, "вдовствующая императрица".

[16]Ирина Александровна Романова (1895 — 1964 гг.). Племянница Николая II, с февраля 1914 г. замужем за князем Ф. Ф. Юсуповым. Ее родители: мать — великая княгиня Ксения Александровна (1875 — 1960 гг.); отец — великий князь Александр Михайлович (1866 — 1933 гг.).

[17]Джунковский Владимир Федорович (род. в 1865 г.). Генерал-майор, с 11 ноября 1905 г. — московский губернатор, а с 25 января 1913 г. по 19 августа 1915 г. товарищ министра внутренних дел и командующий отдельным корпусом жандармов. После указанной истории по настоянию императрицы уволен от этих должностей и назначен в действующую армию.

[18]Николай Николаевич (младший), великий князь (1856 — 1929 гг.). Двоюродный дядя Николая II. Был женат на черногорской принцессе Анастасии Николаевне и под ее влиянием одно время был близок к Г. Е. Распутину, но затем стал его ярым противником. С началом первой мировой войны — Верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами России. В августе 1915 г. уволен от должности и переведен наместником на Кавказ.

[19]Дмитрий Павлович, великий князь (1891 — 1942 гг.). Флигель-адъютант, штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка. Внук императора Александра II, сын великого князя Павла Александровича и дочери греческого короля Георга — великой княгини Александры Георгиевны. Двоюродный брат Николая II.

[20]Воейков Владимир Николаевич (род. в 1868 г.). Генерал-майор свиты его императорского величества, дворцовый комендант. Был женат на дочери министра императорского двора, баронессе Евгении Владимировне, урожденной Фредерикс.

[21]Бадмаев П. А., доктор тибетской медицины (1841 — 1920 гг.). Родился в Бурятии, с 1875 г. занимался медицинской практикой в Петербурге, где имел клинику на Поклонной горе. Здесь лечились многие крупные сановники (А. Д. Протопопов, П. Г. Курлов и др.). Одно время был в близких отношениях с Г. Е. Распутиным, который его часто посещал, но затем стал противником распутинского влияния.

[22]Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869 — 1918 гг.). Журналист, член союза русских драматических писателей, чиновник департамента полиции, лицо, близкое к Г. Е. Распутину. В конце 1916 г. был привлечен к судебной ответственности по делу о шантаже московского соединенного банка, но в декабре 1916 г. по настоянию Г. Е. Распутина и императрицы разбирательство в Петроградском окружном суде было отложено и возобновилось в феврале 1917 г. Был признан виновным в мошенничестве, лишен всех прав и приговорен к аресту на полтора года.

[23]Андронников М. М., князь (1875 — 1919 гг.). Чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода. Издавал газету "Голос русского", был вхож во многие петербургские салоны. Сторонник, а затем противник Г. Е. Распутина.

[24]Протопопов Александр Дмитриевич (1866 — 1918 гг.). Член III и IV Государственных дум от Симбирской губернии, фракция октябристов, крупный землевладелец и фабрикант, симбирский губернский предводитель дворянства. С 1914 г. — товарищ председателя Государственной думы, член прогрессивного блока. В сентябре 1916 г. был назначен управляющим Министерством внутренних дел, утвержден в этой должности 20 декабря 1916 г. Человек, близкий императрице, Г. Е. Распутину и А. А. Вырубовой.

[25]Рузский Николай Владимирович (1854 — 1918 гг.). Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного совета. В 1914 — 1917 гг. командующий третьей армией, затем Главнокомандующий армиями северо-западного и северного фронтов. В Ставке генерала Рузского (Псков) был подписан Николаем II акт об отречении от престола.

[26]Маклаков Василий Алексеевич, дворянин, присяжный поверенный (1870 — 1957 гг.). Член II, III и IV Государственных дум от Москвы, член ЦК кадетской партии, русский посол в Париже при Временном правительстве.

[27]Пуришкевич Владимир Митрофанович, дворянин (1870 — 1920 гг.). Член II и III Государственных дум от Бессарабской губернии и IV Думы от Курской губернии, один из лидеров правых. В годы мировой войны работал на фронте в качестве уполномоченного Красного креста, организовал собственный санитарный отряд и отдельный санитарный поезд.

[28]Елизавета Федоровна, великая княгиня (1864 — 1918 гг.). Вдова великого князя, московского генерал-губернатора Сергея Александровича (дяди Николая II), урожденная принцесса Гессенская, сестра императрицы Александры Федоровны. После смерти

мужа, убитого в 1905 г. эсером И. П. Каляевым, посвятила свою жизнь благотворительным занятиям. Основала в Москве Марфо-Мариинскую обитель, включавшую больницу, амбулаторию, аптеку, приют для девочек, библиотеку, домовый храм.

[29]Рубинштейн Дмитрий Львович (1876 — 1936 гг.). Купец первой гильдии, кандидат юридических наук, крупный финансовый делец. Основатель Русско-Французского коммерческого банка. Был близок к Г. Е. Распутину и пытался использовать последнего в свои целях. В 1916 г. был арестован по подозрению в антигосударственной деятельности, но затем был освобожден.

[30]Макаров Александр Александрович (1857 — 1919 гг.). Сенатор, член Государственного совета. С 20 сентября 1911 г. по 16 февраля 1912 г. министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов. С 7 июля по 19 декабря 1916 г. министр юстиции.

[31]Родзянко Михаил Владимирович (1859 — 1924 гг.). Дворянин, крупный землевладелец, камергер. Член III и IV Государственных дум от Екатеринославской губернии, фракция октябристов. С 22 марта 1911 г. — председатель III Государственной думы, а с 15 ноября 1912 г. — Председатель IV Думы.

[32]Николай Михайлович, великий князь (1859 — 1918 гг.). Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, внук императора Николая I, двоюродный дядя Николая II, историк, автор ряда исследований ("Император Александр I" и др.).

[33]Максимович Константин Клавдиевич (1849 — 1919 гг.). Генерал-адъютант, генерал от кавалерии. С 18 декабря 1915 г. — помощник командующего императорской главной конторой.

[34]Мария Павловна, великая княгиня (1890 — ?). Дочь великого князя Павла Александровича, по мужу герцогиня Зюндерманландская (с 1908 г.), сестра великого князя Дмитрия Павловича. Разошлась с мужем в 1914 г. Во время войны работала сестрой милосердия на фронте, сначала в Восточной Пруссии, а затем — в Пскове.

[35]Трепов Александр Федорович (1864 — 1923 гг.). Статс-секретарь, член Государственного совета, сенатор. С 30 сентября 1915 г. — министр путей сообщения, а 10 ноября 1916 г. назначен председателем Совета министров с оставлением министром путей сообщения. 27 декабря уволен от этих должностей.

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. Ф. Юсупов
Конец Распутина

В книге использованы архивные фотографии
Оригинал-макет изготовлен Агентством КомпьютерПресс

Составитель А. С. Евсеев
Зав. редакцией Л. М. Кузьмина
Художник О. Ю. Бурьян
Технический редактор Е. А. Комкова
Корректоры З. А. Бетева, Г. С. Милютина

ИБ №3116

Подписано в печать 28.05.90. Формат 84x108 1/32. Бумага кн.-журн. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,78. Уч.-изд. л. 8,58. Тираж 250000 экз. Зак. 839. Цена 6 р.

Ордена Трудового Красного Знамени ИПО ВЦСПС Профиздат
101000, Москва, ул. Кирова, 13

Агентство КомпьютерПресс
101000, Москва, Потаповский пер., 10

Можайский полиграфкомбинат В/О „Совэкспорткнига“
Государственного комитета СССР по печати.
143200, Можайск, ул.Мира, 93.

Юсупов Ф. Ф.
Ю91 Конец Распутина. — М.: ИПО Профиздат. Агентство «КомпьютерПресс», 1990. — 144 с. — (Исторический архив)

Князь Феликс Юсупов — один из тех, кто организовал покушение на Распутина. В своих воспоминаниях, которые долгое время были доступны лишь ограниченному кругу специалистов (книга была издана в Париже в 1927 году), он раскрывает обстоятельства совершенного убийства. Несмотря на определенную предвзятость мнений автора, что объясняется его воззрениями, симпатиями и антипатиями, книга является своего рода документом эпохи, помогает понять и связать воедино многие факты минувшего времени.

ББК 63.3(2) 524

Ю $\frac{0503020300}{081(02)-90}$ Без объявл.

ISBN 5-255-00460-X

6 р.

Конец его явился характерным завершением всей его жизни.

В ледяную воду Невы было брошено его тело, до последней минуты старавшееся преодолеть и яд, и пулю. Сибирский бродяга, отважившийся на слишком рискованные дела, не мог умереть иначе; только там, у него на родине, в волнах Тобола или Туры, едва ли бы кто искал труп убитого конокрада Гришки Распутина.

Ф. Ф. Юсупов